Я МЫЛ РУКИ
В МУТНОЙ ВОДЕ...
I Washed My
Hands In
Muddy
Waters...

SHOUT
SHARE
IT

- Надежда Севницкая
  - Начало и конец
  - Об авторе этой книги
  - 1 глава
  - 2 глава
  - 3 глава
- notes
  - 1

Надежда Севницкая
Я мыл руки в мутной воде. Роман-биография Элвиса

Начало и конец

Судьбы артистов в «свободном мире» — взлет, слава, сияние, толпы поклонников-фэнов, потом появляются другие звезды, а для прежних наступают забвение, тишина. Новые, как и прежние, подбадривают себя алкоголем и наркотиками, чтобы подольше пробыть на вершине славы. Они пытаются бороться за свою «звездность; но борются против себя. И никому нет дела до трагедии духа артиста, его человеческой судьбы. Чем больше талант, тем страшнее его судьба в мире шоу-бизнеса, в жернова которого он втянут. В этой борьбе побеждает сильнейший. В данном случае — шоу-бизнес.

Джеймс Чарльз Роджерс,

«отец» кантри-мьюзик, умер в 35 лет от туберкулеза на службе шоу-бизнесу

Хэнк Уильяме,

«Шекспир хиллбилли,» умер в 29 лет от инфаркта на службе шоу-бизнесу

Бадди Холли,

рокер, погиб в 23 года в авиационной катастрофе во время турне

Эдди Кохран,

рокер, погиб в 21 год в автомобильной катастрофе во время турне

Джимми Хендрикс и Джанис Джоплин,

выдающиеся бит-роковые музыканты, погибли в 27 лет от наркотиков, которые они принимали, чтобы быть на вершине славы

Сэм Кук,

черный певец, застрелен в 29 лет накануне концерта

Элвис Пресли

умер в 42 года от инфаркта на службе шоу-бизнесу

Джон Леннон

погиб в 40 лет от руки убийцы

Джо Дассен Марк Бодан Джон Бонэм Джим Моррисон Билл Хейли…

Список можно было бы продолжить, но мне хочется рассказать читателям об одной судьбе.

Об авторе этой книги

Надежда Семеновна Севницкая (28.05.1945 — 14.03.1999) двадцать с лишним лет своей жизни посвятила изучению истоков американской поп-музыки, а также распространению знаний о ней в нашей стране. Она не была профессионалом в этой области, но всей душой любила музыку и прекрасно в ней разбиралась: отлично ориентировалась в безбрежном океане различных современных музыкальных направлений, знала и помнила имена новых и старых, порой забытых певцов и исполнителей, названия и репертуар различных групп и ансамблей. У нее были глубокие знания в этой сфере и твердые убеждения относительно любого явления в области музыки, и она всегда стремилась поделиться тем и другим с каждым, кому это было интересно.

Это увлечение пришло к ней не сразу, хотя Надежда Семеновна с детства переняла любовь к хорошей музыке от родителей и старшего брата. Однако ее главным пристрастием в те времена была литература, и после окончания школы она поступила на вечернее отделение факультета журналистики МГУ. Через некоторое время поиски работы по специальности привели ее в редакцию многотиражной газеты Московского института химического машиностроения (МИХМ), где она познакомилась со своим будущим мужем Вадимом Адольфовичем Севницким. Их сблизил общий интерес к литературе, живописи и, конечно же, к музыке. Оба были заядлыми участниками игры в КВН.

Вадим Севницкий, коллекционер по складу характера, за свою жизнь увлекался собирательством разных вещей, преимущественно книг, пластинок и магнитофонных записей. Постепенно у него образовалась большая фонотека с записями исполнителей негритянского блюза, музыки кантри, рок-н-ролла. Надежда постепенно втянулась в это занятие и со свойственной ей основательностью научилась разбираться в этой музыке, любить ее и ценить.

Тогда и пришел интерес к Элвису Пресли. Как-то раз Севницкой довелось услышать его голос, и он пленил ее навсегда. Однако никто не мог назвать ей имени певца. Теперь же появилась возможность доставать его пластинки и вволю слушать голос любимого артиста.

Разумеется, Надежде захотелось узнать как можно больше о жизни и творчестве Элвиса. Но в те времена (70-80-е гг.) в нашей стране о нем самом и вообще об этом направлении в музыке не существовало никакой литературы на русском языке, кроме разве ругательных статей, время от времени появлявшихся в прессе. И

Надежда Севницкая поступает на обычные городские курсы английского языка (в школе и университете она изучала немецкий), чтобы иметь возможность читать в оригинале книги о своем любимом певце и его музыке. В это время она работает в редакции крупной опытно-швейной лаборатории, которая издавала массу методической и рекламной литературы, а кроме того, в течение двенадцати лет подрабатывает экскурсоводом после окончания специальных курсов. Она возит экскурсии в Псков и Новгород, но ее любимое место — Пушкинские горы, как и все места, связанные с именем А.С. Пушкина, ее первого и неизменного кумира. Вторым был великий скрипач Паганини. Теперь к ним присоединился Пресли, и любопытно, что все эти фамилии начинаются на одну и ту же букву

Едва закончив курсы английского языка, Надежда Севницкая приступает к труднейшей для нее задаче — переводу биографии Элвиса Пресли, написанной Дж. Хопкинсом. Обладая на тот момент весьма скромными познаниями в английском языке, она тем не менее буквально вгрызается в это занятие: переводит дома вечерами и в выходные дни, пользуется каждой свободной минутой и на работе. При переводе сталкивается с незнакомыми терминами и оборотами речи, но врожденное чувство языка, знание предмета, упорство и любовь к делу преодолели все преграды. Надо сказать, что большую помощь в этом ей оказал ее муж. Вадим Севницкий перепечатывал на машинке ее рукописи и по пути сглаживал шероховатости перевода, который часто делался, по выражению самой Надежды Семеновны, «в свободное от работы рабочее время». Он же потом и переплетал ее труды.

Интерес к американской поп-музыке у Надежды Севницкой не ограничивался только Элвисом Пресли. В общей сложности ею было переведено около двадцати книг, посвященных этой музыке. Список ее переводов помещен в конце этой книги, а рукописи переводов хранятся в Государственном центральном музее музыкальной культуры имени М.И.Глинки. Они были переданы туда ее братом Владимиром Семеновичем Николаевым вместе с коллекцией книг и пластинок. Следует заметить, что сама Надежда Семеновна никогда не предпринимала шагов к изданию своих переводов, понимая безнадежность этой попытки. Таким образом, к началу 80-х гг. Надежда и Вадим Севницкие становятся обладателями, с одной стороны, большой и очень своеобразной фонотеки, а с другой — ценной и малоизвестной в те времена информации. Надо учесть, что Надежда Семеновна не просто поглощала эту информацию: постепенно у нее выработалась своя, очень четкая концепция понимания и восприятия поп-музыки. Естественно, ей хотелось поделиться с

людьми и своими знаниями, и своими взглядами. Но как и где найти свою аудиторию?

Как говорится, на ловца и зверь бежит. В 1981 году произошло знакомство Надежды и Вадима Севницких с Георгием Захарьевичем Бахчиевым. Это произошло у меня дома. Георгий Захарьевич тоже не был профессионалом в музыке. Но всю свою жизнь увлекался джазом и долгое время читал лекции по джазу в уже упоминавшемся Музее музыкальной культуры им. М.И.Глинки. В свою очередь он познакомил Надежду и Вадима Севницких с Аллой Самсоновной Прониной, заведующей отделом просветительской работы в музее. Эта замечательная женщина очень подружилась с Надеждой Семеновной и приложила все усилия к тому, чтобы добиться разрешения на чтение в музее первой и пока единственной лекции об Элвисе Пресли.

Каким-то образом чудо произошло. Пройдя все официальные инстанции и получив разрешение на каждую точку и запятую в тексте лекции, они добились позволения для Надежды Севницкой прочитать в музее лекцию об одиозном певце, которого знал весь мир. Надо заметить, что эта лекция входила в цикл под названием «Судьба артиста в «свободном» мире», что, по-видимому, тоже сыграло свою роль. Как бы то ни было, но первая брешь была пробита.

Лекция «Элвис Пресли» состоялась 23 марта 1981 года и имела колоссальный успех. Чтение лекции сопровождалось музыкальными записями из фонотеки самих Севницких. Послушать Элвиса и об Элвисе пришло такое количество людей, что им не хватило места в зале музея. Возраст слушателей был самый разный, начиная с бывших «стиляг» 50-х годов до тинэйджеров и совсем пожилых людей. Вадим Севницкий, обладавший прекрасными художественными способностями, специально к этой лекции нарисовал огромный плакат с портретом Элвиса и сделал значки с таким же портретом для всех друзей, пришедших на лекцию.

Впоследствии Вадим Севницкий сделал еще множество плакатов к каждой лекции, которую читала Надежда Семеновна. Постепенно круг их добровольных помощников расширялся. Слушатели помогли им сделать слайды и иногда заменяли Вадима Севницкого, если он не мог присутствовать на лекции, и сами демонстрировали слайды. Видеофильмов у Севницких тогда еще не было.

После лекций страстные поклонники Элвиса и других американских поп-певцов забрасывали Надежду и Вадима бесчисленными вопросами, поэтому лекции, которые и без того длились иногда 3–4 часа, плавно переходили в вечера вопросов и

ответов. Севницкие уходили из музея затемно, все еще окруженные толпой теперь уже своих поклонников.

В лекциях Надежда Севницкая стремилась дать не только достоверную и объективную информацию, но всегда старалась раскрыть свое отношение к исполнителю и его музыке, передать слушателям свое понимание природы и корней этого явления — американской поп-музыки. Она сама интересовалась глубинными проблемами этого музыкального направления и хотела увлечь ими слушателей.

Первый курс лекций длился с 1981 по 1982 год. Сначала это были лекции только об Элвисе Пресли, но потом появились и другие. Чтобы оценить весь спектр интересов Надежды и Вадима Севницких, надо перечислить все их лекции, поэтому их список помещен отдельно в конце книги.

К сожалению, все прекрасное в этом мире когда-нибудь кончается. В 1983 году между тогдашним директором музея и Севницкими произошел конфликт. Директор музея по идеологическим соображениям пожелал изменить характер их лекций. Оценив обстановку, Надежда и Вадим сочли за благо покинуть музей.

Оставшись без музея, к которому Надежда Семеновна успела прикипеть всей душой, Севницкие старались найти другое подходящее место для своих выступлений. Несколько раз читали лекции в некоторых других помещениях, но, несмотря на готовность преданных поклонников ехать за ними на любой край Москвы, ни одно место не казалось им вполне подходящим. Так продолжалось некоторое время, а затем Надежде Семеновне предложили выступить в прекрасном подмосковном городе Дубне. Местные молодые люди, оказавшись среди ее слушателей, познакомили Севницкую с сотрудником Объединенного института ядерных исследований Борисом Александровичем Муравьевым, который и взял на себя все заботы по устройству лекций. Он сам был заядлым меломаном и всегда оставался преданным другом Севницких. Они же нашли в Дубне хороший зал, неплохую аппаратуру, а главное, благодарных слушателей — в основном сотрудников ОИЯИ.

В течение почти трех лет Надежда и Вадим с удовольствием читали свои лекции в этом замечательном городе. Если по каким-то причинам Вадим не мог туда поехать, то Надежду Семеновну обязательно сопровождал кто-нибудь из ее молодых помощников, найти которых ей никогда не составляло труда. Везде ее окружала толпа молодежи, благоговейно внимавшей каждому ее слову. Это происходило и благодаря ее обширным знаниям, которыми она охотно делилась, и огромному личному обаянию. В

Москве и в Дубне за ней всегда тянулся шлейф совсем юных почитателей. «Вечная старшая пионервожатая» — так она себя называла.

Постепенно у Надежды сложилось несколько циклов лекций. Иногда она составляла лекции-пары: одну посвящала какому-либо направлению в американской поп-музыке, а другую — самому яркому певцу этого направления. Порой меняла музыкальный материал, и к отдельным лекциям у нее было два варианта музыкального сопровождения.

Музыкальная коллекция Севницких и их библиотека продолжали пополняться. У них было много друзей и знакомых среди пластиночников и книжников. Что-то они выменивали, что-то поступало к ним с черного рынка, что-то они приобретали в книжных магазинах на улице Веснина и на улице Качалова, где тоже были их верные друзья. Несмотря на свои скромные доходы, Вадим и Надежда никогда не скупились на покупку нужных им книг и пластинок.

У Севницких был очень открытый и гостеприимный дом. Там постоянно бывали их друзья и знакомые, по делу и без дела, но в основном для того, чтобы послушать музыку или поговорить о ней.

В мае 1986 года в возрасте 47 лет от болезни сердца умер Вадим Севницкий. Ушел из жизни прекрасный, умный, интеллигентный человек, способный художник, верный помощник, приветливый и добрый друг. Надежде Семеновне пришлось одной продолжать их общее дело. В музее тем временем сменилось руководство, и она смогла снова вернуться в свой любимый зал — читала там лекции по приглашению общества «Знание», и помогла ей в этом ее большая поклонница и сотрудница этого общества Тамара Сергеевна Егорова. Вместе с Надеждой Семеновной туда вернулись и прежние ее слушатели: друзья-ровесники, пожилые люди и уже подросшая за эти годы молодежь. Появились и новые слушатели.

В 1990 году состоялась презентация первого в СССР фэн-клуба Элвиса Пресли, созданного по инициативе и под руководством Надежды Севницкой под эгидой Музея музыкальной культуры;

На презентации присутствовал известный певец Муслим Магомаев, который является почетным членом клуба номер один. Он подарил редкие пластинки, альбомы с нотами и видеофильмы. И опять первой помощницей в открытии клуба стала Алла Самсоновна Пронина. Однако вскоре преждевременная смерть оборвала жизнь этой замечательной женщины.

В 1992 году под натиском перестройки распалась опытно-швейная лаборатория, где Надежда Семеновна проработала редактором много лет. Через небольшой промежуток времени она перешла работать в музей, где стала заведующей рекламно-издательским отделом. Превратившись в сотрудника музея, Надежда Семеновна не оставила свои лекции. Она продолжала их регулярное чтение — в среднем по одной-две лекции каждый месяц в течение всего сезона. Однако времена изменились. С одной стороны, стало больше свободы, проще стало добывать информацию, появились видеофильмы с записями концертов Элвиса Пресли и других поп-музыкантов, с другой — изменилась аудитория. И Надежда Семеновна начала думать о том, как необходимо изменить ее лекции, какую надо придать им форму, чтобы они по-прежнему интересовали ее слушателей, а не были просто ностальгическими.

Помимо своих прямых редакторских обязанностей Севницкая принимала участие во всех знаменательных событиях в жизни музея. Во время 120-летнего юбилея со дня рождения Ф.И.Шаляпина Надежда Семеновна встречала и сопровождала его родственников, приехавших из-за границы по приглашению музея. На ее же плечи легла забота о похоронах последней из дочерей Шаляпина — Татьяны Федоровны, которая скончалась в Москве сразу после торжеств и была похоронена рядом с отцом.

В музее Надежда Семеновна увидела два фильма, посвященных талантливому французскому скрипачу Жилю Апапу. Очарованная его игрой, приложила поистине титанические усилия к тому, чтобы организовать гастроли музыканта в Москве, которые состоялись в музее в марте 1996 года и имели большой успех.

По инициативе Севницкой и при ее непосредственном участии был создан «Музейный листок», ставший постоянным приложением к «Российской музыкальной газете». Она находила темы, подбирала авторов, редактировала материалы, проявляя при этом, как всегда, удивительную энергию и целеустремленность.

Почитая скрипку выше всех остальных инструментов, Надежда Семеновна охотно принимала участие в проведении международных конкурсов скрипичных мастеров. Музейный мастер Амиран Павлович Оганезов даже назвал один из своих альтов ее именем — «Надежда».

Севницкая занималась подготовкой музейных выставок, трудилась над выпуском компакт-дисков, посвященных ее любимому музею.

Надежда Семеновна умела привлечь к просветительской и

творческой работе в музее талантливых людей. Настоящим праздником для слушателей стали концерты Алексея Александровича Паршина, которого французская пресса назвала одним из лучших органистов мира. Надежда Семеновна приложила немало усилий к тому, чтобы его выступления в музее стали постоянными.

Сотрудничество Музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки с крупнейшей музыкальной фирмой России «Аккорд» — еще одна история, связанная с Н.С.Севницкой. Два года назад президент фирмы «Аккорд», заслуженный работник культуры РФ С.Л.Сперанский и Н.С.Севницкая при поддержке генерального директора музея А.Д.Панюшкина задумали концертно-просветительскую программу «Инструменты оживают в руках музыкантов», включающую циклы: «Классика», «Фольклор», «Гитара в джазе», «Музыкальный мастер и музыкант», а также цикл «Мастера джаза», который ведет руководитель ансамбля «Джаз-аккорд», гитарист, заслуженный артист РФ ААКузнецов. И вот спустя два года можно с радостью констатировать: программа живет, у нее много почитателей.

В апреле 1999 года должны были состояться новые гастроли Жиля Апапа в Москве, и Надежда Семеновна начала активную подготовку к его приезду Внезапная смерть от инсульта оборвала все ее планы. Она ушла из жизни так внезапно, так неожиданно, так трагично, что невольно рождается мысль о том, не сам ли Элвис властно призвал к себе ту, которая столько сил и времени отдала ради того, чтобы остальные поняли и полюбили его так, как понимала и любила его она.

Несколько слов о самом романе. Он представляет собой беллетризированную форму одной из лекций Надежды Семеновны, которая носит то же название (по названию кантри-хита Джо Бэбкока)

Разумеется, роман сильно отличается от лекции, так как в своих лекциях Надежда Семеновна никаких фантазий и домыслов никогда не допускала. Она написала эту вещь в 1979–1980 гг., когда еще многого не знала о жизни своего кумира. Но, как сама говорила, ей многое удалось угадать. Во всяком случае она никогда впоследствии не отрекалась от своей концепции понимания творчества и жизненной судьбы Элвиса, которая явно прослеживается в ее романе, от горячего сочувствия и просто к человеку, и к великому певцу. Это свое сочувствие и понимание она всегда старалась передать своим слушателям. И для нас, ее друзей, имена Элвиса Пресли и Надежды Севницкой останутся неразрывными навеки.

Татьяна Жданова (сотрудник Российской государственной

библиотеки).

1 глава

Щелкнув колесами на последнем стыке рельсов, поезд медленно покатился вдоль перрона, до отказа забитого людьми, и, наконец, конвульсивно дернувшись, остановился.

В салоне одного из вагонов все моментально пришло в движение. Только Джон оставался отрешенно спокоен. «Пора», — раздался голос Полковника, прямо обращенный к нему. Их взгляды встретились, и Джон почувствовал, что Полковник обеспокоен. «Все о'кей», — мягко сказал он и попробовал улыбнуться, что потребовало усилия. Джон встряхнул отросшими за последний месяц волосами, словно отгоняя это усилие. Левый уголок его рта вздернулся в привычную полуулыбку-полуусмешку. Проведя руками по волосам, он уложил их в знаменитый кок и, ни разу не взглянув на себя в зеркало, двинулся к выходу.

При его появлении в дверях вагона над вокзалом пронесся единодушный вопль.

Он шел через этот орущий коридор, еще не сознавая, что он — дома… Снова, как два года назад, было раннее мартовское утро. А март в его городе — либо живое горячее солнце, либо дождь с рвущим душу своим надсадным воем ветром. Вот и сейчас тучи снижались, как эскадрильи самолетов. В просветах кровило солнце, нагнетая тягостное впечатление. Но пыл людей не утихал, несмотря на начинавшийся дождь.

Прибавив шаг, Джон отыскивал глазами ожидавшую его машину. Полицейские теснили фэнов. Лам уже предусмотрительно распахнул дверцу кадиллака. Едва пожав другу руку, Джон нырнул в мягкое сумрачное чрево, бросив на прощание Полковнику и остальным: «Увидимся в конце недели».

Машина медленно тронулась по дороге, вдоль которой толпились фэны. Из глубины машины Джон жадно смотрел на расстилавшийся родной город. Машина уже выехала на Мейн-стрит с ее старыми кирпичными домами, допотопными, но уютными с виду. Слева и справа город был окружен новыми многоэтажными кварталами. Вот сейчас… сейчас они выскочат к повороту на Уайтхевен.

И тут небо пролилось дождем. Страшная желто-сиреневая туча, переваливаясь, двинулась в сторону его дома, а потом накрыла Форест-хилл. Мысль о том, что на мамину могилу падает тяжелый дождь и даже редкий для этих мест легкий снег, была непереносима.

За своей грустью Джон не заметил, что машина сбавила ход

перед воротами. Они распахнулись и поглотили ее… Понуро стояли фэны — ни улыбок, ни автографов, ни поцелуев.

Взгляд его как-то сразу охватил широкую подъездную аллею, обсаженную старыми деревьями. Стволы их глянцево чернели под дождем. Ветви были так могучи, что маленькие, едва распустившиеся листочки почти не были заметны. Дом из светлого камня, словно перламутровый, светился в дождливой мути. Как он был счастлив здесь всего два года назад!.. Улыбка еще бродила на его губах, когда машина остановилась.

В дверях стояли бабушка, отец, тетка, кузены. Его близорукие глаза, прищурившись, обежали всю группу. Он вздрогнул, вздохнул едва приметно и поскорее улыбнулся своим.

В холле Джон задержался. Огляделся. Синий, как небо, и с нарисованными звездами потолок-свод теперь, когда мамы больше не было, стал не нужен — только давил своей одинокой отдаленностью. Солнце закатилось…

Он сидел у окна своей спальни, а сон все не шел, несмотря на мерный шелест дождя. Напряженная боль сковала тело, не давая двигаться. Над входом в гараж раскачивался большой фонарь. Там стояла первая машина, купленная им для мамы, а она… она…

Почему она? Такая молодая? За что, Господи, ты покарал ее? Или это меня? Меня…

Мысль билась в тисках ночи. Сон не шел. А дождь за окном все бубнил и бубнил.

Пришло и прошло утро. Дождь все продолжал бубнить. Надо было что-то делать. Как-то заставить себя вырваться из ужасного напряженного бездействия…

По-стариковски поднявшись с кресла, Джон пошел в ванную. Горячая вода острого душа прогрела скрюченное застывшее тело. Побрившись и причесавшись, он спустился в кухню и заставил себя проглотить свой любимый сэндвич, приготовленный теперь уже бабушкой, и чашку кофе. Потом крадучись, избегая встречи со своими, поднялся в свой ден (берлогу), как все называли его кабинет, и, позвонив Ламу, попросил подготовить машину.

По-прежнему осторожно спускаясь вниз, вспомнил про плащ, но идти назад не решился и равнодушно шагнул в дождь.

— Насколько я понимаю, босс, тебя следует отвезти вначале подсушить…- начал шутливо Лам, но лицо «босса» было таким измученным, что шутка тут же сменилась деловым:

— Куда прикажешь?

— По городу, если не возражаешь, — без улыбки, но дружелюбно ответил Джон.

Они выбрались на вершину холма, и Лам почти остановился

у поворота на Форест-хилл, ожидая, что босс прикажет свернуть. Но Джон молчал. Он не хотел ту да ехать с Ламом. Ни с кем. Делая вид, что не замечает взгляда приятеля, Джон от вернулся к окну и вздрогнул — там на вершине холма сквозь голые ветви деревьев и серый занавес дождя виднелась огромная беломраморная фигура Распятого, стоящая в голове маминой могилы.

Не дождавшись приказа, Лам взглянул в зеркало и сдвинул его — не было сил смотреть на это отсутствующее белое лицо с черными провалами глаз.

Машина скользнула вниз — к городу. Улицы были пусты. Дождь прогнал людей.

Они проскочили мимо маленькой церквушки, куда в давние счастливые годы мама и они с отцом ходили по воскресеньям. Церковь была чистенькой, недавно покрашенной. Но сердце Джона не дрогнуло ни от печали, ни от радости. Не было сил.

Резкий, почти рискованный поворот, и слева растопырилось довольно уродливое здание из коричневого кирпича, похожее на тюрьму, — его школа. Сюда двенадцать лет назад его привела мама. Воспоминания, связанные со школой, не доставляли удовольствия…

Семья переехала в этот город в поисках работы и сносного жилья из глухой провинции. Джон всегда знал, что они бедны. Бедны, как и все их тамошние соседи. Ни у кого не было денег, чтобы заплатить, например, за лечение. Именно поэтому его маму не взяли в больницу, когда ему пришло время появиться на свет. Он родился в жалкой лачуге, единственным достоинством которой была невероятная чистота, мамина страсть. Однако его появление не прекратило ее муки, и вскоре появился второй младенец, тоже мальчик, но, увы, он был мертв.

Даже спустя много лет, рассказывая Джону о смерти братишки, мама не могла удержаться от слез. Оставалось только догадываться, что пережила она тогда. Больше детей не было, и все материнство обрушилось на Джона. Мама не спускала с него глаз. Он не мог никуда удрать с мальчишками, но мама всегда внушала, что будет рада видеть его маленьких приятелей в своем доме. Она почти до пятнадцати лет водила Джона в школу, не желая понимать, что ребята смеются над ним. Джон стал болезненно стеснительным. Стеснялся всего — своего акцента, своей, хоть и чистенькой, но уж очень бедной одежды: черных когда-то брюк, правда всегда отглаженных, и дешевенькой черной сатиновой рубашки. Он видел, что ребята сторонятся его и стараются не общаться. Иногда они издевались над ним в открытую, потому что учи теля любили Джона за вежливость —

главное достояние бедных южан, — которой то же учила его мама. Между Джоном и ребятами выросла стена. Тогда он решил выделиться хоть как-то, показать, что он не тот, за кого его принимают: отрастил длинные волосы и бакенбарды. Для мальчишек подобный эпатаж оказался непереносим, и они решили поколотить его. Отстаивать же свои принципы кулаками Джону было запрещено строго-настрого. Спасибо, выручил Рэд, друг, почти брат, которого мама всегда по-особому привечала и всегда просила: «Рэд, присмотри за моим мальчиком, пожалуйста».

Нет, неприятно вспоминать школу, но Рэд вспоминался с теплой грустью. Рэд уделял много времени его воспитанию, правда, совершенно противоположному тому, чего хотела мама. Рэд, уже умудренный кое в каких вещах, решил просветить и Джона, подсунув ему девицу.

«Но моя мама», — попробовал отнекиваться Джон. «Брось ты, мама… мама… Надо же когда-нибудь начать? Да и маме говорить не обязательно». Это было ново — не говорить маме. Он решил, что скажет. Однако говорить оказалось не о чем. Застенчивость подвела.

Рэд теперь занят своими делами. А хорошо бы повидаться. Не сейчас и не завтра. Но в ближайшие дни — непременно.

И тут, на излете взгляда, за окном Джон заметил вывеску той парикмахерской, где их с Рэдом стригли перед армией.

Машина шла уже по Мейн-стрит, самой оживленной обычно улице города, в рекламных плакатах и вывесках магазинов. Он любил эту улицу с детства. Правда, тогда она казалась недосягаемо шикарной, а теперь была уютно провинциальной. Машин было немного, людей — еще меньше. А дождь все шел и шел, словно нити прялись из небесных коконов-туч.

Внезапно Джон ощутил тягостное молчание и увидел деревянно-прямую спину Лама. Вот уж кто ни в чем не провинился, кто всегда был предан и чувствовал своего босса, так это Лам. И за всю поездку ни одного слова. Жестоко. И еще не зная, о чем пойдет речь, Джон виновато произнес: «Лам, дружище!». Тот вздрогнул и почти непринужденно ответил: «Да, мой босс?». Машина слегка притормозила у магазина пластинок с огромной вывеской-диском, и Лам обернулся к нему. Увидев, что босс очнулся, Лам будто невзначай поправил зеркало. «Хочешь зайти?». «Не-а… Зна ешь, давай поедем к «Лайту». Лам улыбнулся: «Я все ждал, когда ты вспомнишь о нем». И они поехали к старому дому, где находилась студия. Но на дверях не оказа лось прежней вывески, там висела дощечка с яркой надписью «Сдается внаем».

— Ну и осел же я. Болван просто. Из головы вон, — смущенно заторопился Лам. — Они ведь только-только переехали. Ну, в тот новый центр, который ты субсидировал.

— Не ругайся, сын мой, — назидательно-шутливо оборвал Джон. — Кати в новый центр.

Машина развернулась, и он оглянулся на прежнее здание «Лайта». Семь лет прошло с того апрельского дня, который изменил всю его жизнь…

Приближался мамин день рождения. Конечно, денег маловато, но на его подарок хватит. Джон решил напеть пластинку с двумя песенками. Мама считала, что он хорошо поет. Из скудных семейных средств она выкроила несколько долларов на дешевенькую гитару. Нет-нет, никаких мечтаний о карьере певца не было и в помине. Просто он часами мог слушать пластинки с записями кантристов — Билла Монро, Хэнка Уильямса, обожал «икающий» йодлирующий голос Джимми Роджерса. Но, пожалуй, еще лучше знал черных музыкантов Юга — блюзы Крудапа, гортанное пение «Чернильных пятен», резкий напористый тембр Бо Дидли. Белая и черная музыка переплеталась в его сознании и не давала покоя. Он пел дома, пытаясь соединить две музыкальные культуры. Мама слушала его пение с каким-то восторженным страхом.

Джон сам выучился играть на гитаре. По слуху. Родители не могли позволить себе отдать сына учиться музыке. И он понимал причины и никогда, даже наедине с собой, не роптал. Единственным его настоящим желанием была постоянная работа с постоянным заработком, чтобы мама могла уйти с ткацкой фабрики, забиравшей все ее силы. Именно поэтому на следующий после получения свидетельства об окончании школы день Джон нанялся в одну из местных компаний, где нужен был водитель грузовика. Профессия казалась ему такой романтичной: огромная машина, абсолютно послушная славному молодому драйверу в рубашке с расстегнутым воротником и шейным, трепещущим на ветру платком, несется по шоссе из одного конца страны в другой. Но Джон стеснялся посторонних, тем более веселых разбитных водителей. И свободное время в поездках предпочитал проводить один. Часто брал с собой гитару и веселил самого себя. Ему легко пелось в такие часы.

Сегодня гитара тоже была при нем, и, смущаясь и робея, Джон заставил себя переступить порог «Лайта». Болезненная застенчивость пригвоздила его перед конторкой оператора — вдруг он не сможет выдавить ни звука? Проклятая робость — результат старомодного воспитания, данного мамой. Могла ли она представить себе, что жизнь ее обожаемого мальчика будет

изломана из-за ее воспитания?

Предательская мысль — убраться из студии — быстро прошла, потому что в холле было много народа. Всем не до него. Да и дело к концу дня — авось не дойдет очередь. Джон присел на краешек стула и облизнул ставшие пергаментными губы.

Из звукозаписывающей кабины вышла молодая женщина. Устало глянула на очередь. Их взгляды встретились.

— Юноша, скажите, пожалуйста, следующему, кто придет сюда, что сегодня я уже не успею обслужить. А вы-то сами что хотите?

— Я хотел бы записать пластинку в подарок маме, мэм.

— Ах, маме… А что вы поете, юноша?

— С вашего позволения, мэм, я все пою. В ее взгляде он увидел насмешку и легкое презрение. Было очевидно, что она принимает его за хвастуна. Но обязанности хозяйки заставили ее задать еще один вопрос:

— А кому вы подражаете?

— С вашего позволения — никому, мэм.

Джон не хвастался. Он пел, как чувствовал сам. И, когда он запел, глаза ее потеплели, улыбка тронула полные губы типичной южанки, и она, словно невзначай, нажала кнопку магнитофона, который сейчас был не нужен.

— С вас четыре доллара, юноша. — Она помолчала. — У вас есть телефон? Я бы хотела, чтобы шеф послушал вас.

Он записал свой номер, недоумевая, зачем шефу этой студии прослушивать неизвестного парня. Он знал, кого записывали здесь. Студия записывала и белых, и черных. В те годы на Юге для этого требовалось большое гражданское мужество. Но для шефа «Лайта» существовал один критерий — звук. Он мечтал заполучить белого певца, который бы обладал негритянским гортанно-носовым звуком. Однако до сих пор его поиски не увенчались успехом.

Звонок раздался только через год. Сэм, шеф «Лайта», по настоянию своего секретаря-оператора Марион решился на прослушивание. Да и дела студии были не блестящи. На Севере, словно грибы, росли гигантские звукозаписывающие фирмы, с которыми невозможно было конкурировать.

Когда мама сказала, что звонили из «Лайта» и его ждут сегодня, Джон стрелой помчался туда, прихватив гитару.

Легкая дверь звонко хлопнула, и этот сухой хлопок мгновенно отрезвил Джона. Зачем он здесь? Он что же, решил, что хочет стать певцом? В нем жили десятки самых разных песен — кантри с веселым треньканьем банджо, порхающим пением скрипок и рассказами о грустной жизни, монументальные

духовные гимны негров — госпелы, душераздирающие блюзы и ходкие мелодии бродвейских мюзиклов.

И вот — прослушивание, о котором он и не мечтал никогда.

Марион представила его шефу и двум ребятам — Скотти, ведущему гитаристу, и Биллу, басисту. Джон вдруг ясно увидел, что все трое исподтишка разглядывают его бедный костюм. Конечно, они тоже отнюдь не были ребятами из модного журнала, однако им было трудно даже представить всю глубину его бедности. Он чувство вал, что произвел удручающее впечатление. И все его празднично-испуганное наст роение развалилось на куски. Надо было скорее закончить — спеть пару-тройку песен, услышать вежливое «спасибо» и уйти.

Забыть дурацкие мечтания и снова гонять на своем грузовике, исправно принося маме в конце каждой недели зарплату, получать от нее поцелуй, пахнущий арахисовым или банановым маслом (она всегда делала к возвращению своего мальчика из рейса его любимые сэндвичи).

Сэм попросил начинать. Джон очнулся, сглотнул комок и запел какой-то шлягер. Шеф вежливо прослушал, но на его лице явственно было написано — не то! Тог да Джон запел одну из песен Южных гор. Сэм насторожился и стал называть одну песню за другой. «Знаете?». «Знаю». «Начали»… Так они занимались до изнеможения. Наконец, после короткого перерыва шеф решился и отобрал две песни. Ребята управились с ними быстро. И, пока Сэм слушал запись в студии, они в холле валяли дурака. Джон, в своих немыслимо широких темных штанах похожий на плюшевого медвежонка, схватил гитару и запел в чуть убыстренном темпе известный блюз, неожиданно легко, хотя и несколько косолапо двигаясь в такт. Голос стал звонким, гибким, живым. Тембр и звук были такими, что Скотти и Билл первое мгновение сидели с приоткрытыми ртами, а потом начали подпевать в полном забвении чувств. Они дурачились, не подозревая, что исполнение, рождавшееся сейчас в крошечной студии Юга, станет точкой отсчета современной поп-музыки.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Сэм, и глаза его были страшны.

— Что вы делаете, чертовы ослы? — истошно заорал этот воспитанный человек.

— Нич-чего, сэр. — Джон принял гнев на себя. — Мы просто отдыхали и немного пели, сэр.

— Просто… — внезапно успокаиваясь от его мягкого голоса, сказал Сэм. — Просто. А вот не просто. Это надо сделать еще раз, ребятки. Держите ритм. Полная свобода. Начали…

Через неделю тираж пластинки лежал на большом студийном

столе.

— Боже, благодарю тебя, — сказал Сэм. — Но кто из диск-жокеев рискнет прокрутить это?

— Никто, — донесся до него голос Марион. — Это не кантри и не блюз, и не популяр. Певцы ополчатся на нас. Вначале.

— Вначале?

— Они скоро поймут — их песенка спета. И петь ее будет этот мальчик, Сэм. Впрочем, он и не поет вовсе. Он сама душа музыки — звук. Мелодия — всего лишь тело. Я поняла это, когда впервые записывала его. Для него мелодия не главное. Он по-другому слышит и воспринимает музыку. И у него всегда будет свое… — Марион, почувствовав, что говорит слишком горячо, усмехнулась и добавила: — А тела? Тела ему будут предлагаться в изобилии.

Сэм никогда не слышал от своего оператора ничего подобного, но шокирован не был. Он полностью разделял в душе это мнение, боясь поверить себе. Сбылась мечта всей жизни — Сэм владел сейчас душой музыки. Но радость быстро сменилась грустью: нельзя владеть душой. «Лайт» просто не в состоянии даже надолго стать для нее пристанищем. Душа уйдет. Больше того: ей надо помочь. А пока пусть на ее огонь слетятся другие.

Марион пересказала Джону этот разговор с шефом несколько лет спустя. Тог да Джон знал только одно — началась новая жизнь.

Теперь его родителям нечего больше бояться нищеты. Он построит для них дом, купит машину. А что нужно ему? Слава? Нет. Не то. Он хотел бы утвердиться. Поверить в себя. Доказать всем, что им нельзя командовать, что он — личность.

Однако, все было не таким быстрым и легким. Если бы не смелость Дика, диск-жокея из его родного города, который решился прокрутить пластинку по радио, Бог весть, как бы все сложилось. Никогда не было бы и концертов, если бы не Дик, быстро смекнувший, что публика с опаской спрашивает пластинку потому, что принимает нового певца за цветного из-за тембра его голоса. Для тогдашнего Юга причина была очень веской. И Дик решил сделать интервью.

Джон вспомнил, как вошел к Дику в кабинет, не зная, куда девать руки. И пря мо с порога он сказал:

— Сэр, я не знаю ни о каких интервью.

— И не надо, малыш. Просто ты должен быть честен. Дик заговорил о его семье, школе, увлечениях, давая слушателям понять, что парень — белый.

Наконец диск-жокей объявил:

— Порядок, малыш. Спасибо большое.

— Но, сэр, вы собирались делать интервью…

— А я уже, — ответил Дик.

Джон вспомнил, что несколько секунд находился в состоянии столбняка, а потом его прошиб холодный пот.

Спрос на первую пластинку рос. «Лайт» выпустил вторую, третью, четвертую. Они расходились мгновенно. Теперь имя нового певца гремело по всему Югу. Начались концерты. Каждый день в новом городе.

Концерты шли при полном зале. Джона объявляли как короля кантри-энд-вестерн.

А Король появлялся одетым по-прежнему в широкие черные брюки и темную расстегнутую у ворота рубашку. Он наклонялся вперед — к публике: ноги расставлены, на шее гитара, руки судорожно сжимают стойку микрофона. Он смотрит на людей, сидящих в первых рядах, прищуренными глазами, но не видит их. Он с трудом помнит себя.

Музыка взрывается в нем гитарой Скотти. Сам он отбивает такт на деке своей старенькой гитары, а потом с остервенением терзает струны.

Джон не мог видеть себя. И только по реакции публики судил о своей популярности. Каждое его выступление сопровождал шквал воплей. Да, молодежь любила его, но он был для нее вне досягаемости. Свой и… чужак.

Что ж, ничего нового. Всегда чужак. Всем. С детства. Уже потом репортеры будут говорить, что даже на ранних фотографиях он улыбается, а грусть в глазах ос тается.

Когда Джон улыбался — не усмехался, его улыбка действовала на людей, как вино, искрящееся в старом бокале.

Неужели было время, когда он улыбался? Сейчас Джон не мог вспомнить, как это делается, разучился.

Наконец Джона пригласили выступить в Городе кантри-мыозик. Он едва сдерживал дрожь, пока конферансье объявлял:

— Несколько недель назад этот парень записал на «Лайте» песню, которая, подобно сигнальной ракете, пролетела через всю страну. Ему только девятнадцать! У него новый, отличный от других стиль! Попробуйте сами определить — какой!

После этих слов Джон вышел на сцену, смущенный почти до спазма в горле, улыбнулся трогательно. Привычный вопль пронесся по залу. Он метнулся к микро фону, запел, как никогда прежде. Рождалось новое в его мастерстве: отчаянная трепетная нота, свойственная только ему.

Но солист этого театра, матерый певец, пластинки которого Джон слушал с замиранием сердца, подошел после концерта и сказал, что лучше бы ему снова вернуться к прежней профессии — водить грузовик. Джон еще не понял тогда, что это начало

зависти, которая отныне будет сопровождать его, и плакал в номере гостиницы. Ему казалось, что все рухнуло.

А по приезде домой он узнал, что его последняя пластинка заняла третье место по штату, обойдя пластинку его обидчика.

Он совершенно не интересовался своей внешностью. Некогда было думать о таких глупостях. Но девушки всем своим поведением на каждом концерте внушали ему: ты красив. Высокий, темноволосый, с серо-голубыми огромными печальными глазами, с отличной посадкой головы, с тонкими аристократическими, но мужскими руками, он был очень сексапилен. Тогда почему же девочки в школе пренебрегали им? Они обращались с ним по-товарищески, однако встречались с другими мальчиками. Бедность? Бедность.

За его спиной так и говорили — белый босяк. И Джон возненавидел «честную» бедность, но скрывал это, чтобы не огорчать родителей. Сейчас все изменилось. И возникло опасение, что причина в его славе. Джон совсем не задумывался, что его труд не легче, чем труд где-нибудь на заводе, а может, и тяжелее. Он просто любил петь и любил своих.

Перед каждым концертом он был на грани нервного срыва, ничего не мог с собой поделать, хотя и понимал, что держит в постоянном напряжении и своих друзей — Скотти, Билла и Джоя.

Джон мог бодрствовать всю ночь накануне концерта, не давая покоя и ребятам. Они швыряли в него, чем попало, пробовали не обращать внимания, однако ни что не менялось. И однажды Скотти, сделав вид, что собирается присоединиться к его штукам, подошел и вдруг скрутил его. Билл и Джой силой раздели его и уложи ли в постель. Джон скрежетал зубами от ярости и унижения, но Скотти присел на кровать и мягко, насколько позволял его довольно пронзительный голос, попросил:

«Поспи, малыш». И вдруг заклинание подействовало — Джон уснул.

Перед концертом он грыз ногти, барабанил руками по всем вещам, топал ногами, ежеминутно причесывался перед зеркалом и производил бы впечатление неуклюжей деревенщины, если бы друзья не знали, что это от страха. Джон постоянно боялся провала.

Как-то ему случилось заболеть в турне, и лечащий врач, который накануне был с дочерью на его концерте, сказал:

— Милый юноша, вы тратите за час своего выступления столько нервной и физической энергии, сколько люди, работающие на плантациях нашего Юга, тратят за восемь-девять часов. Остерегитесь. Научитесь отдыхать.

Тогда Джон только сконфуженно улыбнулся. Было совестно

отнимать время у такого ученого человека. И еще — невозможно было поверить в серьезность предупреждения.

Доктор угадал его мысли, покачал головой и продолжил:

— Все гораздо серьезней, чем кажется вам сейчас. Если не умеете отдыхать, научитесь хотя бы расслабляться. Быстро ходите, считайте вслух. Что угодно — только не думайте о предстоящем выступлении. Поймите, я видел вас. У вас колоссальное сценическое присутствие, фантастическая легкость. Скажу больше: когда-нибудь это назовут гениальностью, но лучше вам об этом не думать. Думайте о себе. После каждой песни вы делаете глубокий выдох, давая отдохнуть связкам, не так ли? Так вот: у вас должен быть и моральный выдох.

Несмотря на явную доброжелательность врача, Джон не мог поверить, что о нем кто-то печется, кроме мамы. Врач снова увидел бесполезность своих уговоров и решил упрятать его на недельку в госпиталь отдохнуть.

Однако на следующее утро доктор почти не удивился, не обнаружив своего пациента на месте.

— Удрал? — спросил он у медсестры.

— Да, доктор, — сокрушенно подтвердила та.

— Иначе и быть не могло. Как говорится, спаси его, Боже. Он не способен на жалость к себе. Потом, может, и поймет, но и тогда ничего не сделает для себя.

— Простите, доктор. Я слышала, что вы с дочкой были на его концерте. Говорят, девицы безумствовали? Ужасно! Неужели вы не возмущены? Куда приятнее, по-моему, слушать прежних певцов.

— Знаете, я тоже так думал еще два дня назад. Я не хотел пускать дочь на концерт. Я был «наслышан». А потом, видя ее расстроенное лицо, решил пойти с ней. Так вот. Это — нечто. Мальчик невероятно, нечеловечески талантлив. Ему отпущено на двоих.

— 0-у! Я могу сказать вам. Он — половинка.

— Бог с вами, сестра?!

— Да, он близнец. Правда, его братишка умер при рождении.

— Бедный малыш. Его удел — пение и одиночество. И немного найдется людей, которые смогут понять его до конца и не отравлять ему жизнь.

— Аминь, доктор. Никогда не знала за вами проповеднического таланта. Вряд ли объект того стоит.

Врач посмотрел на свою собеседницу растерянно и грустно и вышел из палаты, не подозревая, что беглец еще находится рядом в укромном уголке и слышал весь разговор.

Было над чем подумать. Но откуда-то из глубины вдруг

всплыло — не поддавайся, раз дашь себе поблажку, и пойдет.

Решено, все обойдется. И Джон стал учиться уходить от себя, но совсем противным, нежели тот, что советовал ему добрый эскулап, способом. Дорожное происшествие и шок как последствие. Долой! Едем дальше. Вечером концерт. Тяжелейшая ангина. Снова побег из госпиталя. Вечером концерт. Жестокое отравление: трясущиеся руки, подкашивающиеся ноги и сердце, делающее опасные маневры… Обойдется! Вечером концерт.

Беснующаяся публика. Горящие фосфорическим блеском глаза фэнов. Однажды среди этих глаз Джон внезапно увидел одни — холодные и оценивающие. Не глаза — доллары. Это не фэн.

Когда он вернулся домой, Сэм вызвал его к себе и сказал:

— Мой мальчик, тобой заинтересовались люди одной из ведущих фирм. У нас для тебя нет перспектив. Человек, который хочет поговорить с тобой, обещает, что, если вы договоритесь, ты будешь петь все: кантри, блюзы, популяр.

— А госпелы?

— Ну-у, этого я не знаю.

— Босс, вы очень добры ко мне, но, может, я вам больше не нужен?

— Не будь дураком. Тебе нужна дорога, а не колея. Да и то ты эту дорогу будешь раздвигать для себя. Любую. Все. Иди. Подумай. Поговори со своими. Завтра днем Полковник — так его зовут на фирме — будет здесь. Ему нужен ответ.

Джон вышел в смятении. Вот оно! Сэм давно готовил его к большому будущему. Домой, посоветоваться со своими! И тут же понял — родители сейчас не советчики. Решение должно исходить только от него.

Его машина была припаркована на стоянке возле «Дайта». Стоянка напоминала этакое кадиллаковое гнездышко: серебристо-синий — Джерри, палевый — Карла, алый — Мэка.

Ребята! Как можно было забыть о них?! «Миллиондолларовая четверка». Они никогда не пели вместе, но прозвище привилось. Они пришли позднее. Сэм оказался прав — души прилетели. Только одного не учел шеф «Лайта»: души эти не были ба бочками. А возможно, расчет был на его продолжение? Сэм любил пестовать таланты.

Джон вихрем влетел в студию. Ребята сидели с пастозными физиономиями, потягивая пепси через соломинку.

— Я написал для тебя песню, — сказал Карл. — Шуточную. Про ботинки.

— И я, — откликнулся Мэк. — Про ритм. Твой ритм.

— Я ничего нового не написал, — виновато вставил

Джерри, — но все мои пес ни в твоем распоряжении.

— Но я еще…

— Ну и осел, — перебил Карл. — «Дайт» уже не тянет на тебя. Нельзя же всю жизнь гонять по городам в поисках ангажемента. Думать думай, но не вздумай отказаться. Давай-ка, спой что-нибудь из госпелов.

Джон сел за рояль. И этому он выучился сам. По слуху. Он знал, что госпелы и спиричуэлс лучше петь под рояль.

Через час Сэм вместе с Марион зашли в студию. Четверка пела. Вошедшие уселись на краешках стульев. То была грустная минута — предстояла потеря. Наверное, так ребята поют последний раз.

Джон вел тему, остальные пели гармонию. И простой текст гимна уплывал по адресу — к Богу.

Лица у четверки были отрешенными. У Джона глаза закрыты, брови образу ют прекрасную скорбную линию. У Мэка взгляд словно проходит сквозь стены. Лицо Карла искажено гримасой боли, от которой кожа туго натянулась. Лицо Джерри в крупных, почти обронзовевших складках.

Разные они, но, когда изредка поют вот так, сердце Сэма заходится от счастья: вот он, вот классический пример «южного звука»: смеси гнусавости кантри и протяжной дынной мягкости госпелов.

Последняя нота взлетела вверх, закрутившись каким-то немыслимым пируэтом. Тронув клавиши легким прощальным прикосновением, Джон поднялся, обвел всех взглядом, бросил короткое «до завтра» и вышел.

Утром он сказал Сэму:

— Ну что ж, заключайте контракт.

— Они предлагают следующие условия…

— Прошу прощения, босс, я не буду вникать в это. Я верю вам во всем. Это хорошо?

— Малыш, ты осел. Я просто обязан тебе сказать. Моя студия получает тридцать пять тысяч, ты — пять тысяч в качестве аванса. Но дело не во мне и даже не в студии. Для тебя хорошо, что ты получишь возможность петь все и как ты захочешь. Ну, слава там. Деньги. Но будет и другое: назойливая реклама, постоянное вмешательство в твою жизнь.

Контракт был подписан на три года. С этой минуты Джон получал личного менеджера, массу студий для записи, возможность выступлений на телевидении и в главных концертных залах страны, а купившая его фирма — право на переиздание всех пластинок, вышедших на «Дайте».

К концу первого года работы на новой фирме Джон записал

диск, который сразу же возглавил национальный хит-парад. В записи участвовал знаменитый квартет — «Айрсы», но аккомпаниаторы были прежние: Скотти, Билл, Джой. Вещь получилась необычной. Звук, слегка запинающийся и икающий, будто шел со дна гигантского колодца, причудливо размываясь.

Он был доволен и решил как-то отблагодарить ребят из квартета:

— Я хотел бы, если не возражаете, записать с вами еще несколько пластинок, конечно — если вас устраивает работать со мной.

Лишь спустя несколько лет Гордон, глава квартета, признался:

— Знаешь, мы тогда не обратили никакого внимания на твои слова. Даже не запомнили твое имя. Для нас это была Работа. И только.

Джон снова, теперь уже в качестве собственности другой фирмы, со своими старыми друзьями, среди которых был теперь и Рэд, выступал в разных городах Юга. И откуда ему было знать, что скоро предстоит покорять Север. Единственное, что они тогда знали, была езда, езда, езда.

Но Полковник не зря сидел в своем офисе. Он добился для питомца возможности выступления на телевидении. Когда все организационные вопросы были улажены, Полковник послал телеграмму с приказом прибыть как можно быстрее. И Рэд, исполнявший обязанности драйвера, погнал машину на Север.

Дождливым и холодным был день его первого выступления на телевидении.

Они приехали задолго до начала. Никогда еще Джон так не боялся провала и поминутно заглядывал в зал. А зал был почти пуст. Хотя его имя было афишировано, оно привлекло мало внимания. Город Городов не знал его. Эту северную громаду предстояло завоевывать.

Джон потерял контроль над собой. Снова ногти были обгрызены под корень, на глаза то и дело навертывались слезы. Друзья не могли к нему подступиться. Ждать было нечего. Забившись в угол, он причитал:

— Все, все, все… Провал. Ухожу водить грузовик. Внезапно перед ним возникло буратинье лицо Скотти, искаженное какой-то идиотски-счастливой гримасой:

— Смотри!!!

Одним скачком Джон очутился у двери и заглянул в щелку. В зал валили тинэйджеры.

Пройдоха-чудотворец Полковник, поняв, что питомец действительно находит ся на грани провала, решил раздавать

билеты прямо на улицах. Недаром в далеком своем детстве Полковник был ярмарочным зазывалой. Билеты попали по назначению — к молодежи. Конферансье представил Джона с таким же профессиональным энтузиазмом, с каким представлял бы гостей-звезд. В гостиных по всей стране маленькие экраны на секунду померкли, а когда изображение вернулось, Джон стоял посреди сцены, пристально глядя в камеру прищуренными глазами. Движением плеч он сбросил спортивный пиджак, расслабил широко расставленные ноги, сделав упор на правую.

«Как только Скотти взял первый аккорд, он начал в такт подрагивать ногами:

Ита-а-а-а-к, с тех пор, как любимая покинула меня,
Я нашел единственное место, где можно жить:
Это внизу, в конце Лонели-стрит,
Это пристанище разбитых сердец».

Джон использовал свою гитару в качестве ударного, он двигал бедрами, а ногами выделывал нечто среднее между шарканьем и па чарльстона. Он усмехался, приспустив веки.

Телезрители не видели такого никогда. В этот день энергия нового поколения прорвалась на телеэкраны.

Но, Боже, что последовало за этим выступлением! На Джона ополчилась пресса. Его называли потенциальным преступником. Наркоманом. Его требовали запретить. Его музыку — тоже. Вмешалось духовенство. Естественно, и родители подросточков, которые уже успели забыть, что точно так же их родители были против танго, чарльстона и тустепа.

Тем не менее почта в адрес программы была доселе невиданной. Подросточки старались.

Весь этот вой не трогал Джона. Он твердо знал; что не делает ничего предосудительного, просто сопереживает музыке, что протестующие тоже были молодыми и их родители были против Вождя, которого теперь ставят ему в пример.

Но фирма, стоявшая за его спиной, сумела повернуть общественное мнение на благо себе и своему питомцу. Он был им слишком нужен, потому что был нужен миллионам тинэйджеров — главным покупателям пластинок. Джон не знал, какие прибыли получает фирма, а поскольку фирмачи ретиво старались, догадывался — огромные.

Полковник тоже был готов в любой момент прийти на помощь. Сообразительный он, этот Полковник. Какой, к дьяволу, Полковник!.. Самозванец, получивший лицензию на это звание явно незаконно. Но даже на фирме его не звали по имени. Только

— Полковник.

Когда тот впервые пришел к ним в дом, то сразу смекнул — честная белая бед нота. Обожаемый сын. Опыта в делах никакого. Уж как Полковник обхаживал отца, а, главное, маму.

— Ах, у вашего мальчика такой талант. Ах, перед ним такое будущее! Ох, он так любит вас и так много работает для вашего благополучия. Боже, ведь так можно сорвать голос. Подпишите, будьте так любезны, вот здесь и здесь, и ваш малыш будет скоро самым-самым. Один момент. Не сочтите за наглость. Здесь двести долларов. Так, пустяк. Знак благодарности. Я бы не посмел, да не знаю, что подарить вам, мадам, и вам, сэр. Не имею пока счастья знать ваши вкусы. Мои наилучшие пожелания. Всех благ. Ваш всей душой. А теперь позвольте откланяться. Можно, я уведу на несколько минут вашего чудного мальчугана? Благодарю, благодарю, благодарю.

«Чудный мальчуган» стоял тут же и напрягал все мышцы лица, чтобы рот не открылся. У них на Юге редко кто тарахтел так бойко и развязно. И когда Полковник пухлыми, но железными пальцами взял Джона за локоть, оставалось только повиноваться. Они вышли.

— Вот что, милок. У тебя голос и мордашка. Настоящий талант у меня. Но я буду с тобой работать… из сорока процентов от всех доходов, и мы будем богаты, как раджи. Идет?

Ошарашенный таким поворотом, Джон молча кивнул.

— Молодец! Подписывай пока только здесь, ты ведь еще несовершеннолетний. Всего!

Полковник похлопал его по руке и, словно мяч, запрыгал к своей машине.

Вот потому-то менеджер не мог теперь не драться за питомца, а фирма про должала гнать пластинки.

Люди любили работать с Джоном. Почему нет? Он покладист. Работоспособен, хотя почти не репетирует. Никаких претензий к оркестру и группе. Если что-то не удавалось сразу, он говорил:

— Давайте попробуем еще разок. Я думаю — должно получиться лучше. Когда не выходило у него:

— Моя вина. Прошу прощения. Я постараюсь не оплошать. Люди охотно шли навстречу. Окружающие стали все чаше говорить о его обаянии. А Полковник это обаяние продавать. Из чудного мальчугана делался сувенир:

косметика, майки, фотографии — все с его улыбкой. Полковник изменил стиль звезды, сделав его более коммерческим, — продавалось все. И только нельзя было звезде ни общаться с журналистами, ни выступать без ведома Полковника. Он должен был оставаться недосягаемым и

одиноким. Кантри-звезды ненавидели его и завидовали ему.

В одном городке, где ему как-то довелось выступать с ведущим кантристом страны, директор шоу, вызвав Джона к себе, заявил, что кантрист требует, чтобы его ставили закрывать шоу.

— Мне все равно. Пусть попробует.

И тот попробовал… Бедняга был прекрасным артистом и старался вовсю, но публике нужен был другой певец — Джон. Наутро кантрист пришел к директору и попросил оставить все, как было.

Поклонники торжествовали. Они хотели отметить победу. Они имели право. Вечером они свое право осуществили. После выступления они дорвались до сцены и пустили ботинки Джона на кожаные полоски сувениров. Он улыбался, хотя понимал, что происходящее смахивает на жертвоприношение.

После концерта Полковник твердо сказал:

— Вот что, ты у меня золотой мальчик. И я не хочу потерять тебя. Отныне твои друзья будут твоими телохранителями. Ты берешь их на зарплату.

— Я подумаю, — мягко сказал он.

Когда они вышли из театра, кто-то окликнул его. Дружески. Джон решил, что парню нужен автограф, наклонился к открытому окну машины и вдруг получил сильный ошеломляющий удар в лицо. Машина мгновенно уехала. Из носа капала кровь, но он бросился к своему кадиллаку в надежде поймать обидчика. За что? Он так и не понял. Зависть была ему не ведома.

Утром Полковник молча взглянул на его разбитое лицо и протянул пачку каких-то листков.

— Что это?

— Контракты на Рэда, Дама, Битей и Джорджа. Пока тебе хватит. Больше, чем у Вождя. Кстати, он тоже бесится. Тиснул материальчик в газете. Как будто не его когда-то называли разрушителем всех и всяческих устоев. Слушай, малыш. Я надумал еще подкусить Вождя. Ты будешь сниматься в кино. Я, собственно, уже договорился, — добавил Полковник, и от удивления перед собственной несдержанностью его рыбьи глаза съехались к переносице.

Страна Грез — она замаячила вдали, но очень реально при способностях Полковника. Кто в молодости не мечтал сняться в кино? Теперь Джон вдруг панически испугался, но окружающие наперебой твердили: «у тебя талант», «ты справишься». Он-то далеко не был в этом уверен. Однако Полковник пообещал, что там будет родная стихия — музыка, и тем не менее не удержался, обмолвился:

— Фильмы с твоим участием все равно принесут нам бо-о-

ольшие деньжата. Недоуменный взгляд питомца заставил менеджера опомниться. Надо отдать должное этому человеку: понимал — психология мальчишки не соответствует его успеху, и старался не шокировать. И это работало на Полковника.

— Когда собираться? — с придыханием прошептал Джон.

— 0'кей, малыш! Неделя на сборы.

Мама помертвела от такой новости. Так далеко и так надолго ее мальчик еще не уезжал. Она лишилась покоя и, чтобы не показывать свою печаль мужу и сыну, занялась обновлением гардероба Джона. Он никогда не увлекался тряпками. И теперь, когда возможности были, по-прежнему оставался равнодушен к вещам. Ему было все равно, в чем появляться, лишь бы складка на брюках напоминала лезвие бритвы да воротник рубашки был туго накрахмален и хорошо отглажен. Пока мать не могла пожаловаться, что слава испортила сына. Прежним — милым и простым, как в недавние бедные годы, остался ее мальчик. Она горячо молилась, чтобы так было и дальше. Беспокоило ее только, что, кроме работы, у сына ничего и никого нет. Вокруг столько хорошеньких девушек, а Джон обращается с ними, словно со школьными приятельницами. Откуда было матери знать, как мучительно ее мальчик переживал отношение девушек к себе до прихода славы и после. Его настоящей чувственной любовью стала музыка. Мать видела, как бывает опустошен сын после концерта, как устает от подобной самоотдачи. Несколько раз она приступала к Джону с просьбой: «Сынок, прошу тебя, подумай о себе. Если ты будешь так щедро раздавать себя, то не доживешь до тридцати. Я боюсь за тебя». Он, улыбаясь, отвечал: «Что ты, мамочка, до тридцати… Я никому не буду нужен уже лет через пять. Вот тогда и отдохну». Но мать чувствовала, что сын не создан для отдыха. Ночами из-под двери его комнаты подолгу виднелась полоска света и слышалась тихая музыка. Запись своих пластинок он просил назначать на поздний вечер. Возвращался счастливо-усталый, спал четыре-пять часов, потом готовился к концерту.

Мать боялась за его здоровье и боялась постоянно докучать своей опекой. Поэтому сейчас перед разлукой она успокаивала себя тем, что Джон хоть немного отдохнет от шквала воплей фэнов и от самого себя.

Все-таки в аэропорту она слегка всплакнула. Отец только крепко сжал руку сына.

К самолету Джон шел со смятенным сердцем, понимая, что мама потеряла го лову из-за его отъезда. Но внушить ей, что он вырос, что имеет право на собственный опыт, не мог. Пусть она будет спокойна. Она заслужила.

С такими мыслями он пролетел над страной. И вот уже самолет, описав дугу, нырнул вниз.

Он выходил последним. На огромном летном поле маршировал оркестр, ужасно перевирая его очередной хит. Впереди шел Полковник и, обращаясь к публике, ярмарочным зазывным голосом выкрикивал:

— Уважаемые! Сегодня вы имеете счастье приветствовать Короля всей поп-музыки!

Так Полковник унизил Вождя, создав Короля. Премьер-министром он без раздумий назначил себя.

Королевский эскорт шествовал поодаль. Подданные бесновались, не смея приблизиться.

На следующий день состоялось подписание контракта. Полковник торжество вал — деньжата выходили приличные. Вождь смотрел из угла, окруженный своими прилипалами. И его шипение ласкало слух Полковника больше, чем пение питомца.

Питомец был раздавлен кинопери, закружившимися вокруг легким пестрым хороводом. Все они были обворожительны, он по отношению к ним — в высшей степени предупредителен и расточителен. Пресса, без всякого на то согласия, сделала его героем одновременно двух романов, чем рассмешила и раздосадовала его.

Для мамы происходящее было непонятно. Они там, на Юге себе и представить не могли нравы киномира. Теперь ей прибавится страхов на тему о том, что сын попал в вертеп. И каждый вечер Джон звонил домой, чтобы шуткой и звуком своего голоса успокоить ее. Теперь его вечера были непривычно свободны. Общественные места были не для него. Где бы он ни появился, люди переставали заниматься своим делом, и все глаза устремлялись на него.

Джон заскучал по сумасшедшим вечерам концертов и как-то, вместо репетиции, сел за рояль и излил свою тоску в госпелах. Там же были и «Айрсы», которые сразу подключились к привычному делу.

Один госпел сменялся другим, и так до ленча. Вернувшись из кафетерия, Джон снова сел за рояль. Ребята виновато посмотрели на него, но петь не стали. Под его упорным взглядом Гордон сознался:

— Один фирмач сказал, что надо записывать музыку к фильму. Он подсчитал убытки от нашего развлечения и запретил нам петь с тобой «всякую чушь», как он вы разился.

Джон был некапризной звездой. Он не стал устраивать истерик и скандалов. Просто вздохнул и ушел. Работать в тот день он уже не мог.

К вечеру набежали гонцы с извинениями. «Этот тип, — говорили они про фирмача, — не знает, что такое душа певца. Они просят за него прощения. Но наказание, конечно, не замедлит последовать. Мы тебе обещаем».

Пустое фамильярно-дружеское обращение. И Джон, сделав вид, что принимает извинения, вздохнул про себя.

Он становился родом национального достояния. На нем старались нажиться — фирма, Полковник, пресса, даже женщины. Они преследовали его, предлагая себя, и некоторые пытались мстить за то, что отказывался, через ту же падкую на сенсации прессу. Он устал от своей роли идола. И в одинокие часы отдыха пришла четкая мысль:

«Вы — с меня, я — с вас. Я буду Королем, как того хочет Полковник, и ваши деньги потекут ко мне. Вы будете говорить о моих доходах, забыв, что это — ваши расходы. Я дал вам музыку. Вы искали ее долларовый эквивалент. Мое состояние будет им».

Мысли обо всем этом не давали Джону покоя. Он рвался домой.

Наконец, съемки были закончены. Джон решил, что приедет домой отдохнувшим, и попросил Рэда заказать для них целиком весь вагон.

На очередной станции он накупил целый ворох газет. Пресса снова терзала его имя. Терзала тем беспощаднее, чем меньше у нее было поводов. Скандалом считалась его музыка и манера исполнения. От него хотели обсосанности леденца и душевной оструганности Вождя.

Отбросив газеты, Джон вошел в купе и сказал:

— Парни, душно мне. Я, пожалуй, пойду в армию.

— Ты?!! — завопил Лам. — Ты?!! Да разве ты выдержишь? Ты должен будешь стать, как все.

— Я и хочу этого. Как все. Я устал от себя.

— Но ты не имеешь права. Ты давно не принадлежишь себе, — подал голос Билл. Огромные глаза Короля превратились в щелки, сквозь которые блестел лед. Срывающимся голосом он прошипел:

— Я вам не Микки-Маус, которым управляют художники. Я хочу быть собой и буду. Вы кричите: «Король! Король!». Королем я стану, когда старики признают меня. Как только я пойду в армию, именно в армию, а не в вонючую развлекательную команду, Вождь первым запоет мне аллилуйю. Когда с эстрады снова потекут в микрофон его слюни, все вспомнят о моей музыке. Я вернусь. Обещаю.

— Слушай, старый осел, — попытался разрядить обстановку Рэд, — ты-то знаешь, что такое два года для музыки и для тебя.

Выброс свою затею из головы. Мало ли что произойдет за два года. Да и Полковник тебя не отпустит.

Джон посмотрел на Рэда тяжелым взглядом и ухмыльнулся. Рэд вздрогнул: выражение брезгливого презрения никогда раньше не появлялось на этом мягком лице.

«Что со мной? — испуганно подумал Джон. — Даже Рэд, верный друг и защит ник, и тот отступился. Я перестал быть пай-мальчиком? Нет. Не то… Мама недавно сказала: «Сынок, ты меняешься. В тебе появляется что-то от героя твоего фильма: жестокое. Его характер ты носишь, словно костюм. И вся твоя музыка, твои поклонники. Их вопли отбивают у тебя уважение к людям. Ты появляешься, словно король, — с телохранителями. Если тебе страшно — брось. У тебя достаточно денег. Заведи себе дело и женись».

— Но, мамочка, ты вовсе не хочешь этого, — рассмеялся он.

— Не хочу, как любая мать, — и незнакомым отчаянным жестом она заломила руки, с таким родным, въевшимся в кожу запахом его любимых сэндвичей, — и хочу, потому что боюсь за тебя. Боюсь, что судьба накажет тебя. Мальчик мой, ты простой южанин. А теперь о тебе говорят повсюду. Газетная болтовня пугает меня. Но больше всех — Полковник. Только теперь я поняла — он страшный человек. Хотя кажется, что он действительно печется о тебе, словно о сыне. Он любит тебя как свое творение. Но за эту любовь он спустит с тебя кожу.

Кстати, тебе скоро придет вызов на армейскую службу. Конечно, Полковник сделает все возможное и невозможное, чтобы тебя не призвали. Но мой тебе совет — иди. Побудь вместе с другими ребятами. Сбрось груз славы. А я, если захочешь, поеду с тобой.

— Ма… Папа тоже так думает?

— Нет. Он хочет для тебя славы, славы, славы. Ты — все, что у него не сбылось. Можешь сказать ему о нашем разговоре. Мы даже поссорились.

— О-о! Не надо, ма! Я подумаю, обещаю.

Так вот к чему пришло. Даже мама видит в нем пренебрежение и чванство. А он просто устал от навязанной роли Короля. Только петь. Однако большинство смотрит на него, как на музыкальный автомат и станок для печатания денег одновременно. Зло порождает зло. Вот оно и родилось. Маленькое пока.

Джон все острее и чаще осознавал свое одиночество. Никто-никто не поверит ему. Никто даже не попытается понять. Только мама. Но именно ей и нельзя говорить. Ей забот хватает.

Джон глянул на ребят. Все прятали глаза.

— Ладно, парни. Все о'кей! Я получил предписание. Скоро в путь. Да и вам надо отдохнуть от меня. Тяжеленек я стал для вас последнее время.

— Брось! Нет! Оставь! — загудели молодые голоса.

— Помните Евангелие? Петух не прокричит три раза… — Взгляд на их лица: заминка, неловкость. Только у Лама — печаль.

В купе повисло молчание. Ребята почувствовали — другой Король. Ключа к нему у них не было.

Комиссии, сборы, пресс-конференции, уговоры Полковника, отца и ребят слились в невнятный рокот. Мама молчала. Она лишь изредка посматривала на сына и опускала глаза.

Временами мама выглядела совсем больной. Джон хотел отправить ее с отцом на какой-нибудь шикарный курорт, она категорически отказалась. Она перестала ездить к друзьям и все больше сидела одна. Как-то к ним заглянул Джордж. В гостиной была мама. Спускаясь вниз, Джон замер на лестнице.

— Вы кто, юноша? Что-то я вас раньше не видела, — она кокетливо погрозила пальцем и прибавила слегка заплетающимся языком, — может, вы хотите украсть фото моего сына? Или его гитару?

— Ма-ма!!! — только и сумел выдавить Джон. Друг же стоял, словно громом пораженный.

Джон подбежал к матери, обнял ее и почувствовал запах спиртного. Ужасно! Его мама никогда не пила ничего, кроме пары рюмок вишневой наливки по праздникам. Значит, и она одинока. Значит, ее уже так подточило, что она идет, шатаясь, через комнату.

Ночь Джон провел без сна. Утром он пришел к маме поговорить, но она, попросив прошения и поцеловав его, говорить отказалась.

Мама! Она всегда была больше, чем матерью, — другом. Он мог в любое время дня и ночи прийти к ней со своими проблемами. Мама старалась объяснить сыну все. Теперь она мягко, но категорически отказалась объясниться. У веселой пухлой его мамы появилась тайна. Тайна от сына.

Отец, как выяснилось, был в курсе:

— Да, она изредка прикладывается к бутылочке. Но чтобы уж кача-а-аться… Не волнуйся, сынок. Просто ей стало скучно. Друзья обращаются с ней, как с важной дамой. Это пройдет. Вот если ты не передумаешь, — настороженный и быстрый взгляд на лицо сына, — мы поедем с тобой. Она сменит обстановку. Отдохнет от охов и ахов родных и знакомых. ь

Джону внезапно вспомнилось, как лет десять назад отец сильно повредил себе спину. Надежды на выздоровление не было.

Денег на лечение тоже. Отец впал в панику. Мама была с ним бесконечно добра.

Однажды ночью Джон проснулся от странного звука. Отец сидел на кровати и… плакал. Мама работала в ночную смену.

— Папа! Папочка, что с тобой? — прерывающимся от ужаса голосом прошептал мальчик.

— Ох, сынок, наверное, я никогда не поправлюсь. Такая боль… Бедные вы с мамой.

— Нет! Нет!!! Ты, конечно, поправишься. Я пойду работать. Заработаю много денег. Ты будешь лечиться. И вылечишься.

Отец выздоровел. Теперь что-то случилось с мамой. Болезнь души? Кто вино ват? Тяжелый труд? Нет. Здесь совсем другое. Дело в Джоне. Мама постоянно обеспокоена его делами. Она устала от выпадов печати, устала отвечать на одни и те же вопросы фэнов, день-деньской висящих на воротах их нового дома, недавно купленного для нее сыном. Он видел, что мама почти с нетерпением ждала его призыва в армию, надеясь, что через два года он начнет новую жизнь.

Повестка пришла в январе. Однако студия добилась отсрочки — надо было закончить фильм.

Джон работал с остервенением — занавес над карьерой Короля должен быть пурпурным. Беспокоили и мысли о будущем. Но ведь голос при нем. Он найдет себя и без Полковника.

Тот мыслил иначе. Из Короля нужно было сделать Героя. И, распустив павлиний хвост своих пробивных талантов, Полковник пошел в наступление. Гонимый взрослыми, Король теперь стал примером для их чад.

Джон уходил в марте. В тот день тоже стеной шел дождь. Его провожали только родители. С друзьями он простился накануне. Рэд тоже уходил в армию через не делю. Оставшихся Джон не обнадеживал, ничего не обещал и больше не уверял их и себя, что армия для него — заманчивая передышка. Мама тоже не цеплялась за эту спасительную ложь. Армия не могла стать отдушиной для ее мальчика, душевно хрупкого из-за ее опеки.

На сборно-призывном пункте мама с дрожащими губами и полными слез глазами тихо стояла в сторонке, дожидаясь, когда сын сможет подойти к ней. Руки ее судорожно сжимали сумку. И все-таки она даже не подалась ему навстречу.

По-щенячьи ткнувшись носом ей в шею, Джон прошептал:

— Мамочка, родная! Я так тебя люблю. Прости меня. Я действительно должен пожить без опеки. Среди ребят. Может быть, ты тоже будешь гордиться мной? И мы с тобой не будем так одиноки.

Она смигнула слезы:

— Если бы это было возможно, мой мальчик… Но — нет. Поздно. Для меня, и добавила с материнской проницательностью, — для тебя тоже. Поцеловала его и провожала глазами долго-долго.

Когда родители приехали проведать его, Джон поразился устало-равнодушному взгляду матери. Он смотрел на цветущего красивого отца и думал, как постарела и обрюзгла мама, как бесконечно далека от всего, что было ей мило и дорого. При поцелуе запах спиртного снова настиг его.

— Мама, — не удержался Джон, — ты же обещала.

— Поздно, сынок. Да и все равно. Прости.

— Почему, мама?! Почему?!! — в ужасе вскрикивал он.

Глаза матери глянули на него вдруг с такой холодной отчужденностью, что рот у него захлопнулся сам собой.

И снова тяжелые мысли не дали ему уснуть: «Что же с мамой? Где она? Что вообще происходит? С чего началось?».

Откуда ему было знать, что мамина подруга Фэй, горькая вдова, становившаяся и горькой пьяницей, однажды сболтнула:

— Мальчик от твоих забот убежал в эту жуткую музыку. Нормальный человек такого просто не смог бы выдержать. А ему надо хоть так утвердиться. Бешеные деньги. И хотя все это для вас, вы оказались у него в зависимости. Для мальчика настал черед жертвовать собой. И, уж будь спокойна, он расстарается.

Мать затаилась. Так значит, всем ясно, что ее непомерная любовь причинила сыну только зло. Она попыталась глушить себя таблетками, но мысли превращались от этого в чудовищ. И однажды проницательная Фэй сказала:

— Не пей ты эту гадость химическую. Давай лучше по рюмочке.

— Вишневой? Да нет. Не хочу. Голова болит. Давление.

— У всех давление. Да и не о вишневой речь — о виски.

— Господь с тобой, Фэй!

— Со мной, со мной. А будет и с тобой. Перестанешь кукситься. Твои на тебя будут только радоваться. Махнем, подруга?

— Э-э-э… Была не была. Махнем…

Через час они, перебивая друг друга, вспоминали молодость, заливисто смеясь.

Первым, кого она увидела по возвращении домой, был муж:

— Где ты была? Я уж начал волноваться. Что с тобой? Тебе плохо? Она дурашливо улыбнулась и вдруг опрометью бросилась к дверям туалета… Муж потом слегка посмеялся — не тягайся с Фэй. И, как та и предсказывала, порадовался возрождению жены к жизни. Последние месяцы она была угнетена, но молчала, не

делилась своей заботой. Может, подруга способна помочь? Откуда ему было знать, что именно подруга усугубила заботы жены.

Через несколько дней он увидел, что жена наливает себе стаканчик перед обедом.

— Мать, ты что это? Берешь за правило пить?

Она кивнула. В этом жесте не было и намека на попытку отшутиться. И муж умолк, надеясь, что все обойдется.

Однако с тех пор жена частенько бывала в подпитии, если дома не было Джона. Единственное, чего она хотела, — уважения своего мальчика. И обманывала его.

Теперь знал и он. Мать видела, как согнулся он от такой новости. Но объяснять не хотела, да и не могла.

Он же при всей своей чуткости и любви к матери не мог понять истинную причину ее страданий. Пока он решил все свое свободное время проводить с ней.

Но свободного времени было мало. А мама была все такой же подавленной. Она избегала всяких разговоров с сыном наедине.

Джон был на дежурстве, когда позвонил отец:

— Сынок, маме плохо. Я только что проводил врача. Он стоял помертвевший у аппарата. Боже мой, Боже! Он погубил мать. Из-за него она стала пить. Из-за него стала одинока. Врачи поставили диагноз — гепатит — и требовали немедленной отправки домой. Джон расспрашивал врачей дотошно. Наконец, один сказал:

— 0'кей, я расскажу тебе, в чем дело.

Все заходило в Джоне ходуном, и врач заметил это:

— Может, все-таки не надо?

— О нет, сэр. Говорите. Я готов.

— Ты, очевидно, догадываешься. Это не гепатит. Твоя мама… она… Врач замялся и посмотрел на Джона. Обливаясь холодным потом, он выдержал этот взгляд.

— Одним словом — цирроз. Знаешь, что это? Джон отрицательно мотнул головой.

— Но догадываешься? Она ведь пила. И много. А ей категорически нельзя. У нее хроническое обменное заболевание.

— Почему?

— От тяжкой работы, дружок. А вот почему она пила, ты знаешь? Молчание.

— Так знаешь или нет?

— Думаю — да. Из-за меня. Из-за того, что я стал знаменит. Стал не только ее. Всеобщий какой-то.

Врач мрачно посмотрел и кивнул.

— Да… Но не вини себя слишком. Так вот… Цирроз. Обычно

в таких случаях начинается кровотечение. А у нее — нет.

— Наверное, это хорошо? — робко спросил Джон.

— Пока я не хочу тебя пугать. Отправляй ее к вашему лечащему врачу. К самолету маму несли на носилках. Она не плакала. Не смотрела на сына. У нее ни на что не было сил.

Потянулись дни ожидания. И он дождался. Голос отца без всяких вступлений сказал:

— Приезжай быстрее, маме хуже.

Прямо из аэропорта Джон помчался в госпиталь. Их врач встретил его страшными словами:

— Я не жду чуда. Ее положение крайне серьезно. Джон заткнул уши, мотая головой:

— Не верю. С ней ничего не может случиться. Ей только сорок шесть! О, Господи, нет!!!

— Подожди. Быть может все. Только твое присутствие способно сотворить чудо. Но надежды почти никакой.

В палату Джон вошел, улыбаясь из последних сил. Глубоко запавшие глаза оторвались от своего видения и медленно переместились в сторону вошедшего. Внезапно отечное лицо матери вздрогнуло. Она узнала. Заплакала.

— Мамочка! Ну что ты?! Я приехал. Ты была больна. Теперь поправляешься. Поправишься.

Она часто-часто закивала.

— И тогда ты и папа поедете со мной к месту моей службы, а потом все вместе поедем вокруг Европы.

Пока Джон говорил, лепетал, успокаивал, с лицом матери происходила видимая перемена. Отек спадал, не оставляя морщин, кожа разглаживалась. Появился румянец. Взгляд стал осмысленным. Она была просто красива сейчас.

Сын смотрел на нее и думал:

— Чудо! Чудо! С ней ничего не может произойти. Она поправится. Непременно. Когда она уснула, тихо дыша, Джон решил съездить домой. Но, едва он встал с кресла, мама открыла глаза:

— Сынок, не уезжай. Побудь со мной. Потом отдохнешь… — Запнулась, перевела дыхание.

Три дня и три ночи мать с сыном говорили без остановки. Вспоминали детство Джона, ее с отцом молодость. Смешные и грустные семейные истории. Не говорили только о музыке и о его будущем. Оба боялись.

К концу третьего дня мать вдруг, глядя на сына совсем прозрачными, небольными, глазами, сказала:

— Теперь поезжай домой. Тебе надо отдохнуть. Три ночи без сна. Она поцеловала его:

— Прощай, мой мальчик! До завтра. — Задержала голову сына в ладонях, всматриваясь долгим взглядом, погладила, как в детстве, по голове. — Иди. Позови папу.

Он вошел в дом. И вдруг спокойствие последних часов улетучилось. Он принял ванну. Постелил себе в кабинете. Перенес телефон поближе. Но перенапряжение не давало уснуть.

После взятой у бабушки таблетки снотворного Джон впал в странное состояние. Это не было сном. Ум его бодрствовал, тело же было словно опутано ватой. А внутри росла и ширилась боль.

Он почти не удивился, когда зазвонил телефон. В нем что-то кричало «Нет!», и это страшное «нет» вырвало его из ваты.

Тусклый голос отца произнес:

— Сын, мама только что умерла.

Комната сделала вираж перед глазами. Надо было что-то сказать отцу. Усилием воли задержав кружение, он уперся взглядом в часы. Четыре утра.

— Я еду, папа.

Дороги туда Джон не помнил. Его провели в палату. Мама лежала тихая и улыбающаяся. Лицо ее было юным.

Он упал рядом с кроватью. Страшный хрип рвался из его груди… А дальше — провал. Почти на сутки.

Он сидел дома в затемненной комнате. Глаза опухли от слез. Вдруг дверь тихо открылась, и он с трудом понял — Рэд. Откуда? Ведь он тоже в армии.

Голос Рэда: «Я узнал о смерти твоей мамы, а несколько часов назад умер мой отец», — дошел до Джона. Он встал и пошел навстречу другу. Они обнялись и, не стесняясь, заплакали.

День маминых похорон. Вдоль всей дороги от дома до кладбища в молчании стояли фэны. Он видел эту живую ограду, но сам еле двигался и ничего не воспринимал. Последние дни Джон провел на лекарствах и снотворном. Голова гудела и потрескивала от таблеток, но зато он видел сны, в которых мама жила. И в эти последние мгновения сны проходили перед глазами, не давая осознать случившееся. Отец и дядя держали Джона под руки.

— Мальчик мой, пора прощаться с мамой.

— Нет! — рванулся Джон. — Нет!! Нет!!

Забился в истерике около гроба. И вдруг затих. Бессмысленным взором посмотрел на гроб и, наконец, заплакал.

Он едва прикоснулся губами к ее, уже ставшему мраморным, лбу и Внезапно понял — ее никогда не будет.

Вечером, теряя сознание от усталости и боли, Джон закрыл глаза и тут же увидел маму. Она сидела на лужайке за их старым домом и перебирала цветы. Закончив, попросила: «Спой, сынок».

И вдруг возникла мелодия маминого любимого госпела:

«Что это за холмы, белые, как снег, моя любовь?
Это холмы Рая, где нам никогда не бывать.
Что это за холмы, черные, как уголь, моя любовь?
Это холмы Ада, где нам суждено быть.
О, мой Господь, когда придет мой черед
Преодолеть все холмы и предстать перед твоим судом,
Дай мне силу. Ведь твоя любовь и милосердие
К твоим детям так велики.
И Господь явил свою великую милость
И спас нас, грешных, от Ада,
Потому что мы знали любовь,
А любовь есть Бог».

Во сне он не слышал голоса исполнявшего, но кто-то внутри сказал: «Это твоя мама. Она теперь будет песней».

Отец разбудил его уже ночью. На губах сына застыла детская улыбка, да и губы были по-детски пухлыми.

— Сынок, ложись в постель. Я раздену тебя.

Голова сына легла на отцовское плечо, и он прошептал:

— Папочка, ты не думай, мы поедем вместе, как хотела мама. Мы ведь с тобой теперь сироты.

Наутро, одетый в уже ставший привычным траурный костюм, Джон появился в доме Рэда. Нельзя было после собственной потери не отдать последний долг отцу своего лучшего друга.

Он снова шел по той же дороге на свою Голгофу. Сегодня на маминой могиле устанавливали памятник. После грустной церемонии Джон зашел к маме. Надпись «Она была солнцем нашего дома» воскресила ужас последних дней.

«Больше не могу, — подумал он. — Скорее назад, в армию, к ребятам».

Ребята приняли Джона тепло, но обостренное чутье подсказало ему, что сей час его нагружают больше остальных. И, видя такое бережное отношение к себе со стороны чужих людей, он приказал себе з а б ы т ь, но знал, что не забудет никогда. Джон даже нашел в себе силы петь ребятам, хотя они, естественно, не просили из уважения к его горю. Он не мог петь только тот, приснившийся, госпел.

Обязанности его были однообразны, но ответственны: Джон водил джип и всегда помнил, что жизнь другого человека тесно связана с его работой. Однажды на учениях джип шел впереди танковой колонны, и вдруг — разрыв двух баллонов. Командир, сидевший рядом, не успел бы остановить танки даже по радио.

Мгновенно Джон вспомнил — у командира двое детей. Из последних сил вывернул руль, и они полетели в кювет. Обошлось даже без травм. Этот случай исцелил Джона окончательно. Люди связаны друг с другом. И, когда человек искусственно рвет цепь, природа должна восполнить недостающее звено. Замена бывает уродлива — звенья то слишком коротки, то слишком растянуты, а то и вовсе деформированы до неузнаваемости. Да, его одиночество неизбывно, но ведь существует долг перед родными и даже не родными.

Жизнь возвращалась на круги своя. Джон снова стал замечать, что им интересуются девушки, у него появились новые друзья — Джо и Чарли.

Как-то Джо пришел со своей подружкой и с подружкой подружки. Она представилась: Прис. Маленькая шатенка с вздернутым носиком и большими голубыми глазами. Совсем ребенок. Джон так и воспринял ее. Он относился к ней, как к младшей сестренке, и даже предложил ее отцу оплатить ее дальнейшее образование. Но ее отец, человек военный, отказался от помощи какого-то артиста. И Джон даже не обиделся.

Настал день, когда солдат-певец службу закончил. Пожалуй, это был первый солдат, ради которого собиралась пресс-конференция.

Он шел через холл, когда знакомый — из той, прежней светлой жизни — голос окликнул его.

Марион, которой не меньше, чем Полковнику, Джон был обязан своей судьбой певца, в офицерской форме стояла перед ним. От радостной растерянности Джон покраснел. Протянул к ней руки. Опустил. Смутился еще больше. Спросил:

— Марион, что я должен делать — брать под козырек или целовать вас?

— По уставу, сэр, — ответила та, бросаясь ему на шею.

На них начали обращать внимание. Какой-то большой военный чин, решив, что Марион просто поклонница, выразил неудовольствие по поводу ее поведения. Джону пришлось объяснить, что они давние друзья.

Давние? Почти семь лет! И почти два года нет мамы.

Мысль, что мама не ждет его, мгновенно отразилась на его лице. И лицо это, так редко теперь освещенное радостным удивлением, погасло совсем. Марион сразу все поняла:

— Не надо, дружок. Ты ведь возвращаешься домой; И, конечно, к маме. И она ждет тебя. Завтра ты будешь дома…

— Босс! Эй! Ты уснул? Приехали.

— Куда, Лам?

— Домой.

— Но ведь ты хотел отвезти меня в новый центр к Сэму.

— Да, а ты вдруг сказал «домой»!

Этого Джон не помнил. Вздохнул — домой так домой… Поездка не принесла облегчения. Но Лам не виноват.

— Спасибо, дружище! Всего.

— 0'кей, босс. На завтра есть планы?

— Никаких…

Джон прошел к себе. Присел к столу. От непонятной тревоги бешено колоти лось сердце. Что-то он не сделал сегодня.

Дождь за окном забарабанил сильнее. И под его дробь всплыли слова маминого госпела. Джон содрогнулся всем телом, вскочил, схватил из стенного шкафа старую кожаную куртку, шлем и перчатки и в три прыжка, словно герой вестерна, лег ко и бесшумно слетел по лестнице. Вывел из гаража «Хонду». Мотор взревел. Он прыгнул в седло и под шедшим стеной дождем понесся в сторону Форест-хилла.

Дорога была пуста. О риске Джон просто не думал. Он словно боялся опоздать.

Мотоцикл он бросил у входа. Едва сдерживаясь, чтобы не бежать, он шел вверх — туда, где ждала его мама.

Забыв о дожде, Джон опустился на колени перед ее могилой и замер. И тут же тревога отпустила.

— Мама. Мамочка. Здравствуй. Я вернулся, мама. Вот теперь он был дома.

Когда он поднялся, то почувствовал — в мире что-то изменилось. А это просто кончился дождь.

2 глава

Джон смотрел в зеркало, упорно стараясь ни о чем не думать. Почти и не думал. Потом взгляд его стал осмысленным, и он увидел, наконец, свое отражение.

Черный кожаный костюм причудливо переливался, волосы блестели, а влажные глаза казались темными-темными, словно на них надели контактные линзы другого цвета. Собственная внешность не понравилась Джону.

Придвинув лицо ближе, он поймал в зеркале свой цвет глаз и успокоился. Стекло пошло радужными переливами от дыхания. Он пальцем написал два слова: Лиз и Прис. Имена дочери и жены. А над ними — большую, насколько хватило, букву Г — первую букву маминого имени.

И тут же в Джоне всплыл мамин любимый госпел. Совсем скоро он будет петь его со сцены.

Сегодня он снова после восьми лет кинокаторги выходил к людям.

После армии Джон не находил себе места, а все ждали от него песен. Как-то раз заявился Полковник и с порога выложил новость:

— Вождь тебе кланяется.

— Спасибо. Ему тоже привет, — слегка удивившись, ответил Джон.

— Ты что, милок?! Ему что, твой привет нужен, что ли? — возмутился Полков ник простодушию питомца.

— ?!!

— Да — ты! Ты!!! Пожалуй, малыш, ты был прав, когда говорил, что станешь Королем, когда Вождь признает тебя, — и прикусил язык.

Джон посмотрел на своего патрона недоуменно: слишком ясно помнил — того в купе при разговоре не было. Значит, ребята сболтнули, У Полковника даже среди ребят были свои люди. Только — кто? Джо и Чарли отпадают сразу. Новички. Дам? Нет. Слишком привязан. Без тени зависти. Рэд? «Друг, почти брат». Невероятно. Невероятно?

Джон и не думал, что после армии Рэд вернется к нему. Но вездесущий и все могущий Полковник разыскал Рэда, привел. И тот снова стал близким, родным. Правда, теперь старый друг позволял себе вспомнить, как покровительствовал Джо ну в юности. Особенно говорлив и хвастлив становился после спиртного.

Это было ново и Неприятно. Джон решился поговорить с

другом и получил жесткий отпор:

— Не волнуйся обо мне. Это от армии. Отвыкну. Думай о себе. У тебя самого дурная наследственность…

Еще не успев дослушать, Джон врезал Рэду такую оплеуху, что тот отлетел к стене и рухнул на тахту. Внутри все зашлось от бешенства и омерзения. Джон отошел к столу у окна. Взял тонкую датскую сигару. Закурил. Курево не принесло облегчения. Дым лишь резко обжег горло. Швырнув сигару в пепельницу, он уперся взглядом в окно и слушал, как «почти брат» барахтается на тахте. Наконец, сзади раз далось топтание, и Джон увидел в стекле, что Рэд нерешительно протягивает руку — тронуть его за плечо.

Передернувшись от гадливости, Джон стремительно обернулся. Рэд, спрятав глаза, забыв опустить руку, сказал:

— Прости, босс. Я не хотел. Не думал. Все зеленый змий чертов.

— Ладно. Катись… Наутро Полковник сказал:

— Что там произошло с Рэдом? Парень просто не знает, куда деваться от горя и раскаяния. Прости уж во имя былого.

Джон не посмел отказать. Взглянул исподлобья. Кивнул.

И вот сейчас вспомнил. Понял, кто информирует менеджера.

Полковник терпеливо ждал, когда питомец оторвется от воспоминаний. Пусть вспоминает. Брыкаться-то не в его интересах. Он в стойле Полковника — ведь все начинается заново. А что он без Полковника? Голос, мордашка (Полковник твердо был в этом уверен). А у него, Полковника, талант!

Вождь приглашал Короля в свое шоу. Приглашал настойчиво и подобострастно. Дела Вождя последние два года были просто плохи. Женщины, тоже составлявшие основу его аудитории, постарели. Они уже не закатывали глаза, плавающие в слезах, и не прижимали судорожно к груди руки. А молодым девушкам, дочерям его поклонниц, совсем не нравилась неподвижная томность Вождя, его щуплое тело и однообразные стерильные любовные баллады. Требовалось «переливание». Вождь кряхтел, но не сопротивлялся. Ему во что бы то ни стало требовалось убедить свою публику, что он мастер почище Короля-самозванца.

Но и у Полковника была очень серьезная причина, заставившая его пойти на сделку с Вождем: не было больше Короля. Он стал «экс-Королем». И его надо было возрождать. В таком виде продать своего мальчика публике не мог даже Полковник. Поэтому он решил продавать его людям, которые могли дать славу, — режиссерам больших шоу, кинопродюсерам, журналистам.

Вождь сделал шоу с размахом, очень импонировавшим Полковнику. Экс-Король и Вождь исполняли хиты друг друга

порознь и дуэтом. И проницательный Полковник сразу увидел, что его мальчуган обрел себя, несмотря на дурацкий фрак, который его заставили надеть в угоду хозяину.

Около двадцати лет прошло с дебюта Вождя и лишь четыре года — с ошеломляющего взлета Короля. Сейчас они пели вместе. Нельзя было объединить только публику. Большинство было поклонниками Вождя.

Джон вспомнил, как Полковник переживал по этому поводу, не смея, однако, использовать свои балаганные трюки. Полковник вынес из этого шоу твердое убеждение — Короля надо сделать вневременным. Он должен принадлежать всем возрас там. Сам Король посмеивался над ситуацией, но вот критика…

Ведущая газета страны на следующий после выступления день уже откликнулась: «Если в армии он получил чин сержанта, то как певец не перестал быть неуклюжим новобранцем».

Вождь не преминул выразить Джону соболезнования:

— Плюнь. Они потом поймут, — говорил он, глядя внимательно (добавил либо ли?) в его глаза.

Добавил. Однако Джон уже научился скрытности. Понял давно — мало кто любит его самого. Славу. Деньги. И только потом его. Даже в семью вошло зло его де нег. Мама сгорела из-за его взлета. А теперь еще отец встретил женщину, на которой собирался жениться. Звали ее Лили, и у нее было трое сыновей.

Что он мог поделать? Отец ожил. Но Джон-то был твердо уверен, что бедная вдова решила устроить будущее своих крошек. И знал, что сделает для отца все. Но на свадебной церемонии отказался присутствовать наотрез. Он не мог оскорбить мамину память.

В день свадьбы отца Джон сидел дома в окружении ребят и пытался отвлечься от невеселых мыслей. Ребята знали, что нужно их другу-боссу. Особенно Чарли. Смешной Чарли. Преданный Чарли.

Джону вспомнился сумасшедший день демобилизации: надо было отвертеться от очередной пресс-конференции, созванной по поводу выхода солдата-Короля на гражданку, проститься с новыми приятелями, наконец, собраться. Суета. А тут еще нет Чарли;

На вокзале Джон начал беспокоиться уже всерьез, как вдруг увидел, что Чар ли с несчастным лицом стоит около фонарного столба.

— Ты с ума сошел?! — заорал он, подбегая к другу. — Где твои вещи?

— Но… но ведь ты не звал меня с собой. Я думал, может, я больше тебе не ну жен. Я просто пришел проводить. Я не хотел

прощаться. Не хотел напоминать о себе. У тебя и так слишком много хлопот…

«Господи, — подумал Джон тогда, не пытаясь даже перебить этот поток и остолбенев от такой ненавязчивости, — ведь есть же деликатность в людях.

— И тут же другое. — Но ведь я сам изменился. Мне не пришло в голову позвать его. Это разумелось само собой: Чарли едет».

Джон почувствовал, что краснеет мучительно, как в юности, и длинные его ресницы становятся тяжелыми и влажными. Приобняв Чарли и похлопав его по спине, сказал:

— Черт с ними, с вещами! Купим там, что захочешь. Едем?.. Глаза Чарли засветились, как у мальчишки, удостоившегося чести поговорить со своим кумиром. И, гордый, он зашагал рядом к поезду.

И вот Чарли подозвал Рэда. Пошептался о чем-то. Рэд сел к роялю. Чарли посмотрел прозрачным взглядом на своего кумира и запел тот, заветный, мамин госпел. Как он угадал! Босс ожил. Краски вернулись на лицо, бывшее в тот день восковым. Джон встал. Подошел к поющим. Выждал такт. И мягкий сильный баритон разорвал гнетущее настроение ребят и этого тяжелого дня:

«О, мой Господь, когда придет мой черед
Преодолеть все холмы и предстать перед твоим судом,
Дай мне силу. Ведь твоя любовь и милосердие
К твоим детям так велики».

Через несколько дней отец и мачеха нанесли первый визит в дом его матери. Мачеха прямо с порога начала ворковать:

— Мальчик мой… — Джон непроизвольно дернулся от ее обращения и уже ни когда больше не слышал подобной фамильярности. А она, перестроившись на несколько элегический лад, продолжила:

— Я все понимаю… Мы не будем обременять тебя. Мы решили жить своим домом. Правда, это дороговато, но твой отец, зная твое золотое сердце, убедил меня, что ты поможешь. Меня зови просто — Лили.

— Да, мэм, — сказал Джон, совершенно ошеломленный ее полным нежеланием скрыть свои намерения. Украдкой посмотрел на отца. Тот стоял, браво выпятив грудь, — гордился кормильцем-сыном.

Как молод, хоть и сед, его отец. Теперь у него новая семья с сыновьями, гораздо больше подходившими ему по возрасту.

Пересилив себя, Джон подошел к отцу и, насколько мог спокойно, сказал:

— Не беспокойся, папа, все будет в порядке. И спохватившись:

— Поздравляю вас, мэм, и тебя, папочка.

Подошел к своему бюро и достал оттуда свадебные подарки: ей — кольцо, усыпанное хризопразами, отцу — роскошный портсигар.

Вечером приехал с поздравлениями Полковник. Был мил и весел. Среди общего разговора питомец поймал на себе знакомый, почти ничего не выражающий взгляд.

— Что случилось, Полковник?

— Видишь ли, я рассчитывал на «Музыкальное обозрение», но… — потянул паузу, затягивая подпругу на душе своего питомца, — это трио кантристов. Вот она, твоя армия…

Тогда Джон над этими словами не задумался, но интуитивно отложил их в памяти. Их время пришло восемь лет спустя. Не самое подходящее время… А впрочем, почему нет?

Он увидел себя в зеркале — недобрая улыбка была на лице. Что ж, «бедный старый» Полковник тогда дал понять, что он не смел идти в армию против полковничьей воли. Сегодня Полковник хотел, чтобы питомец осознал свою вину и раскаялся. А вот этого от него не дождутся. Раскаяния… Еще чего!

Джон снова посмотрел на себя в зеркало. Хмыкнул. Водитель грузовика перед зеркалом. Забавно. Пресса часто величала его «поющим гонщиком» после кино поделок.

Зеркало да изображение на экране приучили его смотреть на себя словно со стороны. Ох, не до размышлений сейчас. Скоро сюда, в его гардеробную, соберутся ребята, представители фирмы и телевидения, Полковник.

Вот человек. Никаких хобби. Только дела.

Как-то в хорошую минуту Джон спросил:

— Вы ведь богатый человек, Полковник. Почему бы вам не обзавестись каким-нибудь хобби? Теннис? Яхта?

Полковник долго, словно мимо, смотрел на говорившего, а потом отрезал:

— Мое единственное хобби — ты.

И Джон всегда помнил об этом. Сердился. Злился. Куражился, пытаясь обрести себя. Потом всплывали слова менеджера, и он сникал. Так было и в тот вечер…

— Вот она, твоя армия… Все мои труды насмарку.

— Но, Полковник, я вовсе не боюсь начинать. Дело не во мне, а в пейоле, которая убила рок-н-ролл. Вы же сами частенько говорили об этом.

— Говорил, черт меня побери! А что я мог сказать после твоего предательства? Подумаешь — пейола[1]. Ну, платили фирмы левака диск-жокеям за лишнюю прокрутку. Ну, делали ребята свой маленький бизнес. Конечно, надо было думать, когда телевидение вляпалось со своей дурацкой викториной. А то — дали какому-то олуху царя небесного выиграть, подсовывали ответы, он же их и заложил. И потянулась ниточка. Но тебя это ни с какой стороны не касалось. Ты с твоей мордашкой вне подозрений.

От «мордашки» Джон поморщился и решил дать Полковнику сдачи:

— Пейола, значит, ни причем? А армия — предательство? Странные вещи вы говорите, Полковник.

Джон приспустил ресницы и, незаметно наблюдая за менеджером, твердо добавил:

— Пейола — позор для нашей страны. В нашем обществе человек может добиться всего, не прибегая к подкупу. Взять хоть меня, к примеру. Вы ведь сто раз использовали это в своих рекламных трюках.

Полковник стоял с оттопыренной губой, и глаза его выдавали лихорадочную работу мысли — что несет сопротивление питомца?

Нет, положительно нельзя было сбить до конца с толка этого человека. Этаким папашкой он вдруг сделался, что и узнать нельзя:

— Ты меня не понял, малыш. Смотри, что случилось с твоим уходом. Ричард ушел в семинарию. Из рока! Твой друг Джерри доэпатировался до того, что публика не хочет его видеть.

— Почему — доэпатировался? Публике, видите ли, не понравилось, что он женился на своей дальней родственнице. А он молодец! Плюнул на них. Не знаю, я смог бы так?

— Ну, хорошо, хорошо, — примирительно замял Полковник. — Действительно, черт с ней, с публикой. Но, выходя из ворот рока, ты не заметил, как туда прошмыгнула карга с косой?! — патетически закончил он.

— Да нет же, — вскинулся питомец. — Дело не в карге, а в нашей работе. Концерт, гонка. Гонка, концерт. Карл попал в аварию, когда мчался на концерт из одного города в другой. Слава Богу, обошлось. Эдди с Джином тоже после концерта… Бедный Эдди!.. Да и Джин.

— Хватит, сэр. Мне все ясно. Мы, менеджеры, заставляем вас так много работать, что вы гибнете на дорогах. Вина на нас. Я совсем не хочу, чтобы ты погиб. Может, мне лучше уйти?

— О, Господи! Полковник, я совсем не имел в виду вас, —

скривившись от столь вольного толкования, заскулил Джон. Так невыносимо было думать, что вместо пения надо будет заниматься поисками контракта, что он готов был чуть ли не просить прощения.

— Ладно, малыш. Все о'кей! Я ведь не ссориться пришел. У меня хорошие новости. И, не дожидаясь вопросов, не делая пауз, Полковник выложил:

— Нас ждет мир кино. Тебя — контракт на восемь лег. Меня — дело нашего «тандема». Три с лишним года назад от упоминания Страны Грез у Джона занялось дыхание. Теперь-то он знал этому цену. Ах, как хотелось верить — ему дадут интересные роли, будут снимать с настоящими артистами, а те начнут играть по-настоящему. Демон-хранитель угадал все по его лицу:

— У тебя нет выхода. Ты уже два года не входил в Десятку хит-парада. Фирма, и та сомневается, заключать ли новый контракт.

Лицо питомца пожелтело вдруг так страшно, что Полковник поспешил сказать:

— Я пообещал им много нового материала для пластинок. Куда им было деваться? Контракт продлевают.

Джон перевел дух и взглянул в рыбьи глаза Полковника. Взгляд этих глаз всегда был тверд и победителен.

Оставалось сказать:

— Делайте к нашей обшей славе, Полковник…

Подписание контракта с кинофирмами было помпезно обставлено и широко разрекламировано. Снимок этого момента обошел все газеты: открытая, почти робкая улыбка человека, подписывающего свой каторжный приговор.

Джона передернуло. Тщеславие обошлось слишком дорого. Что такое полученные миллионы по сравнению с той вот горькой глубокой складкой у рта, которую он видит сейчас в зеркале, «гусиными лапками» в уголках глаз, пористой кожей, испорченной гримом и безумной гонкой «фабрики грез». Он-то, дурень, полагал, что турне — это адский труд. А тогда была легкость, радость. Он пел для людей.

Во время его кинопения три-четыре сотни человек набиралось всегда. Но это была не его публика: они слушали, тихо-тихо сидя вокруг, боясь не угодить режиссеру и ему. Петь было скучно. Да и песни были паточно-сладенькими. И только его бережное отношение к музыке давало им ту силу, которой они отродясь не имели.

Пожалуй, как ни странно, лучше всех вел себя Полковник. Он даже старался попасть в такт, шлепая ногой. И не попадал. Никогда.

Джон услышал, что кто-то скребется под дверью. Очевидно, давно. Ха-ха! Полковник! Боится потревожить питомца. Впустить, что ли? Нет уж. Пусть поцарапает дверь. Левый уголок рта привычно пополз вверх, стоило только ему представить толстяка Полковника.

— Мальчик мой! Что с тобой? Ты жив? Почему ты молчишь?

— Войдите. Простите, Полковник, я задумался. Не слышал. У меня, как всегда, все о'кей. Полковник наблюдал за ним исподтишка. Заметив это, Джон решил: никто теперь не посмеет читать его мысли. Прикинулся прежним деревенским простачком. Не зря все-таки прошли восемь лет в кино. Но менеджер неожиданно клюнул. Поверил или решил плюнуть и не вдаваться в подробности-все равно, мол, никуда не денется.

Внезапное озарение — Полковник боится! — пришло к Джону. Не волнуется. Не переживает. Боится. Провал. Расторгнутый контракт… Полковник не может уйти от дел. Не только из-за денег. Из-за неумения жить вне борьбы, вне интриги. Менеджирование — искусство. Только незаконнорожденное. Сам-то Джон не мог без пения. Концертов. Общения с публикой. В этом менеджер и подопечный были еди ны — скованы одной цепью.

И впервые ему стало жаль Полковника.

— Не волнуйтесь. Я постараюсь, — произнес Джон по-южному нараспев, отводя глаза от лица собеседника. Лицо это заходило ходуном, как у простого смертно го. В рыбьих глазах мелькнуло что-то, похожее на благодарность.

— Пойду я?.. — слегка запнулся Полковник. — Ты отдыхай, расслабляйся. Скоро, придут ребята и фирмачи. Я в тебя верю.

Джон только кивнул.

«Расслабляйся». Джон не умел этого и в свои счастливые времена. А теперь, пожалуй, и вовсе разучился. Страна Грез старательно выбивала из него все — певца, артиста, человека.

По три фильма в год. Сюжет известен раз и навсегда: поющий гонщик и удачливый любовник. Он бьет кого-то. Кто-то бьет его. Он гонит машину или мотоцикл и всегда находит большую любовь, покоряет любое женское сердце. Фильмы можно было просто выпускать под номерами.

Сутками Джона держали перед камерой. Он стал чувствовать, что силы изменяют ему. И однажды не выдержал: яркие мухи закружились перед глазами, лица закачались, и обычные звуки умолкли, уступив место нестерпимому пронзительному звону…

Врач говорил:

— Давление высокое. Не стоит давать допинг. Дайте лучше ему отдохнуть.

Дали. Но с тех пор стали присматривать очень внимательно. Стоило Джону начать бледнеть, появлялась сестра со шприцем и делала укол. Когда он приходил в себя, раздавался крик «по местам» и «камера».

Тогда еще появлялись пластинки с его музыкой. Не фильмовой. Это поддерживало лучше любого допинга.

Когда фильмы первого года были сделаны, Джон сорвался домой, чтобы отдохнуть.

Лица родных и влюбленные глаза поклонников, по-прежнему висящих на воротах перед домом, — чего же еще желать?..

Отдохнув с дороги, Джон пришел в свой офис, где в этот час была только одна секретарша — Бэкки. Ее глаза блестели сдержанно радостно. С самого детства она была верным фэном Джона, и именно эта преданность и обеспечила ей место в его офисе и радушный прием в доме.

— Хэлло, Бэкки! Прекрасно выглядите. Как муж и сын?

— Хэлло, босс! Благодарю. Все в порядке. Вы тоже прекрасно выглядите. Эта фраза была не просто дань вежливости. Скорее пароль дружеского взаимопонимания.

— Что ждет меня дома? — улыбаясь от произнесения последнего слова, спросил Джон.

— Приглашение от губернатора на послезавтра.

— 0'кей!

Джон вышел на подиум под руку с дочерью губернатора, оглядел политиканов и членов их семей, сидящих в первых рядах, а потом взглянул вверх, где на галерке сидели тинэйджеры.

— Господин губернатор, леди и джентльмены и эти, прогульщики, доброе утро, — сказал он, смеясь и делая широкий приветственный жест. — Я не могу петь по условиям моего киноконтракта. Смешные истории — тоже не мое амплуа.

Он почувствовал — от него ждут хотя бы слов — и добавил:

— Меня часто спрашивают, собираюсь ли я поселиться на Побережье? Пока я снимаюсь, я буду жить там. Это работа. Но дом мой здесь. И сюда я вернусь.

Он вернулся. Сил больше не было. Господи, как новичок, трясется он теперь, сидя в своей гардеробной. Где же ребята?

И в этот момент постучали.

— Эй, хэлло! Мы пришли, — говорил Скотти, протягивая руку.

Старая гвардия. Они собрались, чтобы облегчить ему возвращение. Без стука (дверь была приоткрыта) ввалились Рэд, Лам, Чарли и Джо. И тут же включились в общение. Смех. Шутки. Как много лет назад. И как много лет назад — напряжение в нем. Почти трагическое неумение переключаться, сразу влиться в

общий веселый разговор.

О нем словно забыли. Боясь помешать им и выдать свое волнение, Джон наблюдал за ними в зеркале, ощущая неловкость от невольного подглядывания.

Стараясь смотреть как можно незаметнее, он глянул исподтишка и в зазеркалье встретился взглядом со Скотти. Резко дернул головой от смущения. Отвернулся.

В глазах старого друга явно сквозило: «Я понял твое состояние. Понял — потому что видел тебя совсем щенком. И будь ты хоть трижды король, сегодня ты боишься. Но я никому не скажу. Я постараюсь помочь тебе». А сам Скотти говорил:

— Помнишь твой концерт — последний — на Островах? Джон благодарно кивнул. Ребята оживились.

— Да, да. Жаль, нет «Айрсов». Уж они бы порассказали…

— Моя лебединая песня. Вернее, девятнадцать лебединых песен.

— Танцевал с микрофоном, рискуя сорваться со сцены. Гордон был так потрясен твоим выступлением, что даже не мог петь. Стоял с открытым ртом.

— Прощальный концерт, ребята. Я знал, что этого долго не будет. Но не знал, что я буду так замордован…

Дверь открылась. Вошел Полковник, и следом фирмачи.

— Мой замордованный мальчик, — давая понять, что слышал его слова, начал Полковник, — как ты себя чувствуешь?

— Все в порядке, Полковник, — ответил Джон своей дежурной фразой. Обстановка в гардеробной с их приходом из непринужденной превратилась в бедлам. Говорили все разом. И слава Богу! Еще с полчаса, когда всем было не до него.

После концерта на Островах Джон снова вернулся «выстреливать» фильмы. Толпы поклонников встречали его в аэропорту. Ничего нового. Но теперь было не выносимо стыдно. Он обманул своих фэнов. Он не мог петь для них. А ведь среди этих людей были «профессиональные» поклонники — люди, которые всегда обретались там, где жил Джон. Они устраивались на работу в его родном городе, пока он был там. Они снимались с места и кочевали, если он уезжал в турне. Наградой им служили концерты. Теперь ждать стало нечего. И Джон попросил Бэкки навести, о ком можно, справки, чтобы помочь.

Его собственная жизнь все больше становилась похожа на страшное непроходимое болото. О самостоятельности и мечтать не приходилось. Он находился в кабальной зависимости от менеджера, фирмы, контракта и даже собственного имиджа. Скука и безразличие сделались его постоянными спутниками. На съемочную площадку он выходил, шаркая ногами. Говорил то

слишком громко и экзальтированно, то словно пережевывая кашу. Режиссеры делали вид, что не замечают его состояния. Не оставалось сил даже на развлечения. И вот изредка Джон стал бросать в рот пару маленьких желтеньких глянцевых пилюль, которые поднимали настроение, помогали держаться в форме. Многие артисты пользовались ими. И никто не находил в этом ничего страшного.

После окончания съемочного дня, когда действие таблеток кончалось, он, отупевший, сидел перед телевизором в окружении ребят и их подружек. Утром Джон несколько раз порывался удрать в горы один, однако вездесущий Полковник, узнав об этом, дал ребятам накачку:

— Ваш босс стоит миллионы и миллионы. Берегите его.

И они берегли. Они уже знали, что он начал пользоваться таблетками. А поскольку так было проще «беречь», они, не желая отстать от босса, начали пробовать все подряд. Скука богатой праздности давала о себе знать.

От той же скуки Джон стал делать людям какие-то безумно дорогие подарки. Отец решился поговорить с ним:

— Мальчик, я тут как-то проверял счета с Бэкки и решил, что спятил. Сотни тысяч на машины. Для кого? Тридцать три машины!!! Кому? Зачем? Мы… Ты разоришься так!

— Папа, это только деньги. Что тебе нужно? Скажи. Я все сделаю. Не говори только об этих проклятых деньгах.

— Сынок… Это твой труд. Я не понимаю…

— И не дай Бог! Я сам не понимаю. Но я не хочу помнить, за что я их полу чаю. Да, папа, богатым быть хорошо. Я буду дарить подарки. Кстати, не забудь — тебя ждет новый телевизор от фирмы. Привет Лили. Отец ушел осчастливленный. Они все вначале уходили осчастливленными. А потом выяснялось: кому-то был сделан более дорогой подарок, и Джон сразу становился плох.

О, как он старался угодить им раньше. Теперь это прошло. Подарки, как и все остальное, не приносили радости. Оставался эксперимент да необходимость в окружении. Родные не составляли исключения, разве что мать его мачехи. Она никогда не ждала подарков. Удивительная женщина!

Душа его отогревалась рядом с ней. Да и мать Лили любила его, пожалуй, больше родных внуков.

К Рождеству он снова вернулся домой. Джон с детства, когда рядом была мама, любил этот праздник больше остальных. Но такого Рождества не помнил — грянули небывалые для их мест морозы, и выпал снег.

Рождественская ночь, казалось, тянулась бесконечно. Мать

Лили, оказавшаяся рядом, шепнула:

— Пойдем, глотнем свежего воздуха, мальчик. А то я уже одурела от духоты и скуки.

— С удовольствием, мэм.

— Не зови меня — мэм. Просто — бабушка Кэт.

— Спасибо. Куда прикажете проводить вас?

— Слушай, я ведь янки. У нас бывает зима, и мы играем в снежки. То есть раньше играли, а теперь-то уж нет, — поправилась она. Они потихоньку выскользнули из дома.

— Хорошо дома?

— О, бабушка Кэт, только дома и хорошо. Хотя… вы понимаете?

— Надеюсь, мальчик. Я вижу тебя не первый раз. Знаю. Ты грустишь? Что может тебе помочь? Только твоя собственная семья. Женись. Но не на актрисе. Я про жила очень долгую жизнь, и мой опыт подсказывает, что легко тебе не было никогда. И не будет.

— Моя мама предрекала мне то же самое. На мне что — печать? Бабушка Кэт кивнула и добавила:

— Но ведь должен же ты полюбить? А разве может устоять против твоего обаяния и таланта женщина? Возьми хоть меня, — улыбнулась она.

— Я простой южанин. Своим взлетом я обязан Полковнику. Он…

— Это тебе он сказал? — перебила старая дама, и глаза ее стали какими-то не добрыми и тусклыми. — Только не смей защищать его. У тебя талант. У тебя!

Он улыбнулся горячности старой леди. В ней не было покорности и обреченности, свойственной членам его семьи.

— Твой талант — тяжелый крест, — снова заговорила бабушка Кэт. — Молодежь чувствует меру этого таланта, но не его тяжесть. И не в состоянии облегчить ее своим поклонением. Всегда тебе будет трудно. И, тем не менее, люди всегда будут к тебе протягивать просящую руку.

— Я уже привык. Потому-то я и боюсь жениться. При моей жизни обрекать кого-то мучиться рядом? Ужасно… И потом — я никогда не смогу ни о чем попросить любимую женщину. Я, наверное, создан только исполнять просьбы. Но я не ропщу. Хоть какая-то от меня польза, — с легким оттенком горечи закончил Джон.

— Подожди. Я тоже хочу тебя попросить.

— Сочту за честь. Это ведь впервые.

— И, надеюсь, в последние… Правда, я не за себя. Хотя внук-это я.

— Что случилось? С кем?

— С Рикки. Лили даже не в состоянии говорить с тобой. Такой мерзавец. Он пошел во время каникул работать в госпиталь и украл там наркотики для своего старшего приятеля. Ему грозит суд. Собственно, я бы даже не стала говорить. Поверь только в одно: как ни парадоксально, самый родной мне человек в этой семье — ты. И я боюсь огласки. Все эти киношные писаки обожают такие штуки. Я совсем не хочу, чтобы тебя склоняли. И так слишком много всякой дряни. А твой демон-хранитель только рад. Реклама.

— Хорошо, мэм. Я сделаю все возможное.

Бабушка Кэт приехала благодарить. Она поцеловала Джона и протянула маленькую коробочку.

— Я хочу сделать тебе подарок. Нет, нет. Не качай головой. Это кольцо-реликвия нашей семьи по мужской линии.

— Оно для ваших внуков…

— Ты мой старший внук. Оно твое. Его носят только на мизинце. А на твоих красивых тонких руках, я думаю, оно заиграет. Кстати, откуда у простого южанина, да еще водителя грузовика, такие руки? Не знаешь? В тебе порода, мальчик.

Кольцо оказалось талисманом и для Полковника. Снимался очередной фильм. Как всегда при его появлении, все закрутилось, сцена длилась уже минут пятнадцать, когда раздался вначале протяжный стон Полковника, а затем его повелительный окрик:

— Прекратите съемку!

Режиссер недоуменно взглянул на менеджера:

— Что случилось, Полковник?

— Случилось то, что вы в качестве реквизита используете личные вещи моего подопечного, — холодно отчеканил тот.

— Господи, какие еще вещи? — пролепетал режиссер, понимая, что сейчас Полковник потребует сатисфакции.

— Золотое кольцо с драгоценным камнем. Хотите убедиться? — осведомился язвительно.

— Нет, нет. Зачем же? Еще?

— Золотые часы — подарок фирмы. Режиссер попробовал защищаться.

— Почему же вы, Полковник, не присмотрели за этим раньше?

— Я? Я?! Я — что?! Не присмотрел?! Я у вас разве состою на службе? Или работаю поденщиком? Вы меня оскорбляете, когда я, уполномоченный своей фирмой следить за соблюдением всех статусов относительно нашего питомца, говорю вам о вашей грубой ошибке. Я полагаю, фирма, которую я имею честь представлять, свяжется с вашей фирмой на самом высоком

уровне, и они найдут общий язык.

Обезумевший от такой тирады режиссер недипломатично брякнул:

— Сколько, Полковник?

— Что? — загремел Полковник. — Что?! Ну, это вы надолго запомните… Память обошлась кинофирме в двадцать пять тысяч плюс подарок Полковнику в качестве компенсации за обиду.

А Джон? Попытался, конечно, унять Полковника. В ответ получил:

— Не вмешивайся. Деньги небольшие. Но деньга деньгу делает. Я просто выполняю обещание, данное тебе и твоей маме…

Обжигающий стыд вернул Джона к действительности. Он в упор глянул на менеджера. Тот вздрогнул от неожиданности — питомец секунду назад сидел истуканом, погруженный в раздумья. Сейчас его взгляд выражал бешеную неприкрытую ненависть. Почему? Полковник не чувствовал себя виноватым ни в чем. Сидели. Мило болтали с парнями. Он, правда, давал им кое-какие советики, как сделать, чтобы питомцу было лучше (а следовательно, и ему). Слава должна быть не первозданной, а зрелой. Король возвращается из паломнического похода в Мекку. Придворные обязаны вернуться раньше. Подданные уже готовы. Готовы?..

И, испугавшись конфликта, Полковник — впервые, может быть, в жизни — вынужден был пригласить компанию в бар. Питомец поднялся и сказал:

— Сегодня мой платежный день.

Мысль о том, что платит Полковник, была непереносима. Нет, у них разные счета в банке и в жизни.

Пока компания пробиралась к стойке бара через подростков, томящихся там, Джон быстро взглядывал по сторонам. Разговор его стал возбужденным и неожиданно громким. Он сознавал, что смешон, но поделать с собой ничего не мог. И никто, абсолютно никто из молодежи не обращал на него внимания. Нынешние тинэйджеры не знали его.

Горько усмехнувшись, Джон взгромоздился на табурет.

— Не твоя публика, а? — наклонившись к боссу, проговорил Рэд. Джон кивнул, потягивая пепси через соломинку. Говорить не хотелось. Голова стала тяжелой. Нахлынула апатия.

— Господи, кто может выдержать? Я… Кто может помочь? Никто? Никто. Прис? Я не хочу, чтобы она была на этом концерте и даже смотрела его по телевизору. Я не верю в себя. Я разучился петь.

Глаза уплыли далеко-далеко. Взор стал хрустальным. И первым это увидел Скотти. Нельзя было оставлять Джона в таком

состоянии. Лучше взрыв. И Скотти пошел напролом.

— Эй, Полковник! Вы хорошо продумали подбор публики?

— Боже, мальчуган! Что ты несешь? Подбор публики… Каким образом? Его окружать будете только вы. Вы же и будете создавать общий фон.

— Между прочим, стоило бы пригласить красоток, с которыми он снимался. Реклама бы выстроилась ого-го! — и Скотти исподтишка взглянул на лицо старого друга.

Лицо это болезненно пожелтело. Скотти понял — слова дошли. Сейчас наступит реакция…

— Дружище, Скотти, — раздался тихий страшный голос, — ты-то знаешь меня лучше других. Я что, только и гожусь теперь для роли героя-любовника и племенного жеребца?..

Глаза и щеки Джона горели. Скотти сидел, опустив голову.

— Скотти, ты слышишь меня? Зачем ты говоришь так? Может, ты и вправду так думаешь? Может, по-твоему, мне не надо возвращаться? — вдруг спросил Джон, и голос его сорвался.

Скотти, не поднимая глаз, покачал головой.

— Тогда зачем ты обижаешь меня? — печально проговорил Джон. Скотти не был готов ни к такому вопросу, ни к дрожи в голосе друга. Он вздрогнул, словно от удара. В маленьких глазах прыгал еще озорной огонек от удачной провокации. И Джон понял — Скотти решил разрядить обстановку любым способом.

— Скотти, дружище!

— Прости, я не хотел обидеть тебя.

— Добрый старый дружише!..

Ребята уставились на них, не понимая, что происходит. Начала разговора они не уловили. Полковник остро глянул на друзей — сцену объяснения пора было прекращать. Джон и Скотти поймали этот взгляд одновременно. Тонкая рука Короля мягко коснулась костлявой руки Скотти.

— Идем, дружище. Кажется, пора начинать.

Но пора еще не пришла. Заглянул продюсер и увел куда-то Полковника. По том примчался помощник продюсера и утащил ребят смотреть — удобна ли сцена.

Джон снова остался один. Подошел к своему столу, заваленному поздравительными телеграммами. Фэны были счастливы. Его выход на сцену был и их звездным часом. Однако сейчас читать их послания он не мог. Внутренняя дрожь не да вала сосредоточиться. И он бережно начал складывать их в шкатулку.

Медленно раскладывая телеграммы, он вдруг наткнулся на надпись, сделанную красным фломастером: «Прочитать перед

концертом». Он вскрыл бумажную по лоску и увидел подписи — Мэк, Джерри, Карл. Его друзья. Его юность. Сегодня их здесь нет. Да и чего бы им стоило собраться вместе?! После стольких лет. Пути их давно разошлись.

Джерри пережил подлинную драму — остракизм, когда женился на своей родственнице. С ним расторгли все заграничные контракты. Возвращение на родину тоже было омрачено — выступления его были запрещены. Джерри подался, как и Джон, в кино. Но его контракт был гораздо короче, чем у Джона, и он давно вернулся на эстраду.

Мэк значился теперь в списках первых кантристов страны. Его кантри-баллады были подчас страшны. И успех его был бы необъясним, если бы публика не была заинтригована. Мэк никого не подпускал к себе близко. У него не было потребности в людях. Детство его было суровым — нежности не допускались в этой семье. С ним никогда не носились, не облизывали. Он знал, что такое — драться с мальчишками до кровянки. Умел постоять за себя. Он был Геккльберри. И его баллады были пропитаны этой бравадой. Карл называл их эстрадно-уголовными.

Сам Карл вышел из кантри, а затем стал рокером. И попал во «второй эшелон». Что-то не сложилось. Будучи талантливым композитором, Карл не стал талантливым исполнителем. Он не верил в серьезность собственной музыки. Не было у него и комплексов, связанных с детством, с жаждой утверждения себя. После нескольких лет забвения Мэк взял Карла в свое шоу.

Тройка писала: «Ты наша надежда, гордость Юга всей страны; мы приветствуем твое возрождение, тебе ты должен своим учением возродить учеников своих; удачи тебе. Мэк, Карл, Джерри».

«Ишь ты, нашли струнку», — подумал Джон.

Ребята неоднократно заявляли даже в печати, что все рокеры — его ученики. Даже теперь, когда каждый шел своей дорогой, они по-прежнему считали Джона учителем.

«Жаль, нельзя начать сначала. Может, пели бы вместе», — сентиментально подумал он. И туг же покачал головой. Нет. Начиная вещь, он никогда не знал, как сделает ее. Каждый раз песня звучала иначе, чем прежде.

Никто, включая его самого, не мог знать — как пойдет. Песня выходила из повиновения, оборачиваясь новой мерцающей гранью. Музыка вела его и заставляла забывать обо всем. И, конечно, он был жалким идиотом, когда позволил Полковнику настоять на киноконтракте.

Эта мысль снова вернула его в гардеробную. Где они все? Посмотрел на часы. Такая пропасть времени!!!

Бережно положил послание друзей в ту же «сувенирную» коробку, где лежа ли и прочие телеграммы. Слабость, конечно, но она всегда была при нем во время концертов. С первых гастролей.

Закрыл шкатулку. Включил весь свет и сел гримироваться. Отражаясь от зеркала, свет резал глаза, выбивая слезы. Правый покалывало. Легкая эта колющая боль появилась год назад. Джон относил такие явления за счет перегрузок при съемках — чересчур яркий свет юпитеров. Однако зрение не ухудшалось, и беспокоить врачей он не стал. Изредка глаз слезился, но еще с юности он не считал для себя возможным обременять занятых ученых людей.

Джон закрыл глаза, давая им возможность привыкнуть к яркому свету, и в этот момент рядом на столе грянул телефон. Он машинально поднял трубку.

— Да? — пытаясь изменить голос, произнес он.

— Дорогой, ты так и не научился играть, — сказал голос Прис. Вздрогнув от насмешки, Джон все же вздохнул с облегчением; свой голос. Жена продолжала щебетать:

— Лиз сегодня тиха невероятно, словно понимает, что ее папочка готовится к решающей битве за звание артиста.

Снова легкий укол. Такая манера разговора стала присуща ей с тех пор, как родилась Диз. Она мгновенно поняла, что дочь для него — все. И что бы ни было между ними, один только вид лепечущей дочурки утишал гнев, снимал усталость, заставляя идти дальше.

Он вспомнил, как хотел сына. Хотел, чтобы парень играл в футбол, дрался с мальчишками. Потом бы получил хорошее образование и выбрал умную специальность. Возможность сценической преемственности Джон исключал полностью. Жутко было помыслить, что его ребенок окажется на сцене. Только не певец.

Родилась дочка, и он вдруг почувствовал, что внутри лопнул нарыв, назревший за последние безрадостные годы в кино. Джон понимал: дочь не пойдет по его стопам. Прис с присущим ей изяществом займется дочкиным будущим.

— Не волнуйся, дорогой, — сказала Прис. — Удачи тебе.

Изящество жены изменило ей на этот раз. Удача… Это понятие определило жизнь их нации. Другого мерила не существовало. Удача — успех. Словно не было понятий — счастье, радость. Когда-то, встретив Прис во время своей службы, Джон был поражен, насколько эта маленькая, похожая на статуэтку круглолицая девочка не интересуется рекламой. Она казалась очень одинокой, и поначалу Джон думал, что Прис растет без матери.

Как-то она позвонила и сказала, что не пойдет с ним в кино, потому что папа запретил ей.

В окружении ребят он стоял у кинотеатра, когда она все-таки появилась.

— Отпустили? — обрадовался Джон.

— Да, мама уговорила его, сказав, что мне не следует упускать такой шанс, — простодушно выложила она. Так Джон узнал, что у девочки есть мать, которая делает на него ставку. И от этого снова зашлось сердце. Стало тоскливо с ней. Конечно, он оставался бесконечно добрым, но твердо помнил — никаких слабостей. А она стала стремиться все чаще появляться в его обществе, поняв, что это престижно.

Когда срок службы истек, Джон простился с ней, как с сестренкой. Потом начались съемки. Он и забыл о ней.

Поэтому письмо, полученное им во время передышки между фильмами, явилось полнейшей неожиданностью. Родители Прис спрашивали без обиняков, нельзя ли дочке приехать в гости к Джону и его отцу на каникулы. Он страшно удивился, а главное, незамедлительно понял причину — он стал звездой, и его доход постоянно возрастал. Вечером Джон зашел с письмом к отцу. Тот, прочитав, потер лоб рукой и сказал:

— Сын, она милая девочка. Вы были дружны. Ты ведь даже хотел покровительствовать ей когда-то. Пусть приезжает, а? Она будет при бабушке. Это не повлияет на твою карьеру.

Джон снова, услышав это слово, горько задумался. Карьера. Только карьера. Забота о ней стала главной даже для отца. Никого абсолютно не интересовали его человеческие чувства.

— Ответь им сам, папочка. Пусть приезжает.

Придя к себе, Джон поднялся в мамину комнату, ключ от которой хранился только у него. Когда в доме убирались, он сам открывал и закрывал ее.

Большой фотопортрет висел на стене против окна. Здесь еще чувствовался мамин аромат. Или это чувствовал только он? Присев на диван перед портретом, Джон пожаловался:

— Вот, мамочка, тетя Фэй всегда говорила, что близняшки счастливые. А где оно — счастье? Даже папа — нет-нет, я не жалуюсь — думает в первую очередь о моей карьере. Теперь эта девочка. Она могла бы быть моей сестрой, а ее родители про чат мне в жены.

Но взгляд матери был далеким и глубоким. Она не могла ответить сыну. Да он, собственно, и не ждал.

Спустившись вниз, Джон застал в гостиной Чарли, Рэда и Джо.

— Босс, — начал было Рэд и осекся. — Что с тобой? Что-нибудь случилось?

Рэд не был чуток, но, зная своего босса с малых ногтей, сразу почувствовал перемену.

— Только приятное. Чарли, помнишь Прис? Джо, а ты? Оба кивнули, глядя вопросительно.

— Она приезжает сюда погостить на каникулы. Я прошу вас оказывать ей подобающие почести.

— Зачем тебе это? — прямо врезал Рэд. — Разговоров-то будет. Полковник отнесется к ее визиту без восторга, будет нудить о карьере.

Джон вздрогнул — вольно или невольно Рэд так непочтительно обошелся со словом «карьера»?

— Карьера… — глубокомысленно произнес Джо. — Куда они денутся. Контракт. Как это воспримет Энн?

— Господь с ней, с Энн, — тихо, словно в раздумье, сказал Чарли, — ты-то рад? Или у тебя все неопределенно? Отклони их просьбу. Ответь, что тебе некогда. Только не думай, что я это ради своей выгоды. Прис мила, а ее мать хитра. Ты и сам знаешь. Ни одна мать не пошлет дочь «в гости» к неженатому мужчине на десяток лет старше — просто так. Здесь дальний прицел.

Слова Чарли носили, безусловно, общечеловеческий характер, но смысл их больно бил по Джону. Конечно, Чарли не хотел плохого своему кумиру. Просто зло славы и богатства жило вокруг него, облепляя удушливой коркой.

Джон резко вскинулся в кресле. Встал, заканчивая разговор.

Несколько дней спустя, уже на Побережье, он получил от отца телеграмму, что Прис они встретили. Он вздохнул — свершилось. И постарался забыть. Не тут-то было. Она надумала навестить Джона и лично выразить благодарность за «приглашение». И осуществила свое намерение с удивившим и испугавшим его упрямством.

Джон поехал встречать ее в аэропорт вместе с Рэдом и Чарли. При встрече Прис обняла и поцеловала его так, словно имела на это право. Рэд осмотрел подругу босса с головы до ног достаточно откровенно. Она заметила этот взгляд, и глаза ее стали злыми и прозрачными. Она не подала Рэду руку и лишь снисходительно кивнула Чарли. И внезапно, с тоскливой ясностью, Джон увидел, что эта девушка, ничем почти не напоминающая ту, мягкую и пухлогубую девочку, хочет быть единственной. Хочет заменить и родных, и друзей.

Она выглядела теперь взрослой из-за густо-черной подводки глаз, высоко взбитой прически и высоких каблуков.

Потом Джон отвез ее к жене своего менеджера и пару дней не

решался там появляться, проводя время с ребятами и Полковником и глотая маленькие пилюли, чтобы забыться. Вспомнилось, как Полковник свистнул, увидев Прис.

— Послушай, — заметил он питомцу, — будь осторожен. И только. В устах столь прожженного человека слова прозвучали угрожающим предупреждением.

Вдруг Джон увидел, что Полковник стоит в дверях.

— Слушай, чего ты сегодня, а? То комок нервов, то элегия. Определяйся скорей. Через двадцать минут начало. Девушек я все-таки рассадил. Расправиться с ни ми — твоя задача.

Джон неожиданно остро обрадовался менеджеру и весело рассмеялся его словам. Полковник удивился и растрогался. Как всегда в минуты редкого для него душевного стресса, глаза его съехались к переносице, и уже второй раз за этот длинный день Полковник удивил своего питомца.

— Но по мне лучше элегия. Мне не хотелось бы, чтобы ты нервничал.

— Где ребята, Полковник?

— Отправил их поразмяться. Они не в состоянии рассеять тебя. Побудь-ка один. — Вдруг остановил взгляд на зеркале. — Вот с ним.

И, резко повернувшись, вышел.

Да, Полковник угадал, с зеркалом было легче, чем с ребятами. Отношения становились все более официальными.

— Господи, мелодрам мне только не хватает.

Он решительно подвинул стул и занялся своим лицом, упорно стараясь не думать.

Но думалось. Думалось, что Прис смеется потихоньку. Она права. Великим артистом он не стал. Ремесленник от кино. Обидно, конечно, что она это делает. А может быть, отыгрывается? Есть за что. Его мягкотелость дорого обошлась всем. Не смог он сразу пресечь ее попытки войти в его семью. Духу не хватило жестоко обойтись с маленькой девушкой, приехавшей к нему в гости.

В конце каникул от ее родителей пришло еще одно письмо с «огромной просьбой» разрешить девочке пожить у них до окончания колледжа. На этот раз советоваться было не с кем. Бабушка позвала внука к себе:

— Я хотела бы, чтобы Прис осталась у нас. Мне так хорошо с ней. Я думаю, ты тоже рад. Она всегда под боком. Джон вспыхнул:

— Но, бабушка, там, где я сейчас пребываю, под боком у меня полно красоток. При чем здесь Прис?

Войдя в свою комнату, он увидел стоявшую у стола Прис. Она медленно подняла на него глаза и тихо спросила:

— Можно, я останусь у тебя? — Он остолбенел. Прис поняла и поправилась:

— Я хотела сказать — в твоем доме. Я очень привязалась к твоей бабушке и тетке.

— Так не годится, детка, — качая головой, сказал Джон. — Тебе стоит подумать о будущем.

Резко вскинув голову и глядя на него остановившимися и расширившимися глазами, она твердо сказала:

— Я люблю тебя и хочу, чтобы моим будущим был ты.

Это было сказано так грубо, так не вязалось с его представлениями о женской гордости и ее обликом дрезденской куколки, что он отшатнулся и только воскликнул: «О-о!».

Неужели этот короткий звук мог столько сказать? Так поразить? Лицо ее задрожало, и она бросилась опрометью вон из комнаты.

Через полчаса в дверь его кабинета постучали. Пришла тетка и елейным голосом пропела:

— Тебя хочет видеть бабушка. Она плохо себя чувствует. Ты очень расстроил ее историей с Прис. Девочку жаль безумно.

Джон мрачно кивнул. Сидел, собираясь с мыслями. Как, когда, чем приворожила она всех его родных? Напрашивался ответ — добротой и обаянием. Почему же он сопротивляется? Бабушка Кэт как-то советовала ему найти на роль жены не акт рису. Прекрасный повод угодить единственному человеку, который не талдычит о его карьере. Но внутри все сопротивлялось. Страх? Да, и страх. Взять на себя еще обязательства, еще ответственность? Это при его-то нынешнем положении? Конечно, платили ему прекрасно. Получали же за него неизмеримо больше. И забирали у не го время, здоровье, радость непосредственного общения с людьми. Пожалуй, радость общения была главной. Постоянное свое окружение он уже едва переносил. Часто бывал груб и жесток с ребятами, то кляня себя за это нещадно, то пытаясь оправдать и понимая, что хамству нет оправдания.

Во время таких кризисов он уходил в работу, пытаясь преодолеть кинорутину. Но все возвращалось на круги своя, принося с собой лишь давящую боль в затылке и полуобморочное состояние. Все чаше теперь на съемочной площадке бросал он под язык допинговую таблетку. Все чаще… И, конечно, не мог не знать, что это влечет за собой, куда может завести. Он не пристрастился к спиртному и курению, хотя иногда позволял себе, особенно в обществе Полковника и фирмачей, выкурить тонкую датскую сигару.

Тоска, тоска, тоска… Вместе с таблетками она разрушала

здоровье и веру в себя. И обрекать на безрадостное существование рядом с собой, таким трудным для окружающих, еще кого-то? Увольте. Хватит с него, что причина маминой смерти в нем. Правда, все старались отвратить его от такой мысли. Говорили, что причина — тяжелая работа. Но ведь он тоже тяжело работает. А значит…

Так Джон впервые посмотрел правде в глаза — он недолговечен. И почему-то улыбнулся. Успокоился. Достал знакомую трубочку, отсчитал пару таблеток… Минут через пятнадцать поднялся к бабушке. Прис там не было.

— Садись, внучек. Вроде мы с тобой недавно расстались, но ты уже сто-о-олько успел натворить.

Это был выговор. Впервые с тех пор, как Джон содержал всю свою родню. Недаром же пресса писала о невероятно развитом у него по отношению к родным чувстве долга. В его стране это не принято.

Все существо его, основательно начиненное дикседрином, возмутилось. Он не мальчишка.

— Да? Так что же? — сухо осведомился он. Но бабушка предпочла тон не заметить. А зря…

— Как ты смел обидеть девочку?! Она уезжает оскорбленная. Извинись сейчас же, не то…

— Что-о-о?!! — страшно прошипел он. — Угрозы? Мне?! Из-за невесть кого? Да черт с вами, со всеми. Лучше буду один. Сколько можно распоряжаться мной и читать нотации?!

Старуха вжалась в кресло. Вся ее величественная осанка пропала. Она стала похожа на черепаху: на дряблой морщинистой шее дергалась маленькая головка.

— Что ты? Что? Господь с тобой! Живи, как знаешь. Он почти тут же испугался, что ее хватит удар. Но старушка оказалась желез ной. Быстро успокоилась и уязвила:

— Хорошо, что мамочка не видит. Расстроилась бы.

Как хлыстом. Он же еще и виноват. Махнув рукой, ушел, не обернувшись. И тут вмешалась совесть. Надо было идти к Прис. Джон постучал.

Нет ответа. Еще раз. Опять тишина. Тогда, напуганный этой зловещей тиши ной, он толкнул дверь. В тот же миг Прис обхватила его и заплакала. Это было выше его сил — женщина плачет из-за него. Он провел рукой по ее волосам.

— Не надо, малышка. Я не стою слез. Оставайся. В этом доме тебе рады.

Прис моментально просияла и бросилась распаковывать чемодан. Сцена миновала. Он проговорил:

— Извини, мне надо сейчас идти. Вечером увидимся…

Он поехал навестить маму. Посидел. Поговорил с ней. Вернее, рассказал ей все, не щадя себя. Стало немного легче.

У выхода с кладбища Джон вдруг почувствовал страшную слабость и дурноту. Быстро достал таблетку и раскусил ее. Подождал, прислонившись к дереву, и, когда отпустило, вышел и сел в машину. Чуть-чуть посидел и медленно повел машину к дому.

Утром надо было улетать. Значит, вечер предстояло провести в кругу семьи. Он бы предпочел без его друзей. Именно поэтому он и пригласил ребят. До застолья время еще было, и Джон постучал к Прис. Она была готова: одета очаровательно, накрашена умело и весела. Он, хмуро оглядев ее, буркнул:

— Прекрасно смотришься, девочка. А вот это — тебе. Это — было кольцо очень тонкой работы с изумрудом. Прис приняла подарок без колебаний, но с несколько преувеличенной благодарностью:

— О-о-о!!! Милый! Сказка! Но зачем? Я так счастлива! Очень! Весь вечер она держалась, словно принцесса. И ее изящество, которое он принял за аристократизм, неожиданно понравилось ему.

Однако, на аэродром он уехал раньше, чем следовало, только чтобы избежать сцены прощания. И был страшно поражен, когда Энн, с которой он снимался, как-то во время перерыва спросила:

— Как поживает ваша маленькая приятельница, которую вы никому не показываете? Кстати — почему, Джон? Боитесь, что у крошки от обилия звезд закружится головка? Или растите для себя?

Он недоуменно взглянул, а Энн, умница, хитрованка, словно не заметив его удивления, поднялась и пошла на съемочную площадку.

Энн манила его. Хороша — необыкновенно! Умна! Тонка! И неприступна. Джон тянулся к ней. Но так и не узнать ему, кто известил Прис об этом. Она примчалась раз, другой, третий. Была терпелива. Не навязывала себя. Ждала своего часа.

И снова Джон толком не понял — подстроила она все дальнейшее или час действительно настал.

Во время его приездов домой они жили под одной крышей. Пресса связала их имена, говоря, что они давно тайно женаты. Только они знали: они — никто.

В тот приезд дома все были обеспокоены. Прис болела. И даже врач не мог определить, что с ней. Она ничего не ела. Худела. Была постоянно тиха и грустна.

Джон пришел к ней в комнату, и жалость к столь преданной девушке затопила его.

— Малышка, — он накрыл ее бледную ручку своей, — что случилось? Надо поправляться.

— Не хочу. Я устала.

— Брось. Все обойдется.

— Ты меня прости, — она тихо заплакала. — Я так тебе досаждала. Я… Он вдруг наклонился и поцеловал ее.

— Ты прелесть, Прис. И все будет у тебя хорошо. На секунду прильнув к нему, она пробормотала:

— Я сделаю, как ты хочешь.

А вечером ей стало плохо на лестнице, когда она шла к себе после ужина… Они задержались, болтая за столом. Потом она, сославшись на усталость, отправилась к себе. Когда раздалось ее слабое «ах», Бог весть что померещилось Джону, и он стрелой помчался на помощь. Она сидела на лестнице, прислонившись к стене и закрыв глаза. Он подхватил ее на руки. Отнес в комнату. Сел рядом с постелью.

— Ты просто устала. Спи, маленькая.

Она и вправду была похожа на девочку тех далеких дней.

— Я боюсь. Не уходи.

Он остался. Сон смежил его веки, когда раздался голос:

— Мне холодно. Меня всю трясет. Я не умру? Действительно, ее бил колотун. Джон обнял ее, но дрбжь не унималась. Тогда он решился.

— Подвинься, — он сбросил ботинки и лег поверх одеяла. Прижал ее. Вскоре она затихла. Он тоже засыпал, когда почувствовал ее губы на своих. Она целовала его быстрыми жадными неумелыми поцелуями… Час? Наверное.

Преданность ее была трогательной и неутомительной. Он взял на себя всю ответственность. Семейство радовалось и недоумевало. Когда же, наконец, будет пышная, подобающая Королю свадьба с обычной в таких случаях мишурой? Но он не торопился. Понимал — тогда все изменится окончательно. Каждая женщина хочет, чтобы любимый принадлежал только ей. А как с ребятами? Джон перед ними в долгу. Они создавали ему комфорт. Они были гарантией его безопасности. Они делили с ним все его тяжелые минуты. Они, наконец, восхищались им. Конечно, он уже давно не обольщался, понимая, что сам нужен им гораздо больше, что уже давно они смотрят на него, как на босса. Работодателя.

Однако он твердо знал, что держится в форме только благодаря им, не смея упасть в их глазах. «Звездность» имеет свои законы. И ясно было, что Прис настроена против ребят — свидетелей ее ожидания. Унижения. Это Джон тоже понимал отлично. Не все можно забыть. Проще простить. Ребят она со

временем простит. Его простит раньше, но все эти годы громадой встанут между ними. Она не забудет.

Полковник был единственным, кто решился заговорить на столь щекотливую тему.

— Учти, мальчик, твоя кинокарьера дала тебе только деньги, но не славу. Насколько я знаю, контракт возобновлять со студиями ты категорически не хочешь… — Он помолчал. — Знаешь, ты прав. Ты певец. И я снова сделаю тебя Королем. Обещаю. Пока ты не должен давать газетам повод полоскать твое имя. Если ты женишься сейчас, конечно, все для нас осложнится, но если вдруг… — он снова помолчал и трижды постучал по деревяшке, — не дай Бог, что-нибудь произойдет с Прис, женись немедленно. Она девочка прелесть, хотя и пошла в мать. А ты — добрый простак, — Полковник замолк в ожидании ответа, но питомец молчал. Он пребывал в полной растерянности от проницательности Полковника и его доброжелательности.

Прошли годы, прежде чем Джон понял, что Полковник любит его.

По-своему, правда. Как самую дорогую вещь. Тем не менее Джон знал одно: есть вещи, которые он никогда не простит своему наставнику. Слишком много тот знал о нем. Слишком долго водил его, словно собаку на поводке. «Очевидно, то же чувствует по отношению ко мне Прис», — подумал он. Но сейчас только Полковник со своим житейским цинизмом мог быть полезен.

И Джон принял его слова.

— Да, Полковник, я все понял. Но вы же знаете, что в случае неожиданности, как вы это называете, — усмехнувшись одной половиной рта, сказал он, — я буду рад. Я…

— Знаю, знаю. Давно. А ты знаешь, что это я посоветовал режиссеру дать тебе роли с детьми? Тебе нужен ребенок. Не наследник. Ребенок. У меня вот есть ты. У тебя такого варианта не может быть. Тебе нужно свое. Я всегда жил за кого-то. И по-другому не хочу, — жестко добавил он. — И учти, я ни в чем не изменю себе. Таким я создан. Таким умру. Вот тогда ты, я уверен, вспомнишь о бедном старом Полковнике по-иному.

Питомец покачал головой.

— Что ты качаешь головой? — возмутился наставник. — Ты осиротеешь.

— Простите меня. Я не об этом. Не о вас, — поправился Джон. — О себе. Вы переживете меня.

— Господи, только не это, мальчуган. Негоже старикам хоронить молодых.

— Ничем не могу помочь, — отшутился Джон.

— Да с чего это ты? Джон пожал плечами:

— Я так думаю. И хватит об этом, — твердо, как никогда прежде, пресек разговор.

С тех пор прошло… Сколько? Три? Четыре года? Около того. Джон был в форме, хотя приступы слабости и гипертония донимали по-прежнему. Но думать об этом он не хотел. Просто знал. Единственное, что он заставил себя сделать (не без помощи врачей и тяжелой ломки, конечно), — отказался перед своим «возрождением» от употребления таблеток.

Полковник несколько раз пытался возобновить разговор о здоровье, но натыкался на глухую стену. Потом, видя, что питомец на здоровье не жалуется и ничего трагического не происходит, успокоился.

Да, он еще жив. Молод. Молод? Нет, этого он не чувствует. Но через несколько минут он снова выйдет на сцену, чтобы петь. Петь для людей.

Джон улыбнулся, глядя в зеркало, экстравагантности подобной мысли.

Год спустя случилось то, чего опасался Полковник, боялись его ребята и, кажется, ждал он сам. Прис, перепуганная, сообщила, что беременна. Ни минуты не колеблясь, Джон назначил свадьбу через неделю.

Церемония, несмотря на пышность, была слишком скоропалительна. Женская половина фэнов зашлась в слезах и нелестных воплях по адресу Прис. Даже среди гостей в открытую велись разговоры, что Прис женила на себе Джона, забеременев.

Полковник держался стоически, отражая натиск прессы. Родные ликовали. Джон был напуган. Надо было срочно решать вопрос о ребятах. Прис больше не хотела делить его ни с кем, как он и предполагал.

Осторожно, но отнюдь не безболезненно, говорил Джон с каждым из своих друзей. Они все понимали. Правда, и здесь помог Полковник. Он подготовил почву для отступничества питомца.

Пресса было за это ухватилась, стала донимать ребят вопросами. Но ни один ни словом не задел не только Джона, но и Прис. Такая деликатность заставила его ощутить себя предателем и подонком. Он бросился их благодарить и от каждого услышал:

— Брось. Все нормально. Если мы будем нужны, ты знаешь, где нас найти. И вот родилась Лиз. Он от радости готов был одарить всех, хотел разделить свою радость с друзьями. Обзвонил их. Вызвал к себе. Они, видя его таким счастливым и сияющим, быть может, впервые после маминой смерти, почувствовали себя совсем непринужденно. И, когда пришла очередь Рэда говорить

тост, он сказал:

— За твою дочь и жену мы уже пили, дружище. Давайте, мужики, выпьем за нашу неразрывную связь. Что бы ни случилось, мы — будем мы! Не он, он, он, я, ты… Мы!

Боже, какую встречу они устроили Прис! Она оттаяла к ним, подобрела и в счастливую минуту сказала мужу:

— Дорогой, я совсем не против видеть их иногда в своем доме. — Джон был, словно мальчишка, на седьмом небе от радости, пока, разговаривая с Ламом по телефону, чуть не брякнул ее слова. На ходу перестроился:

— Жена будет рада видеть вас всех у нас.

Джон помрачнел. Прис сказала «в своем доме», не в «нашем». Но не стал заострять внимание, уговорив себя, что это оговорка. Вскоре выяснилось, что не оговорка. Она стала переделывать все на свой вкус. Он, впрочем, ничего против не имел. Только когда она потребовала ключ от маминой комнаты, Джон, пожелтев, тихо и бешено сказал:

— Никогда! Слышишь? Никогда! Места мало?! Куплю тебе еще дом. Но эту комнату — никогда! — не смей трогать.

Прис струсила. Таким она его не знала. И, естественно, она больше к этому вопросу не возвращалась.

А потом, когда узнала, что муж уходит из кино, чтобы вернуться на сцену, стала осторожно, но постоянно подсмеиваться. Как-то Джон запел дома.

— Репетируешь? Между прочим, Лиз боится твоего голоса. Плачет. Не может заснуть.

Он испуганно и пристыженно замолчал. Если Лиз от этого плохо, он не будет. Петь ведь можно и в студии. А то, что Лиз боится его голоса, Джон знал. Вначале не понимал. Расстраивался. Потом Лили сказала ему:

— Ты что? Это же естественно. Она все время при женщинах. Твой глубокий голос непривычен для нее. Заходи почаще.

Джон стал заходить каждую свободную минуту. И вскоре был вознагражден. Лиз, сидевшая на руках у матери, улыбнулась, обнажив четыре маленьких зубика, и потянулась к отцу. Он подхватил ее, захлестнутый волной счастья, и мгновенно обмер — вдруг дочка испугается его порыва. Но она что-то проворковала и прижалась к нему.

— Что ж, поздравляю, — медленно, с какой-то странной усмешкой сказала Прис. — Она признала в тебе отца. Ты и ее приручил.

Ревность? Глупо. С того дня Прис не упускала случая уколоть мужа. Чаще всего дочерью. Джон понимал — ей нелегко. Он весь в работе. Мало времени проводит с ней. Устает. И решил не

сердиться. Однажды, правда, попытался поговорить;

— Прис, девочка, что происходит? Может быть, я чем-то обидел тебя? Скажи мне. Ты знаешь, я иногда на ходу выпадаю в осадок. Плохо себя чувствую. Я понимал — не всегда есть оправдание моему поведению. Но, дорогая, я не хотел бы, что бы ты что-то затаила на сердце.

— Есть, сэр! — отшутилась жена.

— Да нет. Погоди. Я, правда, был скотиной по отношению к тебе. Но если ты сейчас живешь с этим, стоило ли выходить за меня? Замыкаться на мне? Я могу сказать только — ты дорога мне. Я не знаю, что было бы, если бы ты вдруг ушла от меня.

— Благодарю. По-моему, ты впервые говоришь мне такие слова. Раньше ты просто хорошо ко мне относился. Теперь — это из-за Лиз?

— Нет, родная. Я и вправду люблю тебя. Только я нескладный — не умею говорить про это.

— Жаль, — снова усмехнувшись, сказала Прис. Джон недоуменно посмотрел на нее. Но и сейчас не обиделся — не имел права. Слишком долго она ждала его.

Ну вот, пора идти. Заглянул Полковник.

— Мальчик, пора! Через пять минут начинаем.

— 0'кей, Полковник. Я готов. Идемте?

— Тебе дадут сюда сигнал на выход. Ну, ни пуха…

— Ко всем чертям!

Джон снова посмотрел на себя в зеркало. Ужасно. Лицо дергается. Да и руки дрожат. Сколько он бился, чтобы сегодня выступить. Как ни странно, больше всего палки в колеса ставил Полковник. Ему хотелось, чтобы питомец пел тихие добренькие рождественские песни. Наиболее верный, по мнению Полковника, путь к успеху. Но питомец случайно напал на песню. Удивительную. Невероятную. Никогда раньше ему не позволили бы петь подобное. Полковник, как норовистая лошадь, встал на дыбы.

— Только через мой труп ты будешь петь это! — орал наставник. — Ты хочешь загубить всю мою столь тщательно подготовленную операцию «возвращение». Минутный успех, а потом тобой займутся сам знаешь где… Нет, нет и нет!!!

Полковник не знал, что Джон уже дал согласие на исполнение. Не знал и того, что продюсеры сидят за тонкой перегородкой и слышат его, полковничьи, вопли. Когда запал иссяк и наставник ловил ртом воздух, питомец поднялся и тихо сказал:

— И все-таки я спою это. Что бы ни случилось потом.

И ушел.

Полковник решил уведомить фирму, но неожиданно фирмачи согласились с желанием его питомца. Согласие было подтверждено в присутствии обеих сторон. Полковник мрачно кивнул и посмотрел на своего мальчугана: глаза его были хитры ми и насмешливыми. В глазах Полковника появилось обещание расплаты.

Для Джона это была чуть ли не самая большая победа над своим демоном-хранителем. Надо будет почаще обнаруживать характер, но и не терять эту сверхпробивную машину — Полковника.

Над зеркалом загорелась красная надпись «На выход». Он резко поднялся и вдруг заметил следы на зеркале. Взял полотенце. Стер.

— Господи, благослови!

И на негнущихся ногах пошел к двери.

Секунда в дверях. Очень хотелось увидеть свою публику. Где там! Просто пят на лиц. Голос Полковника: «Кто из вас любит нашего нынешнего певца, садитесь ближе к сцене. Смелее, смелее, девушки», — вернул Джона к действительности.

Он вдруг спружинился и легким шагом, который пресса окрестила «тигриным», двинулся по проходу.

В центре зала находилась похожая на ринг сцена. Ребята сидели рядом. Он видел отчетливо только их лица. Вот Лам подмаргивает сразу обоими глазами. А вот Скотти хитро прищурился — не дрейфь, старик!

— Добрый вечер, — сказал Джон, и голос его задрожал. Тень пробежала по лицу Скотти, и Джон понял — старый друг вспомнил былые времена и его страхи.

Пересилив себя, Джон снял микрофон, и руки тоже тряслись. Пока он пел первую песню, в голове кричало — провал!..

Но публика встречала его громом аплодисментов, а когда он спел свою выстраданную песню, овации потрясли зал. Первая битва за возвращение выиграна.

Джон пел песню за песней, и глаза его то грустили и тосковали, то зажигались веселым огнем, волосы отливали вороненой сталью, лицо блестело от пота. Он был похож на греческого юного бога.

Концерт он закончил попурри из своих старых хитов. Зал приветствовал его стоя. А ребята вынесли его на руках, словно игрока футбольной команды.

После передышки Джон подошел к продюсеру своего шоу и прямо спросил:

— Я смогу петь снова?

— Не знаю, дорогой. Вдруг тебе захочется сняться еще в двух

десятках сказок о красивой жизни?

— Нет-нет, — испугался Джон. — Только не это. Я хочу только петь.

— Тогда о'кей! Ты — подтверждение библейской легенды о блудном сыне. С возвращением, мальчик.

Джон вернулся в гардеробную. Там было пусто. Ребята ушли в бар. И с ними

Полковник. Он отключил телефон.

Так… свершилось. Возвращение? Сможет ли он… что? Стать Королем?

Это забота Полковника. Что же тогда? Только обрести себя.

Он глянул в зеркало. Оттуда смотрело молодое лицо со счастливыми глазами.

Лицо принадлежало ему. И не ему. Это был другой человек. С другой жизнью.

3 глава

Он блаженно закрыл глаза. Казалось, что смутная тревога, преследовавшая с утра, отпустила. Но ни с того, ни с сего сердце снова неприятно заплясало в груди, и липкая дурнота подступила так внезапно, что, еще не успев открыть глаза, Джон понял — вот оно!

Полежал, переводя дыхание… Видел бы его сейчас Полковник. Наконец, может, и поверил бы в давние предчувствия своего питомца. Но дела их, благодаря Полковнику, были так прекрасно налажены, что необходимость в еженедельных, а иногда и ежедневных встречах давно отпала. Билеты на концерты распродавались месяца за два. Пластинки продолжали выходить миллионными тиражами, и пятьдесят процентов от всего автоматически шло Полковнику. Деньги текли и текли. Да, Полковник сдержал слово — сделал их обоих сказочно богатыми.

Бедный южный мальчуган, двадцать пять лет назад вполне серьезно считавший богатство счастьем… Роскошь давно уже встала неприступной стеной между ним и людьми. Всеми. Кроме разве что Лиз, его маленькой принцессы, игравшей сейчас в своей комнате.

Мысль о дочери заставила снова прислушаться к себе. Дурнота схлынула, но тревога осталась. Он решил спуститься вниз — позвонить доку Джорджу. Из кабине та нельзя — могут услышать. Тогда заламывания рук и родственные причитания неизбежны. А Джон давно не верил в искренность излияний своей родни. И не хотел лишних сцен.

Медленно встав, он вышел из спальни, тихо прикрыв дверь. Отдохнул, отирая пот, и почти ощупью начал свой путь вниз. Преодолев первый пролет, только порадовался, что вроде бы пронесло, как вдруг тугая пульсирующая боль появилась в затылке, перед глазами поплыли круги, и почти животный страх, что назад уже не добрести, пронзил его.

Но в доме была такая полная, такая сказочная тишина, что Джон не посмел бы нарушить ее криком о помощи. Да и что кричать? Еще два дня назад в годовщину маминой смерти, сидя у ее могилы, он ощутил те же симптомы. Правда, приступ длился недолго, как и восемь лет назад. Джон быстренько достал тогда патрон с таблетками, высыпал на ладонь сразу несколько штук и до сегодняшнего дня чувствовал себя вполне сносно.

Еще вчера он с дочкой и ее маленькими приятелями целый день провел в парке. Было так славно вместе. (Он всегда арендовывал этот парк, потому что не мог появляться в

общественных местах безнаказанно — собиралась огромная толпа). Разговаривать им не пришлось, но когда во время игры Лиз оборачивалась в сторону отца, ее личико лукаво светилось. Он улыбался в ответ и поднимал незаметно в приветствии руку.

Там, в парке, он хотел быть ТОЛЬКО отцом. Никаких страстей. Никакой музыки. Скамейка в тени. Он в очках и с книгой. Поза самая домашняя. Но чего-то ему не хватало… Улыбки Лиз. Он почувствовал ревность к ее друзьям, тут же устыдился и мысленно попросил — обернись! Она оглянулась на отца. В глазах — вопрос. На верное, он не успел скрыть свои мысли, потому что дочка подбежала, потерлась носом о его щеку и, заглянув в глаза, прошептала: «Папочка, не сердись. Я так тебя люблю». И грустно добавила: «Ведь все мои друзья здесь. Там мне не с кем играть».

Тогда его сердце сжалось от боли. И сейчас тоже…

Он и дочери не принес счастья, потому что жила в нем неистребимая Заноза — музыка. Он так хотел семьи, дома. Однако дом и счастье никак не связались в его жизни. Почему?

О его доме ходила масса легенд в прессе — «дом-дворец», «заколдованный дом». Вообще-то вначале здание было задумано как церковь. Как испугалась, узнав об этом, мама. Им с отцом удалось успокоить и уговорить ее. Собственно, про себя Джон мыслил дом землей обетованной для мамы. Она не прожила в этом доме и года.

Несколько лет назад один меценат предложил купить дом. Деньги давал огромные.

— Вам нравится дом? Или место? У вас большая семья?

— Ваш дом окружен легендами, — глубокомысленно и туманно ответил покупатель.

— Зачем вам?.. — недоуменно спросил Джон.

— Я сделаю здесь театр-студию. Реклама у дома уже есть. Публика будет валом валить. А поселить здесь семью… Уж вы меня простите — нет!

От таких слов горячая волна прошла в голове, и, пожалуй, Джон выставил бы нахала, но в его словах было что-то, над чем стоило подумать. Размышления длились не один день. Сам-то Джон прошел в этом доме все Круги ада, ведя за собой всех близких. Вырваться удалось только Прис. Да и вырваться ли?

Бродя по дому, Джон думал и вспоминал. И однажды понял — не продаст. Он сросся с домом. Тот хранил самое дорогое и самое ненавистное. И он тоже. Они с домом — сообщники. На какое бы время он ни уезжал, где бы ни жил — дом терпеливо ждал, каждый раз поражая сходством с хозяином. Уж сколько раз пытались переделать все внутри, а выходило, будто это сделал

Джон. И чем дальше, тем явствен нее дом носил следы перемен в характере своего хозяина. Последние три года дом стал напоминать сказочный замок, в котором поселилось чудовище. И только когда приезжала погостить Лиз, дом стряхивал мрачные чары.

Но было в нем несколько комнат, не подверженных настроениям хозяина и потому любимых им.

Комната трофеев: сувениры от фэнов, от фирм. Своеобразная история его карьеры в подарках. За двадцать с лишним лет их набрались тысячи. Стеллажи от пола до потолка вдоль одной стены были забиты плюшевыми игрушками. В углу напротив стоял шкаф-сейф. Там лежали подарки, которые надо было отправить дарителям, — драгоценности.

Джон открыл дверцу своим ключом и проверил. Уже все было упаковано. Адреса проставлены. Завтра верная секретарша Бэкки вместе с Джо отвезет груз на почту. Получать подарки такого сорта было больно и обидно. Явная плата. Вот толь ко за что? За музыку? Музыку, которая давно уже стала его первым «я». И это «я» сильно пахло деньгами.

Сколько же зла принесла ему любимая музыка. Вот уж воистину: чем играешься, тем и ушибаешься. Господи! Ведь он-то хотел дать возможность жить безбедно своим родителям и нести музыку людям. А вышло? Мама умерла девятнадцать лет назад, не вынеся перемен в судьбе сына и своей. Отец успел жениться и развестись. Давно уже это не был прежний легкий и живой человек. Отец стал подозрителен и жаден. Был постоянно занят бизнесом сына. Каждый год под нажимом отца Джон пересматривал свое завещание. Отец цокал языком, рассказывая о том, насколько увеличилось состояние. Сын морщился, терпел и однажды попробовал урезонить отца:

— Папа, ради Бога! Ну что ты хочешь? Зачем мы столько говорим об этих деньгах? У нас есть все, кроме счастья. У тебя. И у меня. С тех пор, как умерла мама, мы с тобой стали так далеки друг от друга. А ведь каждый из нас одинок. Папа, давай попробуем еще раз стать семьей. Плюнь на бизнес.

— Сынок, а ты-то сможешь?

— Трудно, па, но почему не попробовать? Шоу-бизнес все равно что сильнейший наркотик. Уж поверь. Я хорошо знаю действие и того и другого: кровь отравлена. Правда, я очень надеюсь, что после моего возрождения люди поняли — я пою, чтобы им было теплее.

— Однако твой менеджер хорошо берет с них за обогрев души. Воистину время душевного энергетического кризиса.

— Зачем ты так? Я ведь хотел отделаться от этого человека,

но ты же заступился за «бедного старика». Ты считаешь, что его время кончается. Нет. Он вампир. Вначале выпил кровь мамы. Уже двадцать лет пьет мою. А когда меня не станет, возьмется за тебя.

— О, мой Бог! Почему, сынок? Почему? Что ты говоришь?! Ты разве болен?

— Да. И ты знаешь это. Ты же помнишь, каким я был после кино. Жил только на таблетках. Поднять тонус. Успокоиться. Годами. Посмотри мои фильмы — кукла, переставляющая ноги. Но дело сделано. Врач сказал мне о наследственном заболевании. Это связано с обменными процессами. Бесследно мне мои привычки не пройдут. Все, папа. Не надо закрывать лицо руками. Ты не тетушка. И хватит мучить меня моим завещанием. Адвокат составил бумагу так, что она предусматривает все случаи.

— Сынок, а как же я?

— Будешь распорядителем, — жестко отрубил Джон.

Воспоминание об этих словах вызвало отчаянный стыд. Ох, пойти бы к отцу, поговорить по душам… О чем? В сущности, все обошлось тогда. Отец стал сопровождать его в каждом турне. Держался рядом. Седой красивый человек в двух шагах позади сына-звезды. В глазах — беспокойство.

Сын быстро сдался. Слишком хорошо помнил, что произошло с мамой.

Отец был последним звеном между ним и родней. Дядья и кузены уже много лет видели в нем не родственника, но босса, не говоря уж о ребятах.

Сердце от таких мыслей тяжело забухало. Усилием воли Джон заставил себя идти дальше. Не глядя по сторонам, по возможности твердым шагом пересек холл и открыл дверь в любимую музыкальную комнату.

Горячее южное августовское солнце пробивалось сквозь спущенные маркизы. И радостный молодой вид комнаты так жестко не соответствовал его настроению, его самочувствию, что на глаза навернулись слезы.

Старый, толстый, полуослепший человек, что делаешь ты в этом приюте солнца и звуков, готовых сорваться с золотых дисков (памятных подарков от фирмы за распродажу пластинки миллионным тиражом), развешанных по стенам, среди глянцевого великолепия огромной фонотеки? Среди всей этой музыки, которая была твоей единственной настоящей жизнью, а стала убийцей? Как мог ты сидеть в этом замке последние три года и доходить? И дойти?! Смотри, смотри, смотри. Унеси с собой всю музыку.

Однажды ведь накатило: уничтожить замок, где все были

несчастны из-за его музыки. Уничтожить!..

Он выскочил из дома и стремглав понесся на задний двор. Отец и Рэд ошеломленно глядели вслед. Он мчался к гаражу, где стоял маленький бульдозер, которым пользовались, убирая парк. Вскочил на сидение, быстро развернул бульдозер и повел его, как танк, на дом. Ненависть и боль клокотали внутри. Смести, стереть с лица земли гнусное гнездо. Забыть. Забыть все. Даже то, что здесь царствовала мама. Начать все сначала. Без фильмов. Без наркотиков. Без вседозволенности.

Он глядел на стремительно приближающийся дом остановившимися глазами. Сейчас… вот сейчас… ближе… ближе… Либо он, либо дом. Через минуту кого-то из них не будет.

И вдруг на белой стене дома возникла распятая, распластанная фигура отца. Дица видно не было — сливалось со стеной. Отец защищал дом! Собой!

— Сынок! Остановись! Что ты делаешь? Ты попортишь дом!..

— Уйди к чертям, отец! Уйди!!! — озверело заорал Джон.

Отец метался вдоль стены в ужасе, но не уходил. В последний момент сын сбросил скорость и откинулся вглубь, в тень. Слезы бешенства и стыда перед самим собой закипали в глазах, и нельзя было — ни за что! — показать их!

Подняв, наконец, голову, Джон увидел Рэда, сузившимися глазами смотревшего на своего босса. В них было удивление. Почти восхищение. Кажется, Рэд что-то понял. Ну и пусть. Пусть. Упрямство снова вскипало внутри, но не начинать же второй штурм? Глупо. Смешно.

Джон соскочил с бульдозера и зашагал к дому. Пусть убирают сами… Пройдя к себе в кабинет, он упал на диван и протянул руку к бюро.

Там хранились таблетки дикседрина. Последние годы он боялся их и прибегал к их помощи только в самых крайних случаях. Сейчас он, не раздумывая, вывалил сразу две таблетки на ладонь и ловко швырнул их в рот. А, плевать.

Подождав немного, взял сигару, подсунул под голову подушку, устроился поудобнее и закурил. Волны эйфории враскачку поднимались со дна его существа. Сигара еще все усугубляла.

Вдруг он вскочил и подошел к окну. Прячась за занавеской, выглянул. Во дворе никого не было. Бульдозер убрали. Мир и покой. Он подавился смехом. Повалился на диван.

Вечером Джон спустился вниз в прекрасном настроении, ни словом не напомнил об утреннем происшествии. Мир и покой…

Он подошел к сверкающей проигрывающей установке, провел

пальцами по клавишам. В громадных стереофонических колонках раздался легкий шум — можно ставить пластинку. И вопреки своим страхам, своей боли Джон поднял руку к той ячейке стеллажа, где стояли его любимые пластинки госпелы. Внезапно он поразился, как по-прежнему тонка его рука. А ведь сам-то — квашня. И Джон рассмеялся неожиданно для самого себя. Смех был легким, юным. Сколько раз ему удавалось воз рождаться самому и возрождать свою музыку, удивляя людей. Против воли конкурентов, Полковника и жены. Он был настолько талантливее и ярче всех иных звезд, что мечта менеджера иметь миллион с контракта осуществлялась без особого труда, превращая труды Полковника в пыль, в ничто. Настолько победителен был выход Короля, что даже фирма забывала о заслугах наставника.

Но никто не знал, что питомец не забыл тот вечер — восемь лет назад!

— когда менеджер впервые за все годы боялся провала «своего малыша». Это, чуть ли не единственное, проявление слабости давало Полковнику преимущества, о которых тот даже не подозревал. Никогда не узнать Полковнику, что питомец хотел, мечтал расстаться с ним, но… Но, как и говорил отцу, пожалел «бедного старика».

Полковник знал только, что «золотого мальчика» больше нет. Есть Король, который снова занял свой трон. Опять зазвучали голоса старых рокеров. В их исполнении не было ностальгии. Лишь зрелая свежесть, будто вещи, впервые прозвучавшие пятнадцать лет назад, написаны вчера. И Джон был первым среди них. Среди всех.

Внутренне он тоже стал иным. Крепче. Жестче. Он глубоко спрятал свою мечту о счастье. Свою душу он тоже прятал теперь от праздно-любопытной толпы в почти монаршую одежду.

Но не было избавления от одиночества. Беспокойное ли свойство-талант — тому виной или постоянный поиск нового?

Хитрый менеджер мгновенно догадался, какая оправа нужна бриллиантовому таланту Короля. После концерта-возвращения предложений было много, но Полков ник, не задумываясь, отказывал, хотя и понимал — все зависит от питомца.

Но Король безмолвствовал. Не мог вмешиваться. Чувствовал себя обязанным: уверовал, или Полковник вбил, что живет менеджер только их делами.

Для Полковника настало время поиска. Надо было выяснить, где больше всего любят выступать нынешние звезды. И Полковник напал на след очень быстро — самый большой концертный зал Города Развлечений. Зал отеля «Интернейшнл».

Даже столько лет спустя Джон почувствовал обвал внутри от

обуявшего его тогда страха.

«Не годится», — решил он и, чтобы успокоиться, подошел к огромной шкатулке, в которой лежали самые памятные и важные письма. Почти машинально перебирая кипу, пытаясь этим механическим действием заглушить вновь начавшееся бешеное сердцебиение, он вдруг наткнулся на телеграмму от Полковника.

— Тьфу, — в сердцах сплюнул, и вроде бы стало полегче. — Что же там? Вот уж и не помню. Почему письмо здесь? Ведь Полковник велел завести мне сейф (!) для нашей переписки.

Не торопясь, вытащил из пижамной куртки очки. Раскрыл листок: «Малыш мы победили интернейшнл наш готовься к репетициям полковник». Кусочек бумаги затрепетал в руке.

Телеграмма от менеджера была сигналом к действию. Джон вызвал Чарли и попросил:

— Дружище, ты так хорошо знаешь нынешних музыкантов. Помогай. Собирай вокалистов и инструментал.

— Господи, босс, сколько же их должно быть?

— Инструментал — пять. Мужской вокал — четыре. Женский — четыре. Сосчитаешь?

— С трудом, — хохоча, ответил Чарли. Неделю спустя за ужином Джо сказал:

— Чарли готов представить музыкантов. Прис хмыкнула:

— Милый, ты теперь доверяешь любимую игрушку своему музыкальному советнику? О, ваше величество, не забудьте снять пробу.

Джо улыбнулся. Жена босса позволяла колкости, но говорила так мягко и держалась так грациозно, что придраться было не к чему.

И Джон не придирался. Он уже понял после своего возрождения, что семья скоро вновь станет пленницей его славы. Уже теперь он и Прис беспокоились о дочурке. Воровство детей процветало. Газеты писали об этом чуть ли не каждую неделю. Страх рос. Они оба решили — никаких фотографий Лиз в прессе. Гулять она должна была обязательно с кем-нибудь из его ребят. Жена, конечно, боялась, что дочка станет набаловышем. Но отношение к Лиз было таким искренним, она, хитруша, так умела вызвать любовь, что матери пришлось махнуть рукой на многое. И потом — Лиз была так мала для своего возраста, что все мгновенно испытывали желание защитить ее.

— Прис, — почти робко начал Джон, — понимаешь… Мне предстоят испытания и тебе тоже. Тебе будет тяжело. Я подолгу буду в отъезде. Все, что захочешь, моя хорошая, только не скучай. И не думай всякой чепухи. Мне будет страшно не хватать тебя и Лиз. Хотя она-то вряд ли будет обо мне вспоминать. С вами будет

отец. Приветь его, родная. Он живет только нами.

— Тобой. И твоим бизнесом. Потом нами, — спокойно, вытягивая сигарету из пачки, ответила жена.

Джону не очень (как и любому мужчине) нравилась ее новая привычка. Но с момента замужества она научилась отмахиваться от многого, не считаясь с многими желаниями своего «повелителя. Сейчас Прис злилась и хотела, чтобы он тоже вышел из себя. Она была уверена, что мужу незачем затеваться с гастролями. Денег хватало. Пришло время осуществлять мечту о светской жизни. Муж — бывшая звезда — сможет появляться без своих дружков в обществе прелестной жены во всех самых фешенебельных местах. Она представляла себя танцующей с невероятными партнерами и мужа, погибающего от ревности. И была уверена, что всегда сможет привести его в христианское состояние. Вдруг, на тебе, гастроли на месяц, а ты сиди себе, выдумывай наряды для балов, которые не про тебя. Да занимайся воспитанием Лиз. Губы обиженно надулись. Джон на лету схватил ее настроение и подсластил пилюлю:

— Надеюсь, детка, ты не откажешься прилететь хотя бы на премьеру? Удивленно подняв глаза, она протянула:

— Н-не зна-а-ю… Страшно много дел по дому.

— Понимаю. Но давай все же попробуем. Возьмем с собой, в конце концов, и Лиз. Мы же семья. А?

— Хм. Посмотрим.

Начались репетиции. Даже сейчас Джон ощутил то состояние радостного возбуждения, сопутствующее всем репетициям. Прежде он так не работал. Ребята-оркестранты с ног валились, а он все пел и пел. Для первого шоу нужно было только двадцать песен. У него в запасе было сто. Так хотелось вместить все!

Жена тоже поставила свою задачу:

— Ты должен заняться хореографией. В твоем возрасте одним голосом не возьмешь.

Он внял совету, только чтобы сделать ей приятное, а потом был страшно благодарен. Движение помогало связкам. Кроме того, он похудел на пятнадцать фунтов.

Пока огромный оркестр отеля играл что-то пищеварительно-легкое, Джон стоял, подглядывая, как когда-то, сквозь занавес. Снова ногти были обгрызены. Снова хрустели суставы. И не было рядом ни Скотги, ни Чарли, ни — даже! — Полковника.

Оркестр получил снисходительную долю хлопков, и занавес закрыл сцену. Мгновенно набежали рабочие. Выкатили ударную установку и рояль. Поставили подиум для певцов. Он больше был не в состоянии реагировать на суету сцены. Все внимание сосредоточилось на самом себе — не провалиться бы! Где же все-

таки Полковник? Того не было видно с самого начала шоу. Трудно было предположить, что всесильный Полковник, преисполненный внутренней дрожи, тихохонько стоял за декорациями. Было от чего дрожать. Ведь зал, арендованный им для питомца, был открыт лишь год назад и славен именами новых звезд. Королю предстояло затмить их свет. Сегодня. Сейчас.

Джон опомнился, когда оркестр заиграл вступление. Дирижер повернулся, отыскивая его. Пора?! Мгновенная мысль — показалось, что костюм не тот — ошпарила сознание, но тут же и прошла. Он ведь был одет еще два часа назад.

Занавес с золотыми куклами-ангелами медленно поднялся. И, когда сцена с двумя вокальными и инструментальной группами открылась взору публики, в зале наступила тишина.

Предыдущая игра оркестра и кривляние комика были частью шоу. И вот пришел его черед. Не в силах задержать внимание на чем бы то ни было, он все-таки увидел — все отложили вилки и ножи, перестали жевать. Лиц Джон не разбирал, но чувствовал, что публика не наэлектризована ожиданием. Он пока просто блюдо. Десерт, быть может. Не больше. И от такой мысли взбесился. Не дожидаясь окончания вступления, быстрым шагом двинулся по краю сцены. За спиной раздалось: «Постой! Куда?! Рано еще!!!» На мгновение, как послушный конь, запнулся. Но тут же вскинул голову. Улыбнулся победительно залу. Мягким, гибким — тигриным — шагом пошел к стойке микрофона. Оркестр смолк.

Микрофон очутился в его тонкой руке. Совершенно непроизвольно тело приняло ту, давнюю позу: ноги поставлены косолапо, колени развернуты внутрь. В ту секунду, когда оркестр заиграл его старый любимый хит, Джон услышал гул. Он даже не понял, что это разом взревели две тысячи глоток. Глянув исподлобья в зал, обомлел. Респектабельные дамы, не говоря уж о девчонках, стояли прямо на стульях с роскошной обивкой с открытыми в дружном «а-аа-ааа» ртами.

Мужчины тоже вскочили с мест и размахивали кто носовым платком, кто салфеткой, выдернутой из-за воротника. Истерия забытых — только не им — лет! Перестраиваясь на ходу, он за пел старый хит по-новому, в шутливой манере. И пошло… Завертелось колесо! Он пел вещи прежних лет так, словно написаны они были к сегодняшнему дню. Пластика движений, сопровождавших музыку, была столь совершенна, что женщины то и дело издавали вопли восторга. Темный костюм в стиле «карате» выгодно подчерки вал его жесты, напоминающие приемы этой борьбы.

Впервые в жизни он ощутил, что хорош. Не киношной набриолиненной красотой. Нет. Красотой зрелого мужчины. И красота эта была праздничной. Потому-то и концерт стал праздником.

Он разговаривал с публикой. Шутил с оркестрантами. И даже сумел выманить на сцену Полковника, который заодно сорвал долю аплодисментов.

Двухчасовой фейерверк, а не концерт.

Вождь со своими присными сидел неподалеку от сцены. Король знал об этом и во время отдыха, отпивая мелкими глотками воду, поданную верным Чарли, сумел отыскать Вождя. Быстро вернул стакан и снова пошел к стойке микрофона. Сделал предостерегающий жест в сторону оркестра — подождите, будет другое! И запел ту свою песню, которую десять лет назад исполнил в их совместном шоу Вождь. Фэны решили, что это только для них. Но Вождь все понял и поприветствовал Короля взмахом руки. Король давал понять, что тогдашнее унижение не прощено и не забыто. Сейчас вся публика, включая Вождя, принадлежала ему. Каждый сидящий в зале чувствовал обаяние и силу Короля. Да и сам он чувствовал себя на вершине. Легкие пируэты сопровождали лирические песни, а когда звучали госпелы, каждое движение становилось почти ритуальным.

Джон помнил, в каком был упоении от общения с залом. Пожалуй, такого вечера не было в его жизни. Он длил и длил удовольствие для себя, а получалось — и для них…

Усталости не было, но голос стал садиться. Действовали напряжение и сухой воздух пустыни, посреди которой стоял Город Развлечений. Чарли снова подал стакан с водой. Маленький, вполне естественный перерыв. Держа в одной руке стакан, а в другой — микрофон, Король пошел вдоль сцены, близоруко вглядываясь в первые ряды.

Вся эта солидная публика выглядела странно и жалко. Мужчины сидели расхристанные, с ослабленными узлами галстуков, привалясь к спинкам стульев. Глаза женщин до краев были полны безумием. Косметика оплыла, словно свечной нагар.

«Неужели это моя музыка превратила их в этаких пугал? — ужаснулся Джон. — Неужели? И за этим я рвался на сцену? Я — зло, как писали когда-то? Да и слышат ли они мое пение или это только ностальгия?».

Растерянные мысли теснились в голове. Но не успел остановиться ни на одной, потому что внезапно женщины в едином порыве сорвались с мест и ринулись к сцене. Он едва успел отскочить. А из-за кулис уже появились его ребята, готовые прикрыть уход Короля.

Он заканчивал переодеваться, когда услышал в холле голос Полковника: «Где он?» и ответ Рэда: «Сейчас выйдет».

Впервые за весь нынешний сказочно-неправдоподобный вечер Джон вздрогнул от стыда. Кому, как не менеджеру, обязан он своим возрождением и самым знаменитым залом, и контрактом? Полковник давно мог бросить питомца, не тащить на верх. Но ведь не бросил. Может, и впрямь любил?

И в таком размягченном состоянии Джон второпях вышагнул навстречу Полковнику.

Менеджер был не похож на себя. Никакой победительности. Просто старый потрясенный человек.

Молча наставник и питомец шагнули друг к другу и обнялись. Рыхлое тело Полковника затряслось от рыданий, и он только повторял: «О, мой мальчик! Мой дорогой мальчик!».

Джон пытался успокоить старика, но сам чувствовал жжение в глазах, и слова не шли. Наконец, слезы прорвались и у него и закапали на пиджак Полковника. Тот поднял на питомца изумленный взгляд, перестал причитать и начал искать платок.

Рэд отошел в угол во время этой сцены и стоял к ним спиной, делая вид, что ничего не слышит.

Наконец, совсем оправившись от волнения, Полковник отступил назад и патетически воскликнул:

— Да здравствует Король! Ты действительно Король! Как ты с ними… Э-эх… И чары исчезли. Вспомнилась реакция зала.

— Да ведь так было всегда. Мама предупреждала меня, — вспомнил Джон. Мой имидж. Отсюда — Король. Полковник-то имел в виду отнюдь не Короля музыки. Главное для него — Король имиджа. Эх, осел! Начать бы сначала!

Но что, собственно, изменилось бы? Ведь ясно же: не будь таланта, не было бы ни Полковника, ни дисков, ни кино, ни Короля. Только честная бедность. Сколько же пакости всегда возле людей одаренных. Но его случай особый — он этой пакости не сопротивлялся. Почти… Всегда был послушным. Всегда боялся кого-нибудь обидеть. Такой вот, безвольный, он стал сказочной находкой для Полковника. И тот без труда добивался от подопечного желаемого. Использовал любые ходы. Испод воль поощрял дурные привычки. И постоянный рефрен — «тебе все можно, ты — Король, ты вне подозрений».

Джон присел на диванчик около огромной проигрывающей установки. Затылок давило. В глазах пестрели какие-то кровавые полосы, и правый кололо. Но мыс ли были вполне ясными. Хорошо бы они были ясными хотя бы последние десять лет. Дурак! Осел! Почему это сегодня так хочется ясности? Плохое самочувствие? Страх?

Так что же — сначала? Начало-то он помнит. Все помнит, что хотел бы. Вот киношный период, например, там и вспоминать нечего. Только ощущение чего-то томительно-тягучего. И друзей никого не приобрел. Собственно, и задумываться было не досуг. В самом начале жизнь сложилась так, что надо было работать, а не думать. Потом — только петь, а не думать. Армия и смерть мамы впервые всерьез поставили перед ним вопросы: что произошло и что будет дальше? Однако ответ, по крайней мере на последний вопрос дал Полковник — кино.

В музыке вел он. В жизни вели его. Кто только не… Все. Джон никогда не чувствовал себя по-настоящему правым. Никогда до конца не верил в себя. Статус Короля тоже никогда не воспринимал всерьез. Только музыку.

Настоящая жизнь была лишь во время концертов. Вот оно — была! Была и прошла. Почему прошла? Да потому, что нет иллюзий. Ни единой. А он всегда был чуть-чуть романтиком. Так его воспитала мама. Теперь осталась только Лиз в своей комнате наверху. Девочка, у которой жизнь изломана с рождения. Она родилась в сказочном богатстве. Не то что он. Но отцовское чутье говорило — не будет у дочурки счастья.

Лиз не было и года, когда всем стало ясно, что дочь больше тянется к отцу. Прис ревновала. Ревность стала фундаментом их отношений. Вначале к актрисам, с которыми он снимался. Потом к ребятам. Это можно понять. Затем началось что-то уж совсем несусветное: она ревновала его к дочери и дочь к нему. Когда же он снова вышел на сцену, она стала ревновать его к музыке. А возможно — к славе? И все же Джон готов был понять жену.

Концерты, турне. По нескольку месяцев в году. Прис начала скучать. Лиз в ее постоянной заботе уже не нуждалась. Ребята, охранявшие ее, сделались ее друзья ми. Особенно Дам и Чарли. Очевидно, Прис в душе проклинала себя за то, что позволила ребятам вернуться. Конечно, они вернулись из-за него. Король и ребята были одним целым. Хорошо, что жена не знала о словах Рэда, сказанных в день рождения Лиз.

Прис не могла почувствовать себя Королевой. Только женой Короля. Ощутимый удар по самолюбию. Круг для нее замкнулся. Даже корректный в отношениях с ней Полковник как-то в ответ на ее ловко замаскированную жалобу на невеселую жизнь прямо заявил:

— Но, девочка моя, это же вполне естественно. Ваш муж — звезда звезд. Вам же в звезды попасть будет трудновато. Ваш удел — жить отраженным светом. Да я полагаю, вы всегда знали это.

Конечно, она давно не строила иллюзий насчет своего положения. Однако от столь прямого замечания менеджера

ахнула про себя. О чем и сказала мужу вечером:

— Твой Полковник оледенил меня. Я, значит, аксессуар в твоем имидже?

— Да нет же. Только ты ведь и сама не знаешь, чего хочешь. Ты прекрасно знаешь костюм. Займись рисованием, а то совсем забросила. Танцы тоже.

— Зачем мне танцы, если мы почти нигде не бываем?! И никогда вдвоем?.. Она разрыдалась. Джон перепугался и, пытаясь утешить, подал мысль:

— Может быть — каратэ?.. Сейчас столько женщин занимается. Ты ведь у меня легкая и ловкая.

— Фи, но это так неженственно. Сам же говорил.

— Не об этом, маленькая. Каратэ — отнюдь не борьба только. Философия там какая! Тысячелетняя! Только вдумайся. Полагаю, ты еще меня благодарить будешь. Впрочем, я не настаиваю. Тут еще одно — я ведь побаиваюсь за тебя и Лиз.

— О-о-о! Я теперь должна защищать себя и Лиз? Тогда зачем же нужны твои телохранители? Нахлебники и прихлебатели. Только давай им, — не желая сдерживать себя, в запальчивости чеканила она.

— Да ты что, Прис? Они никогда бы не рискнули появиться здесь снова, если бы не ты. Ты «простила». Дала им понять, что дом для них открыт. О чем же сейчас? — стараясь не поддаться ее тону, попробовал увещевать Джон.

Прис упрямо не хотела принять его мягкость.

— Ладно. За себя я сумею постоять. Только убереги Лиз. Не таскай ты ее с со бой, когда выходишь поговорить с фэнами.

— Погоди, — перебил он, — фэны — друзья. Не могу же я совсем не доверять людям. Не могу, родная.

И, шагнув к жене, Джон обнял ее, прижал к себе.

Солнце уже подобралось к его ногам. Южанин, он любил лето. Но только не этот месяц. Жар сегодня был каким-то пугающим. Словно сейчас загорится все вокруг и погибнет. Однако сам-то он понимал: дело не в этом. Много лет назад в сере дине именно этого месяца умерла мама. Умерла, не прожив и полвека. Закат лета… Закат молодости… Или закат его молодости был давно?

Да, пять лет назад, когда он был еще в расцвете красоты, таланта, обаяния, жажды счастья. Молодость кончилась сразу, без перехода.

— Так же кончилась и юность, — подумал Джон, подтягивая ноги, чтобы встать. Он поднялся, и огромная толстенная тень упала на пол.

— Очень похоже на того мафиози, что приходил к

Полковнику, — легкомысленно хихикнул он.

А тогда…

Как-то после очередного своего турне он зашел в офис к Полковнику что-то обсудить.

Менеджер сидел за столом и почему-то не производил обычного впечатления крепко надутого мячика. Было в этом нечто, от чего питомец вдруг остановился в дверях, не в силах сразу сообразить, что приключилось. Полковник сидел с лицом окаменевшим. Видя замешательство питомца, он вскинул брови домиком.

— Ты что, мой мальчик? Заходи. Вот познакомься. Мистер Пьезолини. Как про ник — не знаю. Очевидно — ценное предложение. Нам с тобой…

— Никаких ценных предложений, — отвешивая поклон вновь вошедшему, отверг незнакомец. — Просто я представляю один довольно крупный синдикат Города Развлечений. Люди, выступающие в нашем городе, должны отдавать десять процентов синдикату за это право. Раз. Ну, конечно, подарки правлению за лучшие залы. Два. Подарки нашим парням за безопасность. Три. Ясно?

— Я хотел бы знать о вас побольше. Кто эти парни, которым мы якобы должны?

— Побольше вы узнаете, — нагло распялив глаза, отчеканил гость, — если не подчинитесь нашим условиям.

И, обернувшись к остолбеневшему от дикости услышанного Джону, осведомился:

— Кажется, ваша жена и дочь тоже посетили наш город?

Угроза. Прямая угроза стояла за его словами. Джон не выдержал.

Шагнул в направлении Пьезолини.

— Малыш! Погоди!

Полковник сразу вскочил с места.

— Не трогай эту падаль! А вы, мистер Мафиози-Макароншик, мотайте-ка отсюда. Угрожать мне? Полковнику?! Где же вы были, когда мы только начинали? Набирали силу? Моего питомца знает весь мир. И если хоть малейшая неприятность или просто недоразумение произойдет с ним или с членами его семьи, не будь я Полковником, я найду людей, способных сторицей отквитаться.

Мафиози не испугался, не побелел, но по всему было видно — такого афронта никогда не испытывал. Надо полагать, что и оценил своего противника, — никогда никаких осложнений в Городе Развлечений не было. Однако Полковник принял все меры безопасности.

За себя-то Джон не боялся. Но вот Лиз и Прис. Боже, охрани их! Забота и страх за них терзали постоянно. И крепко-накрепко Джон запретил жене появляться в зале во время своих выступлений. Ей отводилась специальная ложа-кабинет. Затемненная. За шторами всегда был кто-то из его парней. Чаще всего Рэд и Джо. Он прекрасно понимал, что ни Лам, ни Чарли не готовы нести «службу безопасности». Кроме того, Чарли нужен был ему на сцене.

Итак, Рэд и Джо. Правда, здесь тоже была загвоздка — Рэд полагал, что у него больше прав на дружбу Короля, чем у Джо. Годы юности Рэд приравнивал к войне — год за два. Ревность. Все это было бы смешно. Но ведь все претендовали на владение его душой. И Джон был вынужден удовлетворять их амбиции.

Ну, кому нужен был бы этот коренастый и кривоногий Рэд? И все-таки Джон достал Рэду роли, где тот мог бы проявить свои каратистские способности. Отношения с другом юности были самыми сложными. Рэд держал основной состав ребят на расстоянии, вроде бы заботясь о спокойствии друга. Но Джон-то знал — Рэд хитер: сумел стать необходимым Полковнику, победить неприязнь Прис. И всячески старался, чтобы босс забыл ту давнюю неосторожную фразу о маме. Но такого босс забыть не мог. А поскольку простил и позволил вернуться, то считал себя обязанным. И чувствовал — в душе Рэда просыпается жгучее презрение. Рэд, словно сговорившись с Прис, тоже начал все чаще шутить над ним, твердо зная — ему все сойдет, и при этом еще расхваливая чувство юмора своего босса. Положение создавалось самое дурацкое. Джон ума не мог приложить — как быть?

Да ведь видел же! Видел, что компания разделилась на две отнюдь не равные части — Рэд, и с ним трое, и Дам, Чарли, Джо. Последние были друзьями. Настоящими. Но ведь Полковник всегда внушал:

— Никаких друзей. У Короля только подданные.

Яд наставнических слов впитался в кровь. Да еще Прис:

— Правильно… Мы нигде не бываем вдвоем. «Ах, с тобой может что-нибудь случиться! Ах, на нас нападут. Ах, украдут». Нужны мы… Не жизнь, а заточение в башне. Только добровольное. Пойми же, наконец, внушая тебе эти ужасы, твои ребята просто нашли способ прибрать тебя к рукам. Не они для тебя, а ты для них.

Жена не знала ничего об угрозе мафиози. Она лишь хотела жить полной жизнью. А именно такой жизни Джон не мог ей дать. Теперь, когда снова началось турне, он не принадлежал ни ей, ни себе. Полковнику, фирме. Главное — музыке.

Перед ним снова были живые люди. Его изболевшаяся за

годы добровольной кинокаторги душа жаждала общения с ними. И в песнях он попытался раскрыть им эту душу.

Он вспомнил, как видимые ему первые ряды смотрели на кумира своей молодости затуманенными воспоминаниями глазами. А он не хотел быть только ожившим прошлым. Он хотел быть частью Вечной Музыки…

Тяжело и осторожно ступая, он еще раз обошел музыкальную комнату, дивясь и почти не веря себе — неужели все развешанные по стенам золотые диски принадлежат ему? Тяжелые отечные веки на мгновение прикрыли глаза, слывшие некогда самыми чарующими.

Так… покончено. Двигаемся дальше. Только бы хватило сил. А Джон остро чувствовал, что силы на исходе. Неужели конец? Что это такое? А как же фэны? Через неделю очередное турне. Билеты давно проданы. А-а… разберутся. Всегда он чувствовал ответственность. Всегда Полковник внушал:

— Всем, что у тебя есть, ты обязан мне и публике. Береги своих фэнов. Ищи путь к их сердцам.

Да, публика обожала его. Они вопили от восторга. Его ровесники сделали своего кумира кумиром своих чад. Он-то хотел другого. И как-то предпринял последнюю попытку соединить себя с людьми. Он в шутливой форме рассказал им о своем пути, надеясь, что они поймут — роз на этом пути значительно меньше терниев. Однако национальный юмор восторжествовал. Они прекращали жевать и весело ржа ли, не желая даже задуматься, что стоит за его словами. Они видели в нем всего лишь развлекателя. Он был из их молодости. А теперь стал живой легендой, воплотив их извечную мечту о сказочном богатстве.

Джон посулил себе за глупость тысячу чертей и замкнулся окончательно. Прис же, наоборот, удивила:

— Прекрасно, милый. Твой новый ход страшно удачен. Ты ведь можешь теперь выходить на сцену прямо из зала. Ты стал частью публики. Значит, мы снова будем вместе. Мы ведь семья. (Припомнила его слова).

— Нет, Прис. И не надейся. Я могу только петь. Я никогда больше не буду пытаться таким образом занимать публику. Не мое амплуа.

— Как хочешь, конечно. А жаль. Ну, не вскидывайся так. Совсем ни к чему столько эмоций. Невероятное у тебя бывает лицо, когда ты поешь. Что ты чувству ешь? Где ты? Со мной у тебя никогда не было такого лица.

— Глупенькая, ты что — ревнуешь? К чему? Музыка — другой мир. И я — выходец оттуда. Я ничего не могу с собой поделать.

— Да-а-а… — задумчиво протянула она. — Я же стою на обочине твоей жизни, а моя проходит. Зачем я тебе?

Даже сейчас помнил он интонацию жены. Словно он, а не она добивалась права быть семьей. Несправедливость вопроса разозлила его.

— Мы уже говорили на эту тему много раз. Мое мнение ты знаешь. Займись чем-нибудь. Хоть воспитанием Лиз. Она все время с дедом и ребятами.

— Благодарю. Я только на это и гожусь? И потом, ты несправедлив. Я присутствую при всех ее занятиях. Гуляю и играю с ней. Но наша Дюймовочка слишком самостоятельна. Ей не интересно со мной.

— Ей, конечно, нужны подруги. Что можно сделать?

— Что? Ты приучил ее; вот и придумай. Учти, Лиз обожает твою музыку. Хитруша затягивает в музыкальную комнату твоих ребят и заставляет ставить ей пластинки.

— Мои?!

— Не только. Но в основном — да.

Едва сдерживаясь, чтобы не улыбнуться от гордости и радости прямо в лицо жене, он пообещал:

— Ладно. Разберусь. — И озабоченно добавил: — А ты, надеюсь, сама выберешь себе занятие?

— Уже.

— Что — уже?

— Выбрала. Если тебе интересно — школа современных танцев и моделирование. Могу заняться и каратэ.

— Отлично, девочка. Я тоже постараюсь не давать тебе скучать…

— Ладно уж. Не выйдет. Не обещай.

— Спасибо, милая, что хоть понимаешь. Прис, мне действительно трудно давать обещания. Я, правда, не принадлежу себе. Ты веришь?

Мрачно кивнув, она подняла на мужа свои голубые глаза. И столько в них было тоски, что он засомневался — выдержит ли?

Не выходила из головы и дочка. Вечером, сидя с Рэдом в гостиной, Джон, словно невзначай, спросил:

— Говорят, Лиз частенько эксплуатирует тебя и других парней — просит проигрывать пластинки.

— Не хитри. Меня — никогда. Малышка знает, что я не поощряю баловство. А вот Лама и Чарли — да. Они у нее просто личные диск-жокеи. Чарли даже рассказывает ей кое-что о музыке и музыкантах. Я уже говорил твоей жене, что зря забивают голову ребенку. Ей ведь нет еще и пяти.

— Ты прав. Когда они обычно этим занимаются?

— После шести.

— 0'кей! Я их застукаю.

— Ну-ну, — снисходительно согласился Рэд, всем своим видом давая понять, что твердо уверен — босс сделает все, как надо, несмотря на свою любовь к дочери…

— Бедная девочка, — вслух проговорил он. Сегодня Лиз было уже девять. Последний год она жила с матерью на Побережье, но все каникулы проводила только с отцом, каждый раз так или иначе проявляя к нему свою любовь и преданность. Лиз стала настоящим другом. Она многое понимала. Все чувствовала. Но это не давало отцу права взвалить на ее хрупкие плечики ни капли своего груза. И так за последние четыре года в девочке произошли разительные перемены. Из маленькой веселой щебетуньи она превратилась в высокую, очень тоненькую девочку. Задумчивую и скрытную. Родители перезванивались, обсуждая, как быть. Но что они могли сделать? Его-то больше всего смущало не только внешнее, но и внутреннее сходство дочери с ним.

Что она делает сейчас в своей комнате? Подняться? Поговорить? Нет. Он остановил себя. Девочка разволнуется. Зачем — зазря? А если не зря, то все равно ей придется пройти через это. Так пусть уж лучше попозже…

По совету Рэда и из любопытства, перенеся запись в студии на другое время, Джон почти робко подошел к дверям своей музыкальной комнаты. Сквозь маленькую щелку донесся голос Чарли:

— Я дам тебе послушать вот это.

— Ой, какие красивенькие и как смешно называются, — заверещала Лиз. Потом молчание, и снова ее ставший уже серьезным голосок:

— А папа их любит?

— Да, очень.

— Ну, тогда и я.

Папа же стоял в полном недоумении — кого же будет слушать дочка и откуда она знает название. Чарли ничего ведь не назвал. Он что же, читать ее выучил? Ей нет пяти. Ох, Чарли. Может, Прис и Рэд правы — пусть подольше продлится детство. И тут же подумал: «А сам? Мама учила меня в том же возрасте».

Печальные голоса «Чернильных пятен» выводили мамин любимый госпел. Чарли-волшебник! Он всегда знает, когда госпел должен звучать. С тем и распахнул дверь…

Двое в комнате не сразу заметили вошедшего за огромной установкой. Не ждали. А он одним взглядом охватил выражение личика дочурки — такое торжественное, и ее самое любимое

платье, которое та надевала, как говорила жена, только в предвкушении праздника. Лицо Чарли было грустным. Друг на друга они не смотрели. Каждый был поглощен музыкой.

Ничего-то он не знает толком о тех, кто любит его, дурака, по-настоящему.

Кашель прорвался непроизвольно. Слушавшие испуганно вскинулись, и Джон заметил, как Чарли резко принял оборонительную позу, закрыв собой Лиз. Тут оба увидели — свой. Босс и отец.

— Папочка! — крикнула Лиз. — Ты послушай, как они поют! Ты ведь не будешь ругать нас? — И рванулась к отцу.

Он подхватил ее на руки, крепко, но осторожно прижав к себе.

— Босс… — начал было Чарли.

— Не надо, дружище. Спасибо тебе. Я ведь не додумался. Занят только собой да своей музыкой. Всех забросил. Сам знаешь, скоро концерты.

— Господи, босс! Я давно хотел, но не решался тебе сказать. Она очень тянется к музыке. У нее отличный слух. Может, певица выйдет?

— Никогда! Ни за что! О, Чарли, только не это! Ты-то знаешь об этом труде больше любого другого. Ничего, кроме музыки. О, Господи, нет!

— Ладно, нет. А доведись тебе начинать сначала? Что?.. Джон опустил голову, и Лиз коснулась маленькими пальчиками волос отца, упавших на лоб.

— Да, другого мне не дано, — выдавил медленно и потом заторопился: — Так хотелось бы учиться. И годы не Бог весть какие. Но как подумаю, что мое общество будет мешать и студентам, и преподавателям… Ох, нет.

— Прости, босс, но их учеба только для себя. Ты же даешь им другую жизнь. Жизнь чувств, которая, в сущности, только одна и делает людей счастливыми или несчастными.

— Уж ты скажешь… — смущенно пробормотал Джон, делая вид, что поправляет платьице притихшей дочери.

— Нет, правда-правда, — загорячился Чарли.

— Пусть так. Оставим это. Поздно мне меняться. Так что мой маленький крольчонок? — снова повернул он разговор на дочь.

— Спроси лучше у Лиз.

— Так как, Лиз?

— Папочка, я… Можно, мы с Чарли и Ламом будем слушать твои пластинки? Мы осторожно. Это так интересно. И весело. И грустно. И всем хочется помочь.

— Конечно, мой крольчонок. Только, если хочешь, давай

заведем тебе твою дискотеку.

— Папочка! Да! — взвизгнула Лиз, но почти тотчас какая-то тень коснулась ее личика.

— Что, Лиз? Что? — забеспокоился отец.

— А как я узнаю, что мне нравится? Я ведь не покупаю пластинки.

Ошеломленные, Джон и Чарли переглянулись — в вопросе была ясная недетская логика.

— Ну, ты будешь вначале слушать пластинки здесь, а…

— Папочка, ты только не сердись. Здесь — как праздник. И мама скажет — еще музыка…

— Ну, раз мама, мы должны слушаться, — твердо ответил отец, но исподлобья глянул на Чарли.

— Ты бы послушал свое чадо. Лиз, почему бы тебе не спеть?

— Хорошо. Только что, Чарли? Чтобы папе понравилось. Господи, никто так искренне и бескорыстно не старался ему понравиться. Чарли что-то прошептал Лиз на ухо и потянулся к гитаре. Струны жалобно дрогнули, издав звуки, похожие на шум дождя. Лиз от старания облизала губы, сна чала закрыла, а потом широко открыла серо-голубые, как у отца, глаза и запела «Дождь в Кентукки», самую сложную из его последних вещей. Затаив дыхание, он с ужасом ждал, что вот-вот она сорвется. Но она не сорвалась, не сфальшивила. Какая-то сила берегла ее, подсказывая, как обойти трудные места. Музыкальность?

Закончив петь, Лиз робко посмотрела на отца. А тот только и мог, что поцеловать ее да попытаться не показать выступившие слезы…

Лиз пела и теперь. Но очень редко. И отец втихомолку радовался. Но она совершенно не была подвержена влиянию моды. Не слушала супер-группы. Только то, что любил он. Как-то месяца два назад в честь ее приезда отец спросил, не хочет ли она пойти с ним на концерт очень сильной и очень модной европейской группы. Лиз, удивленно взглянув на отца, ответила — нет! Объяснений не последовало, а было интересно — почему?

— Тебе не нравится эта группа?

— И эта тоже.

— Но почему, Лиз? Нельзя же слушать одних кантристов да меня. Мы, в сущности, мамонты.

Он всегда говорил с ней о музыке без скидки на возраст.

— Другого мне не надо, — упрямо заявила дочь. Разговор иссяк. Отец не знал — радоваться или огорчаться. Во всяком случае, упрямство дочери заслуживало раз мышлений.

Он думал упорно. Терялся в догадках. Но не спрашивал, боясь добавить боли к дочкиному горю. Собственно, горе было

общим — он и Прис расстались четыре года назад. Только, как мужчине, ему удалось заглушить боль. Лиз же была беззащитна. Любя отца, она и представить себе не могла, что навсегда останется без матери. Рвалась между ними, пыталась сделать невозможное — восстановить семью.

Знал он, что расставание неизбежно? Если покопаться внутри? Знал? Нет. Слава его в тот момент была так абсолютна, что и мыслей не возникало о подобной катастрофе. И самым болезненным оказалось то, что Прис выбрала себе не какую-нибудь «звезду», а самого простого смертного.

Джон даже сейчас скрипнул зубами от пережитого унижения. Предпочти она кого-то вроде Вождя, не было бы так обидно.

Во время очередного фестиваля в Городе Развлечений прилетела Прис, оста вив дочь дома. У них было время походить вместе по злачным местам. Но ребята, на тасканные Полковником после угроз мафиози, держались поблизости, беся Прис.

— Когда-нибудь мы можем побыть одни? Ну, хоть вечер?

— Хорошо, родная. Завтра устроим побег.

Слово Джон сдержал. В наемном автомобиле они приехали к одному из новых баров на окраине, надеясь, что уж тут-то их не обнаружат. Прис не сняла шляпу. Ему же пришлось нацепить светлый парик.

Мирно отдыхая рядом с женой, Джон вдруг увидел, как в дверь бара вошли Рэд, Чарли и их новый знакомый — Майк, инструктор по каратэ.

— Все, — раздался тусклый голос Прис. — Кончилось наше счастье. Рэд уже увидел их и двинулся вперед.

— Босс, так нельзя. Полковник и твой отец бьются в истерике. Ребята рассортированы на группки и разосланы, кто куда. А мы вот уже отчаялись, когда встретили Майка, который видел вас в наемном авто и узнал тебя, несмотря на этот маскарад. Решили искать вместе и, слава Всевышнему, нашли.

— Слава была бы, если бы не нашли, — сердито обрезала Прис, выходя из-за спины мужа и становясь рядом.

— Маленькая, раз уж так вышло, разреши представить тебе Майка. Того самого, что покорил меня своим мастерством во время моих гастролей на Островах.

— О, муж после встречи с вами усиленно уговаривает меня заняться каратэ, — приветливо произнесла она, протягивая руку.

— Позволю себе заметить — правильно, мэм. Вам будет нетрудно. Вы легкая.

— Вот-вот. В точности мои слова, — Джон обрадовался такому совпадению мнений и возможности занять жену. Да и Майк отличный парень. У него тоже маленькая дочка. Кто знает,

возможно, лет через десять Лиз и дочка Майка тоже будут заниматься каратэ?

— Спасибо. Я подумаю, — мягко закончила разговор Прис. Рэд смотрел на всю эту сцену странными глазами. Рыжие искры так и полыхали в них.

— Ты чего? — тихо спросил Джон.

— А ничего. Такие вы теперь светские — просто не рассказать. Будто ваши предки приплыли на «Мейфлауэре».

— Ладно-ладно. Издеваешься! — примирительно засмеялся Джон.

— Конечно, босс. Прости. Забылся. Позвольте ваш набалдашник, босс, — Рэд явно дурачился.

Давненько между ним и старым школьным другом не было такой легкости. Возможно, Рэд понял, наконец, что нечего делить? Джон подмигнул Рэду. Оба заговорщически хмыкнули. Рэд, крутя парик на пальце, пропустил его, Прис и Майка вперед, а сам, подхватив под руку Чарли, громко сказал:

— Ча, что-то даст нам Полковник за найденного Короля?

— Как что? По сигаре из полковничьих запасов. Все рассмеялись. Даже недовольство Прис улетучилось. Она никогда не шла на конфликт с менеджером мужа. Боялась его. И чувствовалось — преклонялась перед ним. Как-то раз сказала мужу:

— Хотела бы я, чтобы ты так принадлежал мне, как Полковнику.

— Девочка моя, не понял. Какие претензии к Полковнику?

— К нему?! Никаких.

На том и порешили.

Очень бы не хотелось вспоминать то время. Однако выбросить такой кусок из жизни нельзя — за всем стоит Лиз.

Медленно, но почти без напряжения Джон пошел в гостиную. Диваны-уголки были расставлены так еще Прис. Как она рассчитала — секрет, только ни одного из них солнце не касалось. Единственное, что осталось в доме от ее присутствия… Может, сменить? Не стоит. Так удобно. Пусть уж. И потом, теперь все равно. Он сжился со своими шрамами…

Итак, Прис была занята до предела. У него не всегда хватало сил дождаться ее после многочисленных занятий. Она тоже перестала его беспокоить. Но при встречах за столом сама каждый раз рассказывала о своих занятиях в студии Майка. Она уже получила первый пояс и готовилась к получению следующего.

Прис познакомилась с Мейбл, женой Майка, и нахваливала эту женщину. Подруг у Прис не могло и быть, поэтому муж

только радовался, что появилась женщина, с которой она может отвести душу.

Так прошел год. Теперь же Прис почти не говорила о Майке и Мейбл. Джон не спрашивал. Некогда было — готовился к небывалому турне. Вечером, отупевший от усталости, сидя в гостиной, он сквозь дрему услышал звук подъехавшей машины жены. Встрепенулся, не желая показывать усталость и нарываться на нравоучения. Прис вошла слегка грустная и задумчивая.

— Ты что?

— Устала.

Он улыбнулся.

— Теперь ты у меня перегружена. На ногах едва держишься. Садись-ка отдохни. Я сейчас придумаю тебе что-нибудь поесть.

— Ох, не хочу. Погоди. Ты у Лиз был?

— Конечно. Все в порядке. Они с Чарли прогуливали в парке щенка. Потом мы слушали музыку. Я сам уложил ее спать.

Заметив, что упоминание о музыкальных занятиях принято женой с явным неудовольствием, Джон постарался отвлечь ее, перевести разговор.

— Что-то ты давно ничего не рассказываешь о Майке и Мейбл?

— С Майком все в порядке — хочет сделать из нас чемпионов. А Мейбл… Знаешь, она… расходится с ним.

— Силы небесные! Почему?

Он от удивления не заметил, каким смущенным стало выражение ее глаз и как медленно она говорит.

— Майк очень занят. Соревнования. Подготовка спортсменов. Часто вне дома. Ну вот, она и не выдержала.

— Она что, не знала, чем он занимается, когда выходила за него?

— Почему? Знала.

— Какого же дьявола? Ждала, что Майк все бросит ради ее прихоти? А где же любовь?

— Но ее-то жизнь проходит.

— Интересно. Она уже нашла замену, с которой ее жизнь будет новой и наполненной?

— Ну, Мейбл не красавица. Она просто будет жить спокойно. Не будет думать о том, как Майк касается женщин, занимающихся в студии. — Прис засмеялась слегка принужденно. — Не думала я, что Мейбл ревнива. Глупо. Пойду-ка я к себе. С ног валюсь.

Весь тон жены и особенно смешок не понравились Джону. Следовало поговорить с Чарли. В этот час ребята еще сидели в студии.

— Ча, дружище, можно тебя?

— Что случилось?

— Сам не знаю. Прис только что рассказала про Майка и Мейбл.

— ?

— Мейбл подала на развод. Ревность к его ученицам. Может, не стоило мне знакомить его с Прис и отправлять ее на занятия? Вдруг его предполагаемый развод отразится на нас с ней?

— Какая дикость, босс! Прости. Прис вне подозрений. Да и Майк знает, с кем имеет депо. Он сроду не рискнет. И малый-то он славный.

— Ладно, старик. Это я так. Для успокоения собственной совести. Время шло, и Джон все чаше замечал рассеянный вид Прис. Она все время торопилась. Лиз все чаще оставалась с ним. Наступил момент, когда дочурка спросила:

— Папуля, а где наша мама? Я так редко ее вижу.

— Как редко, малыш? — удивился отец.

— Реже, чем тебя, — подумав, ответила Лиз.

Когда дочка ушла, он задумался. Дверь распахнулась без стука.

— Босс, мы ждем тебя. Для записи все готово, — говорил Рэд, в своей стремительности не замечая состояния друга.

— Боюсь, ничего сегодня не выйдет. Не в голосе я. Кроме того, мне срочно нужна Прис. Будь другом, Рэдди, сгоняй за ней и попроси сразу же из студии приехать домой.

— 0'кей! Ты, может, позвонишь ей сначала в студию?

— Нет. Поезжай.

С нетерпением ждал Джон приезда жены. На дорожке парка раздалось — шурк-шурк. Машина Рэда. Где же вторая?

(Даже сейчас он машинально глянул в окно. Подъездная аллея была пуста. Тишина. Так и тогда…)

Вошел несколько озадаченный Рэд.

— Босс, ее там нет. Кажется, она поехала в гости к Мейбл.

— Ладно, — махнул рукой Джон. — Спасибо. Отдыхай.

Итак, Прис в студии не было, и новость эта почему-то успокоила его. Уже в своей спальне он услышал звук подъезжавшей машины жены. Спустя минут десять она слегка постучала в его дверь. Он затаился, боясь встречи.

Утром он пришел к завтраку поздно. Маркизы на окнах были подняты, но день был тяжелым, знойным, и солнце не веселило комнату. Прис уже выпила свой кофе и теперь курила, стоя у окна. Поза ее была какой-то робкой и неуверенной. Обернувшись на звук его шагов и изобразив улыбку, она начала было:

— Вчера я ездила к Мейбл. Она не хочет, чтобы Майк

встречался с ребенком. Я согласилась ему помочь — поговорить с ней. Мейбл теперь решила, что отец и дочь будут видеться в ее новом доме, но в ее отсутствие.

— Хорошо, Прис. Я ведь не собираюсь контролировать твои поступки. Я только боюсь за твою безопасность. Кстати, завтра у меня концерт. Ты не забыла? Пойдешь?

И вдруг он отчетливо увидел — она забыла. Краска смущения проступила даже на ее лбу.

— Понимаешь, я не забыла, конечно, — залепетала она, — но у меня получение пояса.

— Я договорюсь с Майком, и получение отложится всего-то на пару-тройку дней. Идет?

Она покорно кивнула.

— А сегодня меня не жди. Буду очень поздно. Последние приготовления.

В глазах Прис появилось что-то похожее на благодарность. Он не захотел вникать.

В день концерта Чарли утром зашел к Джону и сказал:

— Босс, звонил наш друг из полиции — Дейв. Сегодня ночью машина Прис была замечена почти на всех постах города. За твои деньги они хорошо справляются. Дейв послал свою машину охранять ее.

— Та-а-ак… — протянул Джон. — Хорошие дела. Спасибо, Ча. Ты не знаешь, пресса пока ничего не пронюхала?

— Нет вроде. Молчат.

Больше откладывать разговор было невозможно. Но вечером концерт. Надо еще отдохнуть перед этим.

Он зашел в комнату жены. Она была готова. Выражение лица ее было упрямым. Снова молчание.

Концерт прошел, как обычно, — под вой публики. А на следующий день одна из газет все-таки поместила статейку об автопрогулке Прис, перепутав числа, с заголовком «Где была во время концерта жена звезды?». Теперь появился предлог для разговора.

Брезгливо держа газету в руках, он спустился к завтраку. Прис сидела одна. Сидела немного вызывающе, положив ногу на ногу, держа в зубах незажженную сигарету. Очевидно, уже знала про статью.

— Я вижу, ты знаешь, что у меня в руках.

— Да, эта бульварщина.

— Они лгут? Отвечай! Если — да, будем судиться. — Щеки его горели. Ах, как хотелось услышать — лгут.

— Нет. Я правда прокаталась всю ночь по городу. Лиз спала. Тебя нет. Мне страшно. Тоскливо.

— Чего ты боишься, девочка моя?

— Себя! — закричала она неожиданно низким голосом. — Себя! Себя! Тебе я не нужна. Лиз — тоже. Ее первый вопрос — когда папа вернется? Никому не нужна. Зачем я всему училась? Где это все приложить? — Она торопилась высказаться. Он понял — такой разговор у них впервые. Бедняжка, она, может быть, столько лет этого ждала. Его затопила жалость к этой маленькой женщине, его жене.

— Прис, девочка, я так виноват. Что я могу сделать для тебя? Как облегчить твою жизнь?

— Дать мне жить, — неожиданно твердо и зло ответила она.

— Но как? Мы семья…

— Нет. Есть ты — звезда первой величины. И есть я. Никто. Лиз не в счет. А я хочу быть Кем! Обо мне еще услышат. Я ухожу из твоего дома.

— Силы небесные! К кому?

— Да ни к кому. К себе. Я больше не могу. Я сойду с ума или покончу с собой. Что лучше для карьеры Короля? Отпусти меня.

— Ты осуждала когда-то Мейбл. Чем ты лучше? Та хоть ревновала… Прис дергалась от слов мужа, словно через нее пропускали ток. Наконец она взяла себя в руки. Выпрямилась, и лицо ее приняло насмешливо-защитительное выражение. А муж продолжал:

— Ты ведь тоже все знала. Я несколько раз предупреждал тебя. Надоело? Или ты полюбила другого?

— Да, я не рассчитала своих сил. А мои чувства?.. Вряд ли тебе интересно. И хватит об этом. После наступления Нового года я уйду. Не беспокойся, скандалов не будет. Лиз тоже какое-то время останется с тобой. Пока я не устроюсь. А праздники я проведу в твоем доме.

О чем еще было говорить? Но жене показалось мало:

— И не вздумай предъявлять свои супружеские права. Иначе я вынуждена буду защищаться через прессу.

Вульгарность угрозы была столь чудовищна, что он, не проронив ни слова, повернулся и вышел из комнаты.

Пройдя к себе, набрал номер менеджера:

— Полковник, это я. Мне необходимо повидаться с вами. Нет, нет. Лучше прямо сейчас. И у вас. 0'кей!

Полковник встретил питомца явно встревоженный.

— Что, мой мальчик? Мафия? Что? Не томи.

— Прис, Полковник. Она оставляет меня. Она полчаса назад объявила мне об этом, сопровождая свои слова угрозами на случай, если я… Я виноват перед ней. Но это из-за кого-то. Не надо догадок, Полковник. Я хочу от нее услышать.

— Стоп, стоп. Я ждал чего-то в этом роде. Уж очень много у нее было свободного времени. Надо было бы завести еще парочку крошек.

— Она не хотела. Теперь ведь женщина всегда может сделать так, чтобы их не было. Она мечтала о другой жизни, но я-то не гожусь на эту роль.

— Тогда выполняй ее условия. И ты выиграешь. Ты Король, мальчик. Нельзя, чтобы даже из-за такой хорошенькой женщины рухнула твоя империя. Не спорь. Все вижу. Все понимаю. Но мы должны идти дальше. Держись. Пусть все видят — нет твоей вины. Есть ее взбалмошность. И еще держись за Лиз. Друг растет.

Странно, но менеджер говорил без присущей ему в таких ситуациях патетики, и глаза его даже выражали печаль. Постарел, что ли? Но все равно — Королю бы такую уверенность и хватку.

— Ребята, конечно, будут в курсе. Не вздумай только обсуждать с ними свои проблемы и не говори о нашей встрече.

— Естественно. И еще — она проведет праздники в моем доме. Хотите — приезжайте. Я буду рад, — просто добавил Джон.

— Спасибо. Нет. Не хочу, чтобы кому-нибудь пришла мысль, что я тебя охранять приехал. Да… Ты отцу сказал?

— Нет. Вам первому.

— За доверие спасибо. Но ты ему скажи. Сказать отцу… Джон тут же и отправился.

— Сынок, привет. Как девочки?

— Па… Прис уходит от меня.

— То есть?! Не понимаю. К кому?

— Говорит — к себе. Хочет жить полной жизнью.

— И ты поверил? Нет. Что-то не так. Я сам разузнаю.

— Прошу тебя, папа, не надо. Это моя забота. Никто не должен вмешиваться. Послезавтра мы с ней летим домой. Надеюсь, ты тоже?

— Как скажешь, сын. Только не волнуйся, а то опять давление подскочит.

— Ничего, па. Не такое выдерживал.

Грустной была та новогодняя ночь, хотя гости, ничего не подозревая, веселились вовсю. Прис старалась очаровать каждого. Но ни на секунду Джон не обманулся. Она уже далеко. Однако для всех держаться надо. Он тоже разыгрывал роль радушного хозяина и заботливого супруга. Прис танцевала весь вечер, а он переходил от одной группы гостей к другой, держа ее в поле зрения. Вот после очередного танца она подсела к Бэкки и ее мужу и начала что-то оживленно рассказывать. Джон решился подойти.

— Что-нибудь надо, детка? — наклонившись через ее плечо,

спросил он.

— Благодарю. Ничего. Мне чудесно, — слегка передернув плечами и отодвинувшись от него, ответила жена, даже не взглянув.

Обида захлестнула Джона, но он тут же взял себя за горло: не сметь, не поддаваться.

Два дня спустя Прис постучалась в его кабинет.

— Нам надо поговорить, ты не находишь?

— Я слушаю тебя внимательно. Мне сказать нечего. Ты ведь все решила, на сколько я понимаю?

— Однако ведь есть же масса вопросов, Лиз, средства к существованию, наши взаимоотношения.

— О, наши — что? — Оборвал себя. — Говори.

— Пусть Лиз пока поживет с тобой. Объясним ей что-нибудь.

— Нет. Только правду. Ты уходишь, потому что хочешь жить по-иному.

— Хорошо. Пусть так. Я буду брать ее на уик-энд. Обещаю никоим образом не настраивать дочь против тебя. Надеюсь, ты не слишком урежешь сразу мои расходы и не заставишь срочно браться за любую работу. Иждивенкой я не буду. Я пойду работать. Обещай не интересоваться моими знакомствами. Для своего же блага. И послед нее — возможно, я пойму, что не могу без тебя. Поэтому я пока не подам на развод.

Он удивленно воззрился на жену. Всерьез? Или это спектакль?

— О, Прис! Благодарю за снисхождение. Но последнее я не очень приемлю. Я вовсе не хочу быть женатым холостяком. А уж ждать такой милости, как возвращение… Нет. Я для этого не создан. Не рассчитывай на меня. Да и тебе стоит решить, хочешь ли ты снова выйти замуж.

— Вот как? Ты печешься о моем счастье? — Недоуменная обида от столь спокойного поведения мужа явственно читалась на ее хорошеньком лице. И, не удержавшись от укола, она спросила:

— Ты хоть знаешь, кому меня отдаешь?

Нельзя было проронить ни звука, если Джон хотел узнать, кого Прис предпочла ему. Просто равнодушно пожал плечами.

— Да, Майк! Майк!!! Ты ведь догадывался. И знай — это с ним я чувствую себя, как за каменной стеной. С ним хочу начать новую жизнь. Нет, замуж за него я не выйду. Он просто помог мне обрести себя, стать личностью.

Все сдвинулось со своих мест, но не мог же он показать перед ней свою слабость. Никак не отреагировав на откровения жены, Джон подвел черту:

— Хватит истерики. Разводом я займусь, когда у меня будет

время на это.

В день отъезда жены он даже не вышел попрощаться. Лиз, проводив мать, пришла к нему.

— Папочка, мы ведь поедем на Побережье? Мама будет ждать.

— Да, мой крольчонок. Только прости нас, но тебе придется быть то с ней, то со мной.

Лиз по-старушечьи вздохнула и тихо сказала:

— Я знаю. Мама говорила.

Она подошла к отцу, и тот усадил ее на колени, прижался щекой к ее пушистым волосам. Что можно сказать? Ничего. И оба молчали.

Ребята тоже жались по углам, не решаясь показаться на глаза. Даже Лиз как-то спросила:

— Папочка, а Чарли уже никогда не будет слушать со мной пластинки? Страшно сделалось от этого «никогда», но, не подав вида, он спросил:

— Почему, крольчонок?

— А почему он не приходит?

— Вот ты сама его и спроси. Позвони и попроси зайти.

Чарли пришел не один. Ребята поняли — опять наступили перемены. Король с инфантой были им рады. И, вопреки случившемуся, в тот вечер всем было хорошо. Лиз сидела на коленях отца, слушая воспоминания его друзей, и была взволнована так, что, несмотря на позднее время, сна не было у нее ни в одном глазу. Наконец, усталость все-таки взяла свое, и головка Лиз припала к плечу отца. Он бережно отнес ее в спальню.

Вернувшись к ребятам, с порога выложил:

— Все, мужики. Я снова холостяк. С той только разницей, что у меня дочь. Надеюсь, мы по-прежнему будем вместе…

— Да ладно тебе реверансы-то делать, — заговорил Рэд. — У нас тоже не сахар. Сам знаешь: Джо с женой разошелся, я и Пат живем отдельно. У Лама и Чарли сроду семьи не было.

— Господи, я виноват и перед вами.

— Чушь порешь. Не в этом дело. Знаешь же отлично — мы все дышали смолоду одним воздухом. Нам сам черт не брат. Мы даже с родными готовы расстаться. Ты тоже. Ведь не покончишь же ты с собой из-за ухода Прис? Ну, вот. А Лиз будет с тобой.

— Ребята, я хочу задать вам один вопрос. Вы знали — с кем она и что происходит? — Смущенное молчание повисло в комнате. Лам и Чарли сидели, опустив головы. Джо начал что-то мямлить. И снова вступил Рэд:

— Знали. Все знали. И что она с Майком. Думаешь, я не знал,

где она, когда ты велел ее найти? А как-то однажды, когда ты забыл сумку с шарфом и сувенирами для фэнов, и я примчался за ней домой, у ворот стояла машина Майка, в которой сидели они оба. Только чужая семейная жизнь — темный лес. Мы бы ни за что не стали вмешиваться. Но, коль скоро она сама тебе все сказала, я готов выполнить любое твое приказание.

— Какое, Рэд?

— Хочешь, он исчезнет? Навсегда?

— Господи помилуй, ты заигрался в мафию, дружище. Ни за что! Я не хочу ни единого волоса с его головенки. Просто я еще раз начинаю сначала. И хочу, чтобы вы были со мной.

— Когда собираться, босс? — тут же и подвел черту Рэд.

— Завтра. А теперь — спать! Простившись с ребятами, Джон вернулся в гостиную выключить свет и увидел стоявшего у стола Чарли.

— Случилось что, Ча?

— Босс, я был так уверен в Прис, так уважал Майка. Я и тебе об этом говорил. Погано мне. Может быть, Рэд и прав?..

— Чарли, — строго прервал Джон, — никогда, слышишь, никогда не смей даже думать так. Да, я раздавлен. Оплеван. Но я сам в этом виноват. Не надо было жениться.

С тех пор Джон ни с кем больше не заговаривал о своей жизни. Молчали и ребята. Лиз всю неделю проводила с ним. Она прекрасно чувствовала, когда у отца есть время. Никогда не досаждала ему. Такое стремительное взросление пугало его. Но малышка так была весела в обществе отца, что оставалось надеяться — ребенок не стал обостренно чувствительным.

Тем не менее он не знал свою дочь до конца. В день развода, почти полтора года спустя после их с Прис расставания, Лиз за завтраком была тиха.

— Мой крольчонок плохо себя чувствует? — кладя ей на лоб руку, спросил отец. Дочка подняла свои серо-голубые серьезные глаза:

— Папа, как я буду жить, когда вы с мамой разведетесь?

Ох, как он испугался. Откуда она знает? Кто посмел сказать? На ходу придумывая отговорку, начал плести что-то успокаивающее. Лиз вдруг, сорвавшись с места, подбежала к отцу, прижалась к его коленям и зарыдала, сотрясаясь под охватившими ее отцовскими руками.

— Мой крольчонок, может быть, ты хочешь жить с мамой и приезжать ко мне на уик-энд?

— Я хочу с тобой и с мамой. Руки его разжались.

— Невозможно, Лиз. У мамы своя жизнь. Она заслужила ее. Я слишком долго бывал в отъездах и всегда занят. А маме было

тоскливо ждать.

— Мне вот не тоскливо. Я тебя жду и, папочка, я так рада, когда ты возвращаешься.

— Лиз, ты не должна так говорить. Ты же любишь маму?

— Да, папочка. А ты?

— Ох, дочка, мы с мамой всегда будем друзьями, потому что у нас есть наш крольчонок.

В тот же день, обеспокоенный таким разговором, Джон позвонил Прис и предложил встретиться. Та без колебаний пригласила бывшего мужа к себе. Очевидно, предложение принимать не стоило: пресса караулила. Но было не до всех. Слишком напугала его дочурка. А пресса со смаком мурыжила имена Прис, Майка и его. Но прав оказался Полковник. Питомец стал одиноким и несчастным, и общественное мнение оказалось на его стороне. Он выиграл свою карьеру. Душа? Кого интересовала его душа? Да и положена ли душа Королю имиджа?

В общении с ним Прис была собранно-деловита, всячески стараясь показать, что у нее появилось дело всей жизни. Присутствие Майка не ощущалось. И, когда Прис пообещала уладить по-матерински все дела с дочуркой, он встал, откланиваясь.

— Может, выпьешь кофе? Или пепси?

— Нет, благодарю, — церемонно ответил он. Прямо глядя ему в глаза, Прис спросила:

— Как живешь?

— Нормально, как всегда.

— Ну да, по-прежнему музыкой.

— Музыкой и Лиз. До свидания.

Не мог же он сказать ей, как наваливались то черная бессонница, то какой-то обморочный сон. Расслабиться он тоже не мог. И стал снова принимать наркотики, прячась от Лиз и обманывая ее, как когда-то его мама. Все чаще он ощущал, что почва уходит из-под ног. Давление скакало. Внутри все разладилось. Но имидж обязывал. Выступления продолжались. Рыдающая нота прорывалась теперь в каждой песне. Словно пел смертельно раненный человек. Он сделался трагичен, но не мрачен. Если условия контракта ничего почти не позволяли ему в действительной жизни, то в песне он мог все.

А была ли она у него — действительная жизнь? Он был словно законсервирован. Ничего не знал. Не видел. Даже заграничные гастроли были не для него. Полковник не хотел, чтобы питомец осознал свою настоящую ценность. Он, размазня, и не бился вовсе. Только когда Полковник заболевал или уезжал отдыхать, что-то менялось в его творчестве. Прорывалось

заветное, настоящее. Но Полковник такие периоды ненавидел и ругательски ругал перед фирмой самые лучшие и любимые вещи. И умел, проходимец, сделать так, что два ведущих музыкальных журнала после первых восторженных отзывов вскоре находили в этих же вещах «но». Публика проглатывала пилюлю. Спрос именно на эти пластинки падал. Они уценивались. Полков ник сокрушенно говорил:

— Видишь?.. Я говорил. Ты настоял на своем. Давай попробуем программу фирмы.

Джон смирялся. Нельзя было упрекнуть программу фирмы в дурном вкусе. Вещи отличные. Подборка составлена в высшей степени грамотно. Хотелось просто другого — того, что облегчало боль. Он не мог душить ее куревом или алкоголем. Оставались наркотики. Даже док Джордж считал, что транквилизаторы пациенту не противопоказаны. Действие их, правда, было несколько странным — появлялся зверский аппетит. Джон набрал лишних тридцать фунтов. Появились отеки. Перепуганный врач отменил таблетки и посадил его на жесточайшую диету. Вес-то он согнал быстро, но засбоило сердце. Вот тогда он и вспомнил про наследственность. Начал читать книги по медицине и узнал, что ему нельзя никаких транквилизаторов. Мало того, нельзя пользоваться и теми лекарствами, которые были постоянными спутниками его слабого горла и связок — результат чрезмерной нагрузки. Последствия предсказывались самые плачевные.

Ладно. Выяснили и это. Только мало, в сущности, осталось у него невыясненных вопросов.

Подумаешь, умник-всезнайка. Все знания-то — фу-ук! Просто выяснять нечего. Бездарно прошла жизнь. Песенки пел. Больше ничего не мог. Ой ли? Может быть, все-таки что-то и ему удалось? Положа руку на сердце, он все же не мог считать себя неудачником. Неудачник — это когда талант, заложенный в человеке, не реализо ван. Человек не может найти свое место. Появляется скепсис, брюзжание. Тяжелый характер был и у него. Возможно, от сверхреализации себя. Не прародитель современной музыки. Не Король. Артист. Ведь равнодушных не было. Не всем нравился. Не стал просто развлекателем. Возможно, именно поэтому и решили фэны отметить его сорокалетие. Он-то всегда забывал свои дни рождения. Никогда не отмечал. Не удобно как-то.

Но его родной город готовился к юбилею активно. Город еще не знал, что кумир во время своего последнего турне вдруг снова увидел перед глазами кровавые полосы. Звон в ушах становился все непереносимей. Сдержав нечеловеческим усилием воли эту круговерть, Джон нетвердо вышел за кулисы.

— Босс! Что с тобой?

— Ча, мне плохо… Воздуха!..

Прямо с концерта его отправили самолетом в госпиталь родного города. Там и встретил он свое сорокалетие. К себе он допустил только отца и дочь.

— Папочка, милый, мы с дедушкой тебя поздравляем. Ты скоро поправишься? Я так соскучилась. Хочу пойти с тобой в парк на аттракцион. И потом, там на улице столько народу, и все тебя ждут. Дедушка уж меня прятал. Но они и меня приветствовали.

— Крольчонок мой, спасибо вам с дедушкой. А мы с тобой нашу программу выполним обязательно.

— Всегда-всегда?

— Что, малышка?

— Всегда-всегда мы будем выполнять наши программы? Да, папуля?

— Я постараюсь, Лиззи…

Отец смотрел на сына грустными влажными глазами. В руках он держал огромный пакет. Лиз вдруг обернулась к деду:

— Дедушка, почему мы не взяли свои подарки?

— Лиз, мы же договорились. Папе будет приятно получить их дома.

— Да-а… А вот ты привез какой-то пакетище.

— Лиз, это же поздравления. Сын, я привез тебе кое-что из почты. Отобрал самые красивые конверты. Развлекайся.

— Спасибо, папа, — сказал Джон растроганно.

Расцеловавшись с дочкой, пожав руку отцу, он облегченно вздохнул — не хотелось, чтобы даже они видели его поверженным. А под окном, Джон твердо знал, безропотно ждали ребята, которых он запретил пускать к себе. Все по той же при чине.

Сам-то он понимал, что «ребята» уже давно не ребята. И нечего думать о таких пустяках. Но за этим стояло другое: Джон знал, что парни, давно поняв, что жизнь при Короле хоть и нелегка, зато обеспечена, потеряли вкус к откровенности. Перемена была заметна многим. Винить же можно только себя. Он был готов и к этому. Горько? Да. Джон не стал требовать объяснений. Не проронил ни слова. Просто собирал урожай от воспитания Полковника — «никаких друзей у Короля». В его речи все чаше стали проскальзывать повелительные нотки босса. Парни покорились мгновенно и безропотно.

Чувство вины надо было заглушить теперь, как и тогда. Вообще есть ли среди окружающих его лиц, перед кем он не был бы виноват? Мама и отец. Лиз и Прис. Ребята. Отчего это? Только не от самовлюбленности. В этом его нельзя обвинить. Как и в

сверхсерьезном отношении к себе. Пресса, правда, иногда обзывала его Нарциссом. Но как только за двадцать с лишним лет не обзывала его пресса?! Время от времени газеты начинали обсуждать вопрос — почему Король ведет столь замкнутый образ жизни? Откуда им было знать (но что началось бы, если б узнали!), что жизни-то, по правде говоря, и не было. Музыка, Лиз и… и… пустота.

В попытке занять себя Джон стал разбирать письма из пакета. Отец действительно отобрал очень красивые конверты. Фирмы, фэны. Все ликующее тепло-национальное. Как реклама соков, повышающих гемоглобин. Снова от «стариков» — Скотти и Ди Джи, Карла и Мэка. Письма Джерри среди кипы не было. Так. Чье вот это великолепие? Ох, батюшки, старый знакомый! Мистер Пьезолини. Что там? О, угроза. Столько лет спустя.

Джон протянул руку к телефону и набрал номер Полковника.

— Алло? Ты, мальчик? Поздравляю. Выздоравливай скорее. Что? Ах, от того макаронщика. Читай. Что-что?! Обещает отомстить? Как? Через какой-нибудь прогрессивный журнал? Где? В Италии? Будешь выставлен самым мерзким пугалом? Стукачом? Плюнь. У мафии везде щупальца, даже в самых прогрессивных журналах. Это уж не твоя забота. И хватит об этом. Испугал ты меня, мальчик. Черт-те что померещилось. Даже твои дурацкие слова перед тем старым концертом вспомнил. Тьфу-тьфу-тьфу.

— Что мы так-то, по телефону? Приезжайте. Вам можно.

— От молодец. Хорошо придумал. Твоих не возьму: они не должны видеть никакой твоей слабины.

— Да, ладно. До скорого.

Разговор с Полковником был долгим. Менеджер соглашался на все. Бил себя в грудь, клятвенно заверяя в преданности. Обещал дать отдых своему мальчику. Устроить, наконец, заграничные гастроли. Лишь бы питомец ожил. Лишь бы захотел чего-нибудь. Пусть хоть взбрыкнет.

О, как понимал тогда Джон своего наставника! Все шито белыми нитками. Или так было всегда? Только он не догадывался. Сейчас он смотрел на все словно со стороны. Полковник снова боялся. На сей раз уж не провала, а конца. Если Короля не будет, зачем Полковник? Ничего, найдет себе занятие. Будет торговать па мятью о нем. Тогда уж ему будет все равно. Или нет?..

В конце разговора Полковник вдруг сказал:

— Слушай, не мое это дело. Знаю. Только бы лучше рядом была какая-нибудь женщина. Друг. Любовница. Но постоянно. Тебе нужно расслабиться.

Джон посмотрел на своего менеджера чуть ли не с ужасом —

тот повторял фразу, сказанную одним врачом двадцать с лишним лет назад в городке, где его свалила ангина. «Научитесь расслабляться». Он не научился. Видно, таким был рожден.

Он слышал ее потом столько раз, эту фразу, ни разу не вняв, не вникнув По-настоящему в смысл. Прис столько попыток предприняла:

— Остановись. Деньги нам не нужны. Отдохни. Ты становишься тяжелым, раздражительным. Вскрикиваешь по ночам. Утром выглядишь, словно с похмелья. Ты так долго не протянешь. Может быть нервное расстройство.

Он отмахивался, полагая, что жена просто хочет засадить его дома. А мама? Мама сколько раз говорила:

— Мальчик мой дорогой, мне невыносимо видеть тебя после твоих концертов. Изможденный. Опустошенный. С погасшими глазами. Ты не доживешь до тридцати.

Но и она не могла удержать сына от бесконечного марафона, превратившего его в сорок с небольшим в жирного, обрюзгшего, отечного полуслепого старика.

Не ради денег он так работал. В музыке была его единственно настоящая жизнь. Некогда было заниматься собой. Даже когда три года назад у него обнаружили глаукому и могли бы вылечить, Джон не нашел на это времени. Мчимся дальше. А сейчас вот — специальные очки. Газеты тут как тут — «Новое в образе Короля». Пресса с упоением обсуждает его нынешние стати. Да, в благословенном отечестве, особенно для звезд, самое страшное — потеря сексапильности. Талант уж вроде и не ну жен. Холеное тело — основа успеха. Будь тебе хоть сто лет. За последний год газетный вой на эти темы, благо никаких интервью он не давал, сделался невыносимым. Пресса сумела втянуть в дискуссию даже фэнов. Да и что такое фэны? Им несть числа, с безумным блеском в глазах и открытыми в вопле ртами. Ценителей мало…

В памяти всплыл концерт в родном городе. За год до злополучного юбилея.

Джон вглядывается в зал. Дома! Наконец-то опять дома. Он вернулся сюда на совсем. Как обещал когда-то. Он так волновался — свои, родные. Он так тщательно отбирал песни. Но стоило ему открыть рот, как земляки зашлись в истошном вопле, мешая ему петь, а себе слушать. Да им это было и не нужно. Сегодня и навсегда Король принадлежит им. Даже в своем родном городе он не смог выйти на бис — толпа рвалась к сцене. Пришлось уходить через черный ход. В машине ждали Джо и Рэд.

— Господи, — сказал первый, — я уж начал волноваться. Давно не видел, чтобы публика так очумела.

— Может, я тому виной, ребята? Ведь столько раз

повторялось.

— Ага-а, почувствовал. Самое время тебе послушаться Полковника. Сменить репертуар. Вон Вождь сколько лет процветает, потому что держит нос по ветру, — горячо заговорил Рэд.

— Ты: что, дружище? Ты это — мне?!

— Тебе. Кому же еще? На кого стал похож. Отец за тебя боится: «Рэд, присмотри за сыном» .Как? Ты ведь никого слушать не хочешь.

— Хватит — наслушался.

— Раньше хоть ради матери держался, — хлестко обрезал Рэд. Бессмысленная жестокость фразы даже Джо заставила вздрогнуть. Джон же сидел, растерянный, словно мальчишка. Снова Рэд имел над ним власть старшего.

Снова. Сколько можно?

— Предлагай!

— Уйди на радио. Передохни. Пой рождественские песни. Другие же поют. И ничего. Приведи себя в порядок. Пока все…

— Да?.. Все?.. Программа минимум, дружок? — тон был зловещим. Рэд затаился — такого Короля он явно побаивался. Джо, не отрывая взгляда от дороги, примирительно забормотал:

— Хватит вам. Ведь вы же ближе всех друг к другу. Рэд, ты сейчас не трогай босса. Сам понимаешь…

— Заткнись, шестерка, — заорал Рэд и тут же прикусил язык.

— Ты всех обличаешь сегодня? — осведомился Джон все с той же тихой яростью. — А ну, катись отсюда, обличитель! — И повелительным жестом притронулся к плечу Джо. Тот остановил машину.

— Катись. И в ближайшее время не попадайся мне на глаза. Будешь нужен, сам позову.

— О'кей, ваше величество. Век не забуду вашей монаршей милости. Отблагодарю…

Снова в голове забухали молоточки. Дурнота облепила. Пот заструился по спине. Нет, надо поскорее дозвониться до дока Джорджа. Он, наконец, добрался до телефона. Набрал номер. Ти… ти… ти… Не судьба. А что, собственно, Джордж? Чем он поможет? Никто уже не поможет. Солнце раскаленное. Земля раскаленная. Ни облачка в небе. Значит, и маме ничто не угрожает. Мама, мама. Хорошо, что ты меня не видишь. Хорошо, мамочка.

— Фу, брежу я, что ли? Нет, так нельзя. И ничего нет страшного. Сейчас поднимусь наверх. Лягу. Отдохну. Пройдет.

Еще посидел. Подождал. Не отпускало. Еще пару таблеток. Закрыть глаза. Отогнать мысли. Воспоминания. Все. Не-е-т.

Воспоминания — груз не пристегнутый. На дороге не оставишь. Все вросло в душу.

Да, его жизнь более всего похожа на мутную реку. Стоит только опустить руку в воду, как веером поднимается грязь. А если в эту реку войти — засасывает ил. Как в одной из песен — «Я мыл руки в мутной воде». Уж куда как мутна река его жизни.

Собрав себя в кулак, Джон прошел через гостиную мимо бильярдной. Кий на столе напомнил, что еще вчера Чарли и Лам здесь бились, а он и Лиз были маркерами. Дочь отнеслась к своим обязанностям абсолютно серьезно, он же погрузился в мрачные размышления, связанные с Рэдом…

После того разговора Рэд заходил к ребятам, но всегда в его отсутствие. Однажды хозяин вернулся домой раньше обычного и, проходя через гостиную, где сидели ребята, лишь слегка кивнул им. Вдруг лицо Рэда словно надвинулось на него. Красное. Пьяное. Донеслись хвастливые слова: «… никуда не денется». Резко повернувшись, Джон пошел назад. Что было делать? Выяснять при остальных отношения с самым старым другом? Ни за что.

Чтобы успокоиться, он пошел проведать Лиз, которая снова была с ним. Однако тут покоя тоже не было. Из-за двери дочкиной комнаты доносился тихий плач. К такому он не был готов. Поэтому и ворвался в ее комнату, не думая, что может испугать дочь еще больше.

Лиз всхлипывала, уткнувшись в одеяло, и не сразу заметила, что в комнате отец.

— Девочка моя! Лиззи!!! Кто обидел тебя? Или ты больна?!

Испуг отца был столь очевиден, что Лиз мгновенно перестала плакать.

— Папуля, родной, не бойся. Ничего. Я читала грустную сказку. Там про мальчика, которого украла Снежная Королева и заставила из ледышек складывать слово «вечность», а он не мог.

Отец уже успокаивался, как вдруг дочка спросила:

— А ты читал эту сказку, когда был маленьким?

— Нет, моя хорошая. У меня не было книг. Мы жили очень бедно. Я ведь рассказывал тебе.

— Да, я помню. Тогда я тебе расскажу все, что я прочитала, а ты почитай мне конец, ладно? — ластясь, спросила Лиз.

— Как скажешь, родная.

— Тогда ты мне почитай вот отсюда: «Стены чертогов Снежной Королевы намела метель, окна и двери проделали буйные ветры».

Джон начал читать, и что-то смутное его мучило. Когда он прочитал про ледовую игру Кая и произнес слово «вечность», Лиз

вдруг обрушила на него один из тех вопросов, от которых нельзя отделаться общими словами:

— Папочка, а что это — вечность?

— Ох, Лиз, не знаю и боюсь, никто не знает. Думаю — сюда входит все: жизнь, любовь, счастье и бессмертие. Ты понимаешь меня?

— Кажется, немножко… Только тогда получается, что вечности нет…

— Почему?

— Потому что все умирают, и потому что нет счастья, потому что ты и мама… — Она снова заплакала, сквозь слезы продолжая. — Я, значит, правильно все поняла.

— Крольчонок мой, погоди. Не плачь. Счастье у тебя еще будет. Уже есть. Мама и я любим нашего крольчонка. Мы постараемся дать тебе счастье

— А у вас оно есть? Что же вы будете мне давать?

Справедливый и жестокий детский упрек. Вот что мучило, когда он читал сказку, — счастья нет. Уж до вечности ли тут?

В тот вечер дочурку удалось успокоить. Надолго ли? Корни обреченности человека могут быть в воспитании, в домашней обстановке. У него — мамина опека. Он знает об этом чуть ли не с рождения. А Лиз? Травма, нанесенная ей родителями, скажется обязательно. Вопрос — когда? Было страшно думать: дочь проживет жизнь (или то, что под этим подразумевалось) так же бездарно, как ее родители. Результат — одиночество.

Один. Сейчас и всегда — один. Сам знал — музыка затмила всех. Осталась толь ко Лиз. Вспомнил со страхом, что вчера звонила Прис. Спрашивала планы относительно дочери, потому что завтра начинается очередное турне. А он тут сидит, как квашня. Плохо, плохо… Сполохи перед глазами. Тошнота. Дурнота. Конец? Путь вниз? Туда? Сам себе накаркал — записал песню с таким названием. Да и содержание подходящее. И вышел громоподобный хит. Прис поздравила с успехом:

— Ты меня радуешь. А то пресса совсем завралась: «Толстый, петь не может, в брюки не влезает». Я-то не верю. Ты есть ты.

— Ты льстишь мне. Зачем, Прис?

— Может, одумаешься?.. С Майком я рассталась. Собственное мое дело — горит. Нет, прав был твой Полковник. Не стоило мне затеваться…

— Поздно, Прис. Я уже ничего, даже прежних крох не смогу тебе дать. Так что Майк? Где?

— С твоим Рэдом. Организуют новую студию каратэ. Да, хочу тебя предупредить во имя былого. Твой бывший друг затевает какую-то пакость против тебя. Книгу воспоминаний, что ли.

Он вежливо поблагодарил. Поверил не очень, но проверить не мешало. С Прис они договорились, что та приедет за дочерью на премьеру.

Разговор разбередил еще одну рану. Царапину? Неважно. Очередной шрам. Рэд… «Друг, почти брат». Рэд не простил ему той выволочки из-за Джо. Все чаше его рыжие глаза нахально, с вызовом оглядывали отяжелевшую фигуру Короля. Разговора по душам так и не получилось. Рэд ускользал, явно рассчитывая, что сломит сопротивление босса и тот снова ощутит свою вину.

Но в Джоне что-то заколодило. Не мог. Не хотел. И понимал — Рэд озлобляется еще больше. Чарли, Лам, Джо и все остальные пытались помирить их будто ненароком. Ан, не вышло. Пожалуй, даже стало хуже.

Около года назад произошел окончательный разрыв. Как-то, вернувшись с просмотра фильма, Джон услышал в гостиной голос Рэда:

— О чем ты говоришь? Конечно, помогу. Могу и лично принять участие. Это был удобный момент для разговора, и Джон уже было собрался уйти, что бы не мешать Рэду, а потом перехватить друга, как услышал:

— Чего бояться-то?.. Ах, Короля?.. Еще чего? Он замер на месте. Рэд действительно не боялся, что кто-то его услышит. И Джон стал слушать, стыдясь и желая выяснить все до конца.

— Да и вообще, осточертела мне вся эта королятина. Подумаешь, некоронованное величество! Что он, собственно, сделал? Направление? Олухи вы все. Ален дал направление. Полковник все это расширил и оформил. Фирма субсидировала, потому что юнцы жаждали новенького. Вот тебе и империя. Ну, был хорош вначале. Свеж. А вдуматься — все поет: ритм-энд-блюз — пожалуйста, кантри — пожалуйста, рок — пожалуйста. Ты вслушайся — каша. Нет ни того, ни другого, ни третьего. Все смешано. Называется — музыка Короля. Ведь скучно. Чем он лучше Вождя и остальных? Сопли сплошные стали. Да нет же, старик. Плевать я хотел. Я и сам давно собираюсь уходить. С помпой. Хочу воспоминания отгрохать. Зол я. А? Нет. Пусть покрутится. Все думают — образец для подражания. Не пьет. Не курит. Куда к черту! Личность-то ничтожная. За душой ничего. Вахлак, в сущности. Ногти до сих пор грызет. Порочен? Уж как водится. Вседозволенность полная. Даже Полковник в руки взять не может. Наркотики. Бабы. Нет-нет. Не вру. Ей-ей! Хорошо, что Прис тогда ушла с тобой, Майк. Услышит и услышит. Сам давно собираюсь оставить сей мрачный замок. Всего. Можешь на меня рассчитывать.

Положив трубку, Рэд поднялся с кресла и встретился с

взглядом Короля. Не вздрогнул, но поежился.

— Прекрасно, Рэд. Надеюсь, мне не придется выставлять тебя из замка, коль ты сам решил его покинуть. Счастливого пути, — без видимых эмоций обронил Король. Рэд стоял, упрямо набычив шею:

— Слышал? Вот и прекрасно. Ты еще силен, но я сделаю из тебя чучело. Не отмоешься. За все мои унижения.

Джон молчал, пораженный сходством угроз мафиози и лучшего друга, но лицо его говорило яснее слов — бесконечное омерзение было на нем. Рэд вышел, не проронив больше ни звука.

Так… Еще одна связь с молодостью оборвалась.

Рэд был вычеркнут. О нем не вспоминали в присутствии Короля. Впервые он снова услышал о бывшем друге два месяца назад. Незадолго до своего последнего концерта, устроенного крупнейшими звукозаписывающими фирмами страны, Джордж отозвал его и, весь трясясь от гадливости, сказал, что от верных людей знает — Рэд уже сделал книгу. Никто, правда, не хочет связываться — столько там мерзости. Но Рэд нашел какого-то писаку. Тот обещал пристроить в одно полупорнографическое издательство. Если у них выйдет, неприятности начнутся после середины августа.

— Самое время им начаться. Черт с ним! Теперь все равно. А ведь, пожалуй, Рэд просчитался. О покойниках… Тьфу, дурак. Опять за свое. Ох, несдобровать Рэду. Пусть хоть застрелится. Не взять ему надо мной верх!

Джон медленно усмехнулся левым уголком рта, понимая, что это случится. И хватит на грустные темы. Надо ведь еще дойти до мамы. Нет, на Форест-хилл уже не добраться. В ее комнату.

И словно спала с глаз пелена. Словно силы вернулись. Никакой одышки. Ничего. Эх, спеть бы еще разок. Нет. Обвалы в груди не прекратились. Сердце дрожало, как в лихорадке. Но к маме он зашел. Сесть не решился. Постоял совсем недолго.

— Мама, мамочка! Видишь, я, в сущности, так же беспомощен, как Лиз. Я умудрился не повзрослеть за все эти годы. Музыка отгородила меня от жизни. Я только старел. Прости меня, родная. Я никогда не забывал тебя. А сейчас пойду. Боюсь. Не хочу — здесь. Они, знаешь, чего потом понапишут. Прощай, ма…

Ключ щелкнул в замке, отсекая его этим звуком навсегда от матери. Его убежища. Его оплота.

Он сел перед бюро. И тут силы оставили его окончательно. Все поплыло перед глазами. Взгляду не на чем было сфокусироваться, кроме высохшего букета синих и ярко-желтых цветов на длинных стеблях, стоявших в вазе причудливой формы.

Он тупо на них и уставился. Цветы с последнего концерта. За два месяца, прошедших после него, от букета немного осталось. Но оставшиеся не потеряли даже цвета.

Тот концерт. Последний… Фирмачи и газетчики ходили среди публики, брали интервью. Газетчиков больше всего интересовал вопрос — почему люди все-таки пришли? Король так плохо еще никогда не выглядел. Фирмачей же интересовало — стоит ли заключать с ним очередной контракт или он никому уже не нужен.

Джон и сам знал, что ужасен. Похож на старую толстую бабу. Он был бы рад, окажись зал пустым. Так ведь нет. Имидж продолжал работать на него. «Король, — объясняли пришедшие на его концерт. — Он и впрямь Король. Из золушек в принцессы. О, Король есть Король». Ничего вразумительного. Никто и слова не сказал о его пении, о его голосе.

Он вышел к краю сцены, пытаясь увидеть хоть первые ряды. Вдруг удастся понять, что манило на его концерты людей в течение двадцати с лишним лет. Нет, понять было трудно. Они требовали от него песен и сувениров. Расшвыривая им свои сувенирные шарфы, Джон вдруг заметил в первом ряду женщину, которая и пальцем не пошевельнула, чтобы схватить летевший мимо нее шарф.

Случайная? В первом ряду? Очень захотелось узнать — кто, что, почему? Он запел «Мой путь» и медленно пошел в сторону этой женщины…

«Итак, всему конец.
Я говорю об этом смело.
Мой друг, я буду петь,
Я расскажу, как было дело…».

Приглядевшись, Джон обомлел. Лицо женщины заливали слезы. Она сидела, слегка откинувшись в кресле. Ни намека на привычную истеричную поклонницу. Руки были сложены на коленях и придерживали огромный букет синих и желтых цветов. Слезы даже не производили впечатления настоящих — словно потоки дождя, струящиеся по лицу.

Так, стоя перед ней, он и закончил песню. Потом оркестр заиграл попурри из его ранних хитов. «Ей не понравится», — решил Джон и пошел по сцене прочь. Но не выдержал — оглянулся. Женское лицо смеялось, ликовало. Но поза не изменилась. Он хотел было пойти назад, к ней. Что она знала о нем? Почему плакала? Чему смеялась? Что задел он в душе этой женщины? Он не мог, не хотел сопротивляться себе. Его влекло

туда, где она сидела. Чарли тоже заметил ее. Как и состояние Короля. И, подавая ему ритуальный стакан воды, шепнул:

— Ты ее знаешь? Кто она?

— Нет, Ча…

— Узнать?

— Не надо. Так даже лучше. Я могу выдумывать, что угодно. Не надо, — повторил еще раз быстро и твердо.

Но в нем самом что-то произошло. Ожил! Подтянулся. Расправился, почувствовав радость от общения с залом. Несмотря на свою полноту, гибко скользнул к микрофону. Послал публике воздушный поцелуй. И зал зашелся ревом. А он уже летящим молодым шагом, волоча за собой шнур, шел туда, где — о, впервые он знал это твердо — его понимали. Следующая песня называлась «Волшебная сказка». Глаза женщины сначала стали испуганными, потом светлыми, прозрачными. Она, не мигая, смотрела на Короля, но взгляда поймать было нельзя. Глаза уплывали в ту сказочную страну, о которой он пел:

«Счастье — сказка для детей, Моя единственная. А мы уже выросли и знаем — Счастья нет, и все проходит».

Закончив, он вдруг увидел пристальный, требовательный взгляд Чарли. Понял мгновенно и запел мамин госпел.

Женщина опять изменилась. Подалась вверх и замерла. Чувствовалось, что в ней все вибрирует.

Как он был благодарен незнакомке! Как хотел оставить что-нибудь на память. Шарфики ей не нужны. Быть может, кольцо?.. Нет. Такая не возьмет. Обидится. Что же? Он не хочет ничего знать о ней. Что он может дать женщине, развалина? Весь свой излом, боль? Счастья нет. Но нынешний вечер для них — Певца и Ценителя.

Начиная последнюю песню концерта, он вдруг снова сделал пируэт, опустился на колени и наклонился к ней. Жест был рискованным при его нынешних габаритах. Но опять она, казалось, все поняла и подалась навстречу. Он протянул ей микрофон, положил ей на плечи руки и запел.

Зал, подозревая обычный трюк Короля, снова заголосил. Он не стал поощрять публику. Он не слышал зала. Он пел, словно первый раз в жизни, забыв на эти несколько минут, что в зале Лиз, что она видит все и что вдруг ей будет горько:

«Люди спрашивают,
Как можно так любить.
Но ведь не объяснишь каждому,
Что я просто не могу иначе».

Лицо женщины снова залили какие-то солнечные слезы. Она понимала его, как когда-то понимала Марион. Ему казалось, что их в зале двое. Но вокруг уже засверкали блицы. Необходимо увековечить Короля таким. Новым.

Песня замерла на какой-то трагической ноте. Зал молчал, потрясенный. У него осталась секундочка, не вставая с колен, прошептать: «Что я могу подарить вам на память?». Она покачала головой и протянула свой невероятный букет и пластинку для автографа. Последнюю. «Путь вниз». Он вздрогнул, но она мягко коснулась его руки, подавая шариковую ручку. Секунда?

И тут взорвался зал. Надо было раскланиваться. А женщина, воспользовавшись моментом, уже уходила по проходу, держась абсолютно прямо. Он смотрел ей вслед и твердо знал — все. Продолжения не будет. Бережно держа букет, он прошел за кулисы. Джо и Лиз уже ждали.

— Ну, босс… Давно я тебя таким не видел. Еще одно рождение. Таким. Незнакомке спасибо.

— Ох, Джо. Боюсь, поздно мне начинать сначала.

— Глупости, — отверг Джо, и, повернувшись к Лиз, добавил: — Спроси дочь. Застенчиво потупившись, Лиз прошептала с восторгом:

— Ты должен так петь всегда.

— Есть, мой командир, — отшутился он и, взяв маленькую ручку дочери в свою гибкую большую мужскую руку, пошел к выходу.

Он осторожно потрогал остатки букета. Спасибо, мой последний ценитель! Сердце от таких воспоминаний не успокоилось. Ему хотелось еще разок просмотреть свои распоряжения на случай… Но боль так быстро нарастала, сердце так толкалось в ребра и дышать было так трудно, что он отказался от своих намерений. Счастливее никто не станет. Нет, он, конечно, не Кай, Но зачарованная страна была. Только вместо слова «вечность» он пытался выложить слово «счастье». Не удалось. И вдруг, словно кто ударил его изо всей силы по ребрам. Дыхание перехватило и сердце остановилось. Но тут же боль и прошла. Осталась лишь пустота. Пустота ширилась и ширилась, заполняя все внутри…

Не удалось счастье. И тогда, устав перебирать льдинки, из которых так и не составилось заветное слово, бедный мальчик из южного штата закрыл глаза и рухнул на пол…

Прощай, Король!

Июль 1979 — июнь 1980 г.

notes

Примечания

1

Пейола (от английского слова «рау» — платить) — скандал в конце 50-х годов, произошедший в Америке. Он был вызван тем, что фирмы платили диск-жокеям за лишний прогон выгодных пластинок. (Прим. автора).